

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 9(75), № 1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издался с 1919 года.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2023

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.10.2 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 2 от 14.03.2023г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борщик Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кондратьев Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», доктор исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кравцова Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь) – выпускающий редактор;

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Института археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Владимирович – профессор кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник, член-корреспондент РАН (г. Санкт-Петербург);

Хлебов Александр Алексеевич – профессор кафедры «История» Института общественных наук и международных отношений (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; профессор кафедры истории и международных отношений историко-филологического факультета (структурное подразделение) Филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Шевелев Сергей Стефанович – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Подписано в печать 14.03.2023. Формат 70x100 1/16 усл. п. л. Заказ № НП/671. Тираж 25шт. Бесплатно.

Дата выхода в свет «27» сентября 2024 г.

Отпечатано в Издательском доме

Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 378(100):057.875

ИЗ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИМФЕРОПОЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. М. В. ФРУНЗЕ

Васильев В. В., Васильева О. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: vassilev.valerij@gmail.com*

Анализируется многогранная международная образовательная деятельность в Симферопольском государственном университете. Важным направлением этой работы являлась подготовка высококвалифицированных кадров специалистов для зарубежных стран Азии, Африки и Латинской Америки. Подробно раскрыта организационная, учебно-методическая и воспитательная работа с иностранными студентами. За период 1973–1999 годов более 400 граждан из 40 стран мира получили дипломы выпускников Симферопольского госуниверситета. Рассказывается о первом в Советском Союзе ежегодном международном семинаре по русскому языку для граждан Федеративной Республики Германии, который начал свою работу в 1973 году. Отражена роль доктора филологии Йоханнеса Баара (ФРГ) как инициатора этого семинара. Анализируется творческая плодотворная работа коллектива университета по организации разнообразных краткосрочных образовательных программ по русскому языку для иностранных русистов из европейских стран и Соединённых Штатов Америки.

Ключевые слова: международная образовательная деятельность, иностранные студенты, русисты, семинар по русскому языку, лингвистическая компетенция, аспектное преподавание.

Богатая событиями история Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе неразрывно связана с активным участием коллектива молодого крымского вуза в международной образовательной деятельности. Важным направлением этой работы являлась подготовка высококвалифицированных кадров специалистов для зарубежных стран. Данная тема нашла отражение в ряде научных публикаций [3; 5; 11]. К 100-летию юбилею «Alma mater» были изданы важные фундаментальные труды [7; 10; 13; 15]. Вместе с тем, отдельные аспекты указанной темы не были раскрыты в достаточной степени. Цель настоящей статьи – осветить основные вопросы обучения иностранных граждан в университете в период 1973–1999 годов.

Первая группа иностранных студентов прибыла в Симферопольский государственный университет 22 августа 1973 года. Это были юноши и девушки из Польской Народной Республики (25 человек), которые начали обучение на филологическом факультете по специальности «русский язык и литература» [11, с. 368]. Учебную, научно-методическую и воспитательную работу с иностранными студентами организовывали и проводили деканат филологического факультета (декан – доцент В. М. Ронгинский) и кафедры методики преподавания русского

языка и литературы (зав. кафедрой – доцент А. А. Соловьева). Общее руководство этим ответственным направлением работы осуществлял первый проректор университета доцент В. Г. Ена, с 1984 года – доцент В. Ф. Шарапа. Они внесли огромный вклад в становление и развитие всей системы международной образовательной деятельности в Симферопольском государственном университете.

В 1975 году создаётся общеузовский деканат по работе с иностранными учащимися, на который была возложена совместно с другими подразделениями вуза подготовка высококвалифицированных специалистов из числа иностранных граждан и учебно-воспитательная работа с ними. Возглавил деканат старший преподаватель кафедры английского языка А. И. Ишин. В это время в университете было 76 иностранных студентов-филологов. Кроме польских граждан, на филологическом факультете обучались студенты из ряда стран Азии и Африки. В 1978 году на учёбу в университет прибыла первая большая группа кубинской молодежи, в 1981 году приехали ребята из Афганистана, а с 1985 года стали обучаться студенты из Вьетнама.

Постепенно увеличивалось число факультетов, где обучались иностранные студенты. В 1978 году началась их учёба на факультете естественных наук, в 1979 году – на географическом, в 1981 году – на историческом факультете. С 1978 года в университет стали приезжать аспиранты, стажёры, магистранты из зарубежных стран [2, с. 4]. Иностранные граждане обучались как на основании межгосударственных соглашений, так и по линии различных общественных организаций. После окончания учёбы выпускники получали два диплома: один – магистра наук по соответствующей специальности, второй диплом давал право на преподавание русского языка как иностранного.

Общеузовский деканат совместно с факультетами осуществлял значительную работу по организации учебного процесса, проведению культурно-воспитательных мероприятий, улучшению быта иностранных учащихся. С 1980 по 1987 год деканом по работе с иностранными учащимися работал доцент кафедры новой и новейшей истории Ю. И. Горбунов. Тогда же были созданы первые землячества студентов из Польши, Кубы, Лаоса. Важную роль в деле воспитательной работы с иностранными учащимися играли страноведческие мероприятия, которые знакомили студентов с культурой народов Советского Союза, а также интернациональные вечера дружбы, посвященные Международному дню студентов и национальным праздникам. Были организованы и успешно работали интернациональные студенческие клубы: «Африка», «Латинская Америка», «Индия» и другие.

Иностранные студенты активно участвовали в научных студенческих конкурсах и конференциях, а также в интернациональных фестивалях художественного творчества. Они давали концерты в школах, на предприятиях, в колхозах и совхозах Крыма; выступали на соревнованиях по различным видам спорта. Многие иностранцы получили трудовую закалку в студенческих строительных отрядах. Особой популярностью пользовался интернациональный ССО «Дружба», бойцы которого летом трудились на народнохозяйственных объектах Западной Сибири. Ежегодно на зимних и летних каникулах деканат по

работе с иностранными учащимися организовывал отдых студентов и аспирантов, разнообразные экскурсионно-ознакомительные поездки не только по Крыму, но и в Москву, Ленинград, Киев, Прибалтику, Закавказье, Среднюю Азию.

В ноябре 1987 года деканом по работе с иностранными учащимися стал В. В. Васильев, доцент кафедры истории СССР. Были определены актуальные задачи деканата в условиях политики «перестройки», разработаны и приняты меры по дальнейшему совершенствованию основных направлений учебно-воспитательной работы с иностранными студентами. К концу 1980-х годов в университете функционировало около 20 землячеств студентов из Афганистана, Вьетнама, Польши, Зимбабве, Никарагуа, Анголы, Греции, Кубы, Индии, Камбоджи, Лаоса, Мали, Сирии, Эфиопии и других стран. В эти годы в университете обучалось около 200 студентов из 40 стран мира [8, с. 170]. Вместе с тем, в силу различных причин к началу 1990-х годов университет прекратил приём иностранных студентов на учёбу на географический факультет и факультет естественных наук.

С 1992 года, после распада Советского Союза, полностью прекратился централизованный приём иностранных студентов в университет на госбюджетной основе, их обучение стало платным. В этих условиях была проведена большая работа по поиску зарубежных партнёров для организации набора на учёбу иностранных граждан. Уже в 1993 году были установлены контакты с партнёрами в Турции, что позволило организовать обучение турецких студентов на факультетах филологическом и иностранной филологии на коммерческой основе. Вплоть до начала 2000-х годов турецкие граждане составляли основной контингент иностранных студентов Симферопольского государственного университета.

Важным событием стало включение Симферопольского государственного университета в программу межгосударственного сотрудничества Украины и Китайской Народной Республики в сфере высшего образования. В мае 1999 года вуз посетила официальная делегация Министерства образования Китая, в ходе этой поездки была достигнута договоренность о приглашении на учёбу китайских граждан. На многие годы нашим надёжным партнёром в организации образовательных программ для китайских студентов стал педагогический университет Цю Фу в городе Циндао (провинция Шаньдун) [2, с. 4].

Если в советский период 1970–1980-х годов иностранные студенты обучались в университете на 4 факультетах по 5 специальностям, то к концу 1990-х годов они учились уже на 10 факультетах по 17 специальностям. Самыми популярными и перспективными были следующие специальности: русский язык и литература, английский язык и литература, международная экономика, менеджмент внешнеэкономической деятельности, журналистика, правоведение, информатика, биология, туризм. За период 1973–1999 годов более 400 граждан из 40 стран мира получили дипломы выпускников Симферопольского государственного университета [11, с. 369].

Более 30 иностранных выпускников успешно окончили аспирантуру в нашем университете и защитили кандидатские диссертации [16, с. 134]. Среди них: Ирена

Первакова, Люба Иванюк, Збигнев Буляж(Польша), Маиса Мнезель(Сирия), Барри Тьерно Аль-Хуссейн (Гвинея), Лионель Сантана Вега (Никарагуа), Самуэль Атобателе (Нигерия), Абдул Малек (Афганистан), Канде Конте (Сьерра-Леоне), Мазен Ибрагим Катато (Иордания), Мансур Салех Абдо (Йемен).

Важное место в системе международного образования в Симферопольском государственном университете занимали краткосрочные формы обучения иностранных граждан русскому языку. Их история также начинается с 1973 года, когда был проведён первый семинар по русскому языку для граждан Федеративной Республики Германии; в то время он был единственным в Советском Союзе [18, с. 7]. Инициатором семинара, который стал ежегодным и получил общеевропейское признание, выступил вице-президент Общества русистов ФРГ доктор филологии Йоханнес Баар. В декабре 1972 года он обратился к министру высшего и среднего специального образования СССР с просьбой предоставить возможность проведения трехнедельного семинара для 30 немецких участников в любом месте Советского Союза. В апреле 1973 года через советское посольство в Бонне был получен ответ, что такой семинар может быть проведён в сентябре того же года в Симферополе [1, с. 59].

В июне 1973 года В. П. Елютин, министр высшего и среднего специального образования СССР, подписал приказ об организации в Симферопольском государственном университете ежегодного семинара по русскому языку для граждан ФРГ с числом участников 30 человек и сроком проведения – три недели [14, с. 187–188]. Через два месяца, 24 августа, доктор Йоханнес Баарс первыми 29 немецкими студентами прилетел из Берлина в Симферополь. Позже он вспоминал: «Нас действительно ждали: в аэропорту, в университете, на кафедре. Мы достигли желанной цели. Это была и моя личная цель!» [19, с. 76]. С 1973 по 1982 год семинары немецких русистов в Симферопольском госуниверситете продолжались 3 недели, а с 1983 года они стали четырехнедельными [3, с. 413].

Основная цель симферопольского семинара состояла в совершенствовании навыков аудирования и говорения, формировании лингвистической компетенции немецких русистов. Учебная программа предусматривала лекции и практические занятия по развитию навыков устной речи, фонетике и переводу, участие в спецкурсах по русскому языку, литературе и страноведению. На семинаре сложилась традиция аспектного преподавания русского языка, были выделены следующие аспекты: лексико-грамматический, разговорно-страноведческий, практическая фонетика и перевод [12, с. 110]. Преподаватели кафедры методики преподавания русского языка и литературы проводили большую учебную, научно-методическую и культурно-ознакомительную работу с иностранными учащимися, что позволило накопить ценный международный опыт по организации краткосрочных форм обучения иностранных русистов. Большую помощь кафедре в организации и проведении семинаров оказывал общевузовский деканат по работе с иностранными учащимися.

Симферопольский семинар для русистов из Федеративной Республики Германии выдержал испытание временем: за 30 лет работы с 1973 года более одной

тысячи немецких граждан были его участниками. Как вспоминал доктор Йоханнес Баар: «...в течение всех лет семинара я не встретил никого, кто бы не был в восторге от того времени, которое провёл в Симферополе. Это время и для каждого участника и для меня незабываемое» [19, с. 76]. Благородная деятельность Йоханнеса Баара, связанная с преподаванием и популяризацией русского языка, получила мировое признание. Он был избран почётным доктором Санкт-Петербургского государственного университета [6, с. 9], награждён высшим знаком отличия ФРГ – Федеральным Крестом «За заслуги» [17, с. 159], в 1985 году удостоен высшей награды Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) – медали А. С. Пушкина [9, с. 113]. По мнению почётного директора Европейской комиссии Лотара Флосса «доктор Баар стал уникальным строителем мостов взаимопонимания, своего рода светским понтификом» [4, с. 91].

В 1988 году в рамках установления дружественных связей между Крымской областью и штатом Орегон (США) был подписан договор о сотрудничестве между Симферопольским госуниверситетом и Вилламетским университетом (город Сейлем). В соответствии с договором, начиная с 1989 года, группа американских студентов ежегодно в течение одного семестра изучала в Симферополе русский язык по специальной программе включенного обучения. Несмотря на различные политические коллизии этот двусторонний договор успешно действовал в течение 25 лет [5, с. 130].

В конце 1980-х годов, в период «перестройки» в СССР, произошли значительные изменения в подходах к организации краткосрочного обучения иностранных граждан в Симферопольском госуниверситете. В условиях развития рыночных отношений в сфере международного образования общевузовский деканат по работе с иностранными учащимися предпринял первые шаги по развитию внешнеэкономической деятельности университета и созданию на коммерческой основе новых краткосрочных форм обучения зарубежных русистов.

Весной 1990 года в ходе поездки декана В. В. Васильева в Германию и Швейцарию были заключены первые международные договоры, предусматривавшие краткосрочное обучение иностранных граждан русскому языку в Симферопольском госуниверситете. Были подписаны договоры с немецким университетом им. Йоханнеса Гуттенберга (город Майнц), отделом народного образования города Дюссельдорфа, а также немецким и швейцарским Бюро академических обменов (DAAD и IST) [2, с. 4]. В ходе реализации достигнутых международных договоренностей в университете была проведена большая работа по организации новых краткосрочных курсов языковой подготовки и программ индивидуальных стажировок для иностранных учащихся на базе кафедры методики преподавания филологических дисциплин. Это позволило летом 1990 года принять на коммерческое обучение первые группы немецких студентов и гимназистов.

Большую помощь университету в поиске новых зарубежных партнёров оказали доктор Йоханнес Баар и его ученики: Ингрид фон Мицлафф, Теодор Валь-Ауст, Хорст Барбиан, Хельмут Рюккер и другие. Так, Ингрид фон Мицлафф

рекомендовала городскому отделу народного образования Дюссельдорфа Симферопольский госуниверситет в качестве партнера для организации курсового обучения немецких гимназистов. В 1990–1997 годах школьники из Дюссельдорфа ежегодно летом приезжали на обучение русскому языку сроком на один месяц. Бессменным руководителем этих групп был директор гимназии Райнхард Фрелих [5, с. 131].

Весомый вклад в установление двусторонних связей в области преподавания русского языка внес известный немецкий русист профессор Института славистики университета города Майнц доктор филологии Йоханн Майхель. В соответствии с подписанным договором немецкие студенты из Майнца в 1990-е годы регулярно приезжали в наш университет на краткосрочные курсы русистов.

Особое значение имело установление партнерских связей нашего университета с Институтом русского языка «Русикум» земли Северный Рейн-Вестфалия (город Бохум, ФРГ). Двусторонний договор, подписанный в декабре 1991 года, предусматривал не только направление немецких слушателей, прошедших предварительную учебу в Бохуме, в Симферопольский госуниверситет по программе семестрового обучения, но и приглашение преподавателей нашего университета на работу в Институт «Русикум». Профессора Л. А. Долгополова, А. Д. Петренко, Т. А. Яценко, доценты Л. Е. Бессонова, В. В. Васильев, Л. С. Моисеенкова не только зарекомендовали себя в Германии высококвалифицированными специалистами, но и проводили большую работу по привлечению немецких студентов на учебу в Симферополь. Договор с Институтом «Русикум» активно действовал до начала 2000-х годов [5, с. 131].

Новые интересные формы проведения учебных занятий, хорошая методическая база, насыщенная культурно-ознакомительная программа, возможности прямых контактов со студенческой молодежью и преподавателями – всё это сделало краткосрочные образовательные программы для иностранных граждан в нашем университете широко известными и популярными в европейских странах и Соединенных Штатах Америки. Студенты, обучавшиеся русскому языку в нашем вузе, нередко возвращались на новые языковые программы. Так, выпускник исторического факультета 1988 года Салиф Траоре, ныне профессор кафедры иностранных языков Военно-Морской академии США (город Аннаполис, штат Мэриленд), в 1999 году выступил инициатором приезда на учебную языковую практику в Симферопольский госуниверситет группы курсантов академии. Семинары по русскому языку для американских курсантов, проходившие в течение нескольких лет, имели большой успех.

После распада Советского Союза и падения «железного занавеса» иностранные граждане получили широкие возможности для индивидуального приезда в наш университет для обучения по языковым программам. Немецкая русистка Сабина Штёр и швейцарский студент Андреас Кириаку были первыми зарубежными учащимися, которые в 1990 году прошли индивидуальный курс обучения русскому языку. В последующие годы такой курс в Симферопольском госуниверситете

прошли десятки иностранных граждан из Франции, Германии, Великобритании, США, Италии, Греции, Испании, Швейцарии, Швеции.

В современных условиях усилилась конкуренция между университетами на международном рынке образовательных услуг. В тоже время значительно повышается интерес иностранных граждан к получению образования в нашем университете, который ныне называется Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. Причиной этого является высокий рейтинг вуза, хороший кадровый потенциал, многолетние традиции и богатый опыт международной образовательной деятельности. Поэтому есть уверенность, что число иностранных студентов, а также любителей русского языка и литературы, приезжающих на учёбу в университет, в последующие годы будет увеличиваться.

Список использованных источников и литературы

1. Баар Й. Об истории русских семинаров Немецкой ассоциации русистов // Русский язык за рубежом.– 2003.– № 1. – С. 58–61.
Baar I. Ob istorii russkikh seminarov Nemetskoj assotsiatsii rusistov // Russkii yazyk za rubezhom.– 2003.– № 1. – С. 58–61.
2. Васильев В. В. Международный престиж диплома нашего университета // Таврический университет.– 2003.– № 8(916). – С. 4.
Vasil'ev V. V. Mezhdunarodnyi prestizh diploma nashego universiteta // Tavrisheskii universitet.– 2003.– №8(916). – С. 4.
3. Васильев В. В., Васильева О. А. Язык до Симферополя доведет: к 90-летию со дня рождения доктора филологии Йоханнеса Баара // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Филология. Социальные коммуникации».– 2011.– Т. 24(63).– № 1, ч. 1. – С. 411–415.
Vasil'ev V. V., Vasil'eva O. A. Yazyk do Simferopolya dovedet: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya doktora filologii Iokhannesa Baara // Uchenye zapiski Tavrisheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. – Seriya «Filologiya. Sotsial'nyekommunikatsii».– 2011.– Т. 24(63).– № 1, chast' 1. – S. 411–415.
4. Васильев В. В., Коваленко Б. Н. Доктор Йоханнес Баар – патриарх немецкой русистики // Русский язык за рубежом / Специальный выпуск. Русистика Германии.– 2017. – С. 90–95.
Vasil'ev V. V., Kovalenko B. N. Doktor Iokhannes Baar – patriarkh nemetskoj rusistiki // Russkii yazyk za rubezhom / Spetsial'nyi vypusk. Rusistika Germanii.– 2017. – S. 90–95.
5. Васильев В. В., Шарапа В. Ф. Из истории международных семинаров русистов в Таврическом национальном университете им. В. И. Вернадского (1973–2013 гг.) // Культура народов Причерноморья.– 2013.– № 262. – С. 129–132.
Vasil'ev V. V., Sharapa V. F. Iz istorii mezhdunarodnykh seminarov rusistov v Tavrisheskom natsional'nom universitete im. V. I. Vernadskogo (1973–2013 gg.) // Kul'tura narodov Prichernomor'ya.– 2013.– № 262. – S. 129–132.
6. Вербицкая Л. А. Доктор Баар – почётный доктор Санкт-Петербургского государственного университета // Баар Й. Урок русского: Фронтовые письма немецкого лейтенанта / Предисл. Л. А. Вербицкой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 184 с.
Verbitskaya L. A. Doktor Baar – pochetyi doktor Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta // Baar I. Urok russkogo: Frontovye pis'ma nemetskogo leitenanta / Predisl. L. A. Verbitskoi. – SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPBGU, 2005. – 184 s.
7. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Авт.-сост. Непомнящий А. А., Кравчук А. С. – Белгород: Константа, 2018. – 352 с.
Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentakh i fotografiyakh / Avt.-sost. Nepomnyashchii A. A., Kravchuk A. S. – Belgorod: KONSTANTA, 2018. – 352 s.

8. История Таврического университета / Багров Н. В., Бержанский В. Н., Дементьев Н. Е. и др. – Киев: Либідь, 2003. – 248 с.
Istoriya Tavrichesko gouniversiteta / Bagrov N. V., Berzhanskii V. N., Dement'ev N. E. i dr. – K.: Libid', 2003. – 248 s.
9. Материалы МАПРЯЛ. Награждение медалью А. С. Пушкина // Русский язык за рубежом.– 1986.– №3. – С. 112–113.
Materialy MAPRYAL. Nagrazhdeniemedal'yu A. S. Pushkina // Russkiiyazykzarubezhom.– 1986.– №3. – S. 112–113.
10. На пороге столетия: от Таврического университета – до Крымского федерального: история в документах и фотографиях / Авт.-сост. Багров Н. В., Чуян Е. Н., Орехов В. В. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2014. – 360 с.
Na poroge stoletiya. Ot Tavrichesкого universiteta – do Krymskogo federal'nogo. Istoriya v dokumentakh i fotografiyakh / Avt.-sost. Bagrov N. V., Chuyan E. N., Orekhov V. V. – Simferopol': IT «ARIAL», 2014. – 360 s.
11. Очерки истории Симферопольского государственного университета (1918–1993) / Сидякин В. Г., Шарапа В. Ф., Гарчев П. И. и др. – Симферополь: Таврида, 1993. – 416 с.
Ocherki istorii Simferopol'skogo gosudarstvennogo universiteta (1918–1993) / Sidiyakin V. G., Sharapa V. F., Garchev P. I. i dr. – Simferopol': Tavrida, 1993. – 416 s.
12. Попова Э. М., Новикова Т. Ю., Васильев В. В. XV Международный семинар русистов из ФРГ в Симферополе // Русский язык за рубежом.– 1988.– №2. – С. 110.
Popova E. M., Novikova T. Yu., Vasil'ev V. V. XV Mezhdunarodnyi seminar rusistov iz FRG v Simferopole // Russkii yazykzarubezhom.– 1988.– №2. – S. 110.
13. Профессора Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: В 3-х т. / Ред.-сост.: Непомнящий А. А., Ломакин Д. А., Грушецкая В. А. и др. – Белгород: Константа, 2018. – Т. 1. – 404 с.; Т. 2. – 428 с.; Т. 3. – 380 с.
Professora Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo: V 3-kh t. / Red.-sost.: Nepomnyashchii A. A., Lomakin D. A., Grushetskaya V. A. i dr. – Belgorod: Konstanta, 2018. – T. 1. – 404 s.; T. 2. – 428 s.; T. 3. – 380 s.
14. Сборник документов по вопросам приёма, обучения и материального обеспечения иностранных граждан, обучающихся в СССР. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1974. – 285 с.
Sbornik dokumentov povoprosampriema, obucheniya i material'nogo obespecheniya inostrannykh grazhdan, obuchayushchikhsya v SSSR. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1974. – 285 s.
15. Сто лет служения науке и просвещению: исторический факультет Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского / Под. ред. Петровой Э. Б. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 356 с.
Sto let sluzheniya nauke i prosveshcheniyu: istoricheskii fakul'tet Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo / Pod. red. Petrovoi E. B. – Simferopol': IT «ARIAL», 2018. – 356 s.
16. Таврический университет: документы и материалы / Багров Н. В., Шарапа В. Ф., Богданович Г. Ю. и др. – К.: Либідь, 2008. – 288 с.
Tavricheskii universitet: dokumenty i materialy / Bagrov N. V., Sharapa V. F., Bogdanovich G. Yu. idr. – K.: Libid', 2008. – 288 s.
17. Флосс Л. Пленник русского слова // Новый журнал.– 1998.– №1. – С. 155–160.
Floss L. Plennik russkogo slova // Novyi zhurnal.– 1998.– №1. – S. 155–160.
18. Baar J. Grusswort // Russisches Sprachseminar in Timmendorfer Strand – 40 Jahre. 1966–2005. – Timmendorfer Strand, 2005. – 54 s.
19. Baar J. Wie die russische Sprache mich bis nach Simferopol führte // Krim-Ferien.– 2011.– №1(12). – S. 74–76.

Vasiliev V. V., Vasilieva O. A. From the history of international educational activity at Simferopol State University

The article highlights the multilateral international educational activity at Simferopol State University. An important area of this work was the training of highly qualified specialists for foreign countries in Asia, Africa and Latin America. Organizational, educational, and methodical work with foreign students is disclosed in detail. During the period 1973–1999, more than 400 citizens from 40 countries of the world received diplomas of Simferopol State University graduates. The article tells about the first in the Soviet Union annual international seminar on the Russian language for citizens of the Federal Republic of Germany, which began its work in 1973. The role of the Doctor of Philology Johannes Baar (FRG) as the initiator of this seminar is reflected. The article analyzes the creative fruitful work of the university staff in organizing various short-term educational programs in the Russian language for foreign Russian speakers from European countries and the United States of America.

Keywords: international educational activity, foreign students, Russian specialists, seminar on the Russian language, linguistic competence, aspect teaching.

УДК 94(73)+930"1930/1940"

**ГЕНЕЗИС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США:
СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
1930-Х – НАЧАЛА 1940-Х ГОДОВ**

Дорофеев Д. В.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dorof-denis@yandex.ru*

Рассматривается эволюция темы генезиса внешней политики США в советской историографии на протяжении 1930-х гг. – начала 1940-х гг. Была определена группа исследователей, занимавшихся изучением темы: А. В. Ефимов, В. И. Лан, Л. Г. Райский в академической сфере, Д. О. Заславский в информационно-политической сфере. Были выделены два этапа в эволюции темы: на протяжении первой половины 1930-х гг. истоками рассматривалась территориальная экспансия, как проявление империалистического развития капиталистических государств; на рубеже 1930–1940-х гг. доминирующей интерпретацией стал подход баланса сил. Разные точки зрения были следствием не научного исследования, а доказательства правильности суждений В. И. Ленина, изложенных им в работах «Империализм как высшая стадия капитализма» (1917), «Письмо к американским рабочим» (1918). Сравнительный анализ дореволюционной и советской историографии показал: ученые СССР, в отличие от их предшественников, делали выводы без изучения источников и литературы, а их наработки были частью идеологической системы, обеспечивавшей доказательство научности марксистско-ленинской методологии.

Ключевые слова: генезис внешней политики США, советская историография, А. В. Ефимов, Д. О. Заславский, В. И. Лан (Каплан), В. И. Ленин, Л. Г. Райский (Рабинович).

Введение

Советская историография генезиса внешней политики США представляет собой неразработанную тему. Независимо от национальных школ и научных направлений, ученые ее игнорируют. Особенно это наблюдается в отношении первых десятилетий становления исторической науки в СССР [6; 7; 21–23; 28–30; 35; 39; 43].

Актуальность проведения исследования вызвана необходимостью восполнить пробел в научной мысли, позволяющий исследовать развитие американистики в СССР. В этом контексте целью работы выступает формирование историографии зарождения внешней политики Соединенных Штатов в СССР от Октябрьской Революции до начала Великой Отечественной войны. Задачами исследования являются: 1) определить группу авторов, занимавшихся темой, 2) выделить эволюцию и проанализировать особенности оценок советских ученых; 3) дать оценку историческому значению историографии темы для развития научной мысли в российском государстве. Целевые установки обуславливают и новаторство работы: исследование представляет собой первый шаг к изучению данного аспекта.

Методология работы формировалась комбинацией принципов историзма и объективности, системного и компаративистского подходов, историко-хронологического, историко-биографического, историко-сравнительного методов.

1. Идеологизация академической сферы: тема между политикой и наукой (1920-е гг.)

В первые дни января 1918 г. на фоне кризиса работы Учредительного собрания, суждения Николая Андреевича Бородин (1861–1937)¹ о грядущем характере американско-российских отношений выглядели весьма реалистично: «Теперь мы на деле сблизились с американцами так, как наше общество и не мечтало: кровные общие интересы и общие мировые задачи спаяют обе страны в прочный союз, который, мы глубоко убеждены, продолжится и после войны на многие годы к обоюдной выгоде обеих стран и к счастью нарождающейся Великой Республики Востока. В своем строительстве на новых началах Государственного бытия новая молодая Российская Республика будет нуждаться в советах, опыте и знании более старой Великой демократической федеративной республики Запада» [34, с. 12]. Через пять лет эти суждения стали анахронизмом. Большевистская власть, одержавшая победу в гражданской войне, изменила политическую конъюнктуру: образ США приобрел негативный характер, как одно из ключевых империалистических государств, противостоявших мировой революции и построению социализма. Научное изучение темы, начатое в дореволюционный период [10] было прервано идеологической доктриной большевизма.

Концептуальной основой восприятия зарождения внешней политики США выступала точка зрения Владимира Ильича Ленина (1870–1924), изложенная им в двух работах.

В очерке «Империализм как высшая стадия капитализма», изданном в середине 1917 г., им была высказана идея о том, что территориальная экспансия, обеспечивающая рост капитала, выступала объяснением генезиса внешней политики не только США, но и всех капиталистических государств [26, т. 27, с. 373]. Это суждение опиралось на теоретические наработки британского экономиста Джона Аткинсона Гобсона (1858–1940), изложенного им в монографии «Империализм» (1902), австрийского географа Александра Георга Супана (1847–1920), представившего свои взгляды в книге «Территориальное развитие европейских колоний» (1906). Из трудов европейских исследователей, В. И. Ленин заимствовал теоретическое объяснение развитию внешней политики государства.

Диаметрально противоположной оценки «вождь мирового пролетариата» придерживался спустя полтора года, в статье «Письмо к американским рабочим», опубликованной 22 августа 1918 г. в газете «Правда». В. И. Ленин опирался в работе не на теоретические, а эмпирические данные, которые черпал не из работ

¹ Бородин Н. А. – ихтиолог, депутат I-й Государственной Думы, члена Конституционно-демократической партии, активный участник функционирования «Общества сближения между Россией и Америкой».

иностранных или российских авторов, а из широко распространённого объяснения в Российской империи использования США европейского баланса сил [11]. Исключением составляло лишь то, что в соответствии с классовой теорией марксизма-ленинизма, государство было заменено на понятие «американский народ». «В своей трудной войне за освобождение – писал В. И. Ленин – американский народ заключал также «соглашения» с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах массы угнетенных. Американский народ использовал рознь между французами, испанцами и англичанами, он сражался даже иногда вместе с войсками угнетателей французов и испанцев против угнетателей англичан, он победил сначала англичан, а потом освободился (частью при помощи выкупа) от французов и от испанцев» [26, т. 37, с. X–XI, 48–64.]. Принимая во внимание то, что источник формировался в условиях гражданской войны и носил пропагандистский характер, он демонстрирует непонимание и незнание В. И. Лениным историографии истории США и их внешней политики. Следует отметить, что к понятию «американский народ» им относились отцы-основатели североамериканского государства, стоявшие у истоков первых внешнеполитических решений. Трудно себе представить кого из делегатов Континентального Конгресса, отвечавшего за внешнюю политику, российских революционер относил к пролетариату.

Оба умозаключения В. И. Ленина – территориальная экспансия (1917) и использование баланса сил (1918) – были результатом не научного поиска, а политической целесообразности. Использование теоретических или эмпирических данных использовалось для достижения конкретной цели – обретение власти большевиками в России. Итоги гражданской войны и формирование марксистско-ленинской идеологической доктрины в Советском Союзе привели к тому, что ненаучные взгляды политика 1910-е гг. использовались в качестве системных параметров в интерпретации советскими американистами генезиса внешней политики США. В отличие от Российской империи, где американистика развивалась в соответствии с академическими принципами, советская наука оказалась ограниченной идеологией и позицией политического режима, но при этом ее представителям не составило труда осуществить перенос ленинских оценок в научную сферу. Причина заключалась в том, что изучение истории внешней политики США, в целом, и ее генезиса, в частности, оказалось в руках «красной профессуры» – амбициозных карьеристов, обслуживавших большевистский режим.

Парадоксально, но на этом пути были и свои сложности институционального и кадрового характера. Коммунистическая академия – передовой центр советской науки – не была способной создать интеллектуальный продукт в этой сфере на протяжении 1920-х гг. В стране наблюдался острый дефицит марксистской литературы не только по истории США, но и их внешней политики: в списке основной литературы, знакомство с которой было обязательным для поступающих в аспирантуру Комакадемии не было ни одного издания по этой тематике [40, с. 389–391]. Планируемая в начале 1920-х гг. специализация на изучении США, спустя

десятилетие утратила свою первоочередность и растворилась в обобщающих темах академии [9, с. 256–257; 41, с. 113–128; 16, с. 7–8]. Тем не менее, это не лишало руководство академии оптимистических утверждений: «Только в Стране Советов концентрация и специальный подбор архивных и (печатных материалов, сосредоточенных в специальных учреждениях (Комакадемия, Институт Маркса, Энгельса и Ленина, соответствующие отделы Ценгглархива и т. п.), создали надлежащую базу для изучения Западной Европы и Америки с точки зрения марксизма-ленинизма» [33, с. 48]. Эти прогнозы не были лишены основания: созданные внутри Комакадемии Институт мирового хозяйства и мировой политики (1924) и Институт истории (1929) стали двумя центрами, выполнившими поставленную задачу.

2. Подход экспансии: тема в обобщающей литературе (первая половина 1930-х гг.)

Во второй половине 1920-х гг. проблематикой занимался представитель «красной профессуры» Леонид Григорьевич Райский (настоящая фамилия – Рабинович) (1897–1936) – сотрудник Института Истории Ленинградского отделения Коммунистической академии, ответственный секретарь Общества историков-марксистов в Ленинграде¹. Появление Л. Г. Райского в академической среде Ленинграда было веянием современности, генерируемой из столицы: «красная профессура» активно заполняла профессиональную среду историков-новистов, вытесняя «старые кадры», как идеологически чуждое наследие императорской эпохи и агентуру иностранных враждебных государств. И в этом процессе Л. Г. Райский принимал активное участие: он был одним из участников шельмования «ленинградской научной школы» [20, с. 159–164]. Конъюнктурная мотивация заниматься изучением истории североамериканского государства отразилась и во взглядах историка, которые были результатом не научного поиска, а продуктом пропаганды.

На основе лекционного материала, прочитанного на историко-лингвистическом факультете в Ленинградском государственном университете, Л. Г. Райский написал монографию «Новейшая история Северо-американских соединенных штатов: После гражданской войны и до мировой империалистической войны» (1930) [4, с. 25–26]. В ней им был выдвинут тезис: «Американский империализм взял на себя реализацию тех планов экспансии, которые были намечены, но не осуществлены в

¹ Виктор Степанович Брачев – профессор Санкт-Петербургского государственного университета – дал следующую характеристику Л. Г. Райскому: «В начале 1920 года Л. Г. Райский получил направление на учебу в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова в Москве, лекторское отделение которого окончил в 1921 г. Этого вполне хватило для того, чтобы направить его в качестве преподавателя Коммунистического университета им. Г. Е. Зиновьева в Петрограде. Но задержался здесь Л. Г. Райский ненадолго, т.к., чувствуя недостаточность своего образования, решил продолжить учебу, поступив в 1922 г. на историческое отделение Института красной профессуры в Москве, где среди его сокурсников была будущий советский академик, известный историк рабочего класса А. М. Панкратова (1897–1957)» [4, с. 24–25].

доимпериалистический период истории Соединенных Штатов, но значительно расширил программу захватов» [32, с. 68]. Для советского ученого, авторитетным автором по истории внешней политики США был Джон Бассет Мур (1860–1947) – дипломат, профессор международного права и дипломатии в Колумбийском университете, создатель монографии «Американская дипломатия, ее дух и достижения» (1905) [Там же, с. 242]. Примечательно, что американский автор никогда не писал исторические труды, ограничившись научно-популярными изданиями, одним из которых и пользовался его советский коллега.

В дальнейшем, после публикации книги и до ареста в 1936 г., ведя научно-педагогическую деятельность¹, Л. Г. Райский не обращался к проблеме ранней истории внешней политики США, поскольку это не соответствовало конъюнктуре политического развития СССР.

Назначение в 1927 г. Евгения Самуиловича Варга (1879–1964) на пост директора Института мирового хозяйства и мировой политики стал переломным моментом: он активизировал американские исследования в учреждении. Уже в 1928 г. было принято решение о написании многотомного издания по истории Америки. Несмотря на то, что реализовать задуманное в полном масштабе не удалось, результатом планирования стала монография Вениамина Израилевича Лана (настоящая фамилия – Каплан) (1902–1990), опубликованная двумя изданиями под разными названиями: «Классы и партии в САСШ» (1932) [24, с. 285–286], «Классы и партии в США: Очерки по экономической и политической истории США» (1935). Во второе издание исследователь добавил главу «Мировая и «провинциальная» держава», в которой выдвинул тезис о ключевой роли экспансии на Запад как фактор развития США. «Америка – утверждал он, – появилась на мировой арене позднее других крупных империалистических держав. Свободные западные земли, определившие во многом своеобразное течение внутривнутриполитической жизни США, оказывали свое влияние и на их внешнюю политику. На Запад двигались переселенческие колонны. Туда же направлялись фабричные изделия приатлантических промышленных штатов <...> Но как «поздно пришедший» (late comer) империализм США должен был несколько ограничить аппетиты своей внешней экспансии» [25, с. 329]. Эти выводы делались на основе применения наработок американских историков Ф. Дж. Тернера и Ч. Бирда [Там же, с. 15].

Одновременно с Л. Г. Райским и В. И. Ланом, темой также занимался Алексей Владимирович Ефимов (1896–1971) – научный сотрудник Института истории Комкадемии. В монографии «К истории капитализма в США» (1934), которая была написана на основе первой в истории советской науке докторской диссертации по истории (решение ВАК о присуждении научной степени состоялось 11 января

¹ Ответственный секретарь Общества Историков-Марксистов в Ленинграде (1931), заведующий кафедрой в Ленинградском институте Красной Профессуры (1932–1934), декан исторического факультета и заведующий кафедрой новой истории в Государственном Педагогическом Институте им. Герцена (1934), действительным членом Института истории ЛОКА (до 1935)

1938 г.)¹. В книге А. В. Ефимов построил свой анализ как ответ историка-марксиста на ненаучность эконом-географической концепции Ф. Дж. Тернера и его сторонников, развивавших на ней свои теоретические наработки. Концентрируя внимание на проблеме «свободных земель», что фактически было синонимом «аграрного вопроса, советский ученый объяснял специфический американский путь развития американского капитализма. Территориальная экспансия – «собираение» территории по выражению историка – являлась целью внешней политики страны [14, с. 24].

Несмотря на то, что из 122 наименований в разделе «Источники и литература» не одно не было посвящено истории внешней политики или дипломатии США [Там же, с. 278–281], историк-американист выделил отдельную главу «Внешняя политика и территориальные приобретения» [Там же, с. 13–26.]. При этом А. В. Ефимов выдвинул два тезиса относительно генезиса внешней политики США. Во-первых, он настаивал на вторичности международных процессов, под которыми он понимал продолжительное англо-французское соперничество, перед развитием капитализма, данного теоретиками марксизма-ленинизма. Во-вторых, дискутируя с американскими коллегами, чьих имен он не приводил, историк-марксист утверждал, что не европейский, а именно британский опыт унаследовало североамериканское государство [Там же, с. 13, 24, 26]. В его концепте американская экспансия следовала продолжением расширения владений Великобритании в XVII–XVIII вв.: «Мы видели, что создание и увеличение фонда свободных земель происходило за счет других государств: в ранний период за счет других государств за счет полного изгнания Франции с североамериканского континента и во второй половине XVIII – за счет почти полного вытеснения с континента Испании. <...> При этом в истории «собираения» территории, составившей фонд «свободных земель», можно различить несколько периодов: один период английской экспансии, начатый пионерскими столкновениями на западной границе в 50–70-х годах XVIII в., продолжавшийся семилетней войной и окончившийся разгромом Франции и Испании. Второй период – эпоха революционной войны, отбросившей англичан в Канаду и на Вест-Индские острова» [Там же, с. 24–26.].

В целом, сотрудники Комакадемии – А. В. Ефимов, В. И. Лан, Л. Г. Райский – ретранслировали подход территориальной экспансии, тем самым переносили утверждение В. И. Ленина из его работы «Империализм как высшая стадия капитализма» в советскую науку. Из-за того, что работы носили обобщающий характер и приоритет авторов сосредотачивался на современности, рассмотрение истории раннего периода США носило второстепенный характер. Тем не менее, советские американисты делали выводы без масштабного представления об историографии темы, без анализа источников XVIII в., тенденциозно стремясь опровергнуть концепции американских ученых – Ф. Дж. Тернера, Ч. Бирда. Все их

¹ А. В. Ефимов был аспирантом подсекции новой русской истории с 1926–1927 учебного года в Институт истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) и не занимался американистикой [19, с. 104, 196, 199, 203].

старания были подчинены одному приоритету – объяснить капиталистическое, империалистическое развитие Соединенных Штатов с позиций марксизма-ленинизма. По сути, труды заполнили интеллектуальный вакуум в советской науке, но они были написаны в полемичном ключе – авторы вели дискуссию с оппонентами.

3. Подход баланса сил: тема в специализированной литературе (начало 1940-х гг.)

Тезис В. И. Ленина об использовании баланса сил оказался востребованным в начале 1930-х гг. в области массовой пропаганды. Эту тенденцию продемонстрировал Давид Осипович Заславский (1880–1965) – публицист, литературовед, сотрудник редколлегии газеты «Правда». В книге «Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв.» (1931)¹ он писал: «Дипломатия союза колоний очень умело использовала острые противоречия между английской и французской буржуазии на мировом рынке» [17, с. 28]. Однако, тут был нюанс: если В. И. Ленин писал не о государстве или отцах-основателях, а об «американском народе», то Д. О. Заславский привел «в соответствие» тезис 1918 г. В. И. Ленина с постулатами марксизма-ленинизма о классовой природе внешней политики капиталистических государств. Причина, побудившая публициста обратиться к публикации 1918 г. В. И. Ленина заключалась в том, что он рассматривал исторические процессы XVIII в. и делал это без опоры на советскую историческую науку, которая отставала в изучении этого периода. Но при этом следует также иметь в виду и то, что Д. О. Заславский, как и В. И. Ленин были выпускниками гимназий и студентами юридических факультетов. Эти обстоятельства отразились на их восприятии генезиса внешней политики США сквозь призму баланса сил.

В отличие от работ сотрудников Комакадемии, труд Д. О. Заславского не был научно-исследовательской работой. Опус представлял собой элемент пропагандистской системы, что позволило его автору избежать репрессий: несмотря на то, что в годы Гражданской войны Д. О. Заславский вел контрпропаганду против большевиков², именно он стал проводником искаженного ленинского тезиса для массового читателя. О масштабах влияния труда публициста свидетельствует объем тиража издания: было опубликовано 81 тыс. экземпляров (для сравнения книги

¹ Книга представляла собой не только очерк, но и политический инструмент: Во введении Д. О. Заславский писал: «<...> левобуржуазный публицист Гиммер (меньшевик-вредитель Суханов) писал в 1913 г. в журнале «Заветы» «С.Ш.А. – это страна, никогда не знавшая феодализма и чужда его экономических пережитков». Д. О. Заславский ставил в вину Суханову то, что он «<...> только повторял то, что вдалбливают всему миру буржуазные фальсификаторы истории С. Штатов» [17, с. 5]. К моменту издания книги Николай Николаевич Суханов (Гиммер) (1882–1940) был репрессирован.

² Д. О. Заславский в оценке В. И. Ленина представлен, как клеветник, сплетник, шантажистское наёмное перо [26, т. 49, с. 441; т. 34, с. 91–93] и, в целом: «Всеобщий вой злобы и бешенства против большевиков, грязная кампания клеветы грязных господ Заславских <...>» [Там же, т. 32, с. 381].

советских ученых издавались более скромно: Л. Г. Райский и В. И. Лан¹ – по 5 тыс., А. В. Ефимов – 10 тыс. экземпляров).

Несмотря на то, что Д. О. Заславский искажил тезис В. И. Ленина, его наработка имела последствие – она была перенесена в плоскость исторической науки. На рубеже 1930–1940-х гг. это осуществил А. В. Ефимов – сотрудник Института истории Академии наук СССР и профессор истфака МГУ. Примечательно, что именно он считал Д. О. Заславского первым советским историком-американистом². Существующая между ними связь формировалась временем становления американистики в СССР на протяжении 1930-х гг. Было и отличие: А. В. Ефимов не искажал, а совместил тезисы В. И. Ленина и Д. О. Заславского об «американском народе» и «американской дипломатии», выдав их за синонимы [13, с. 312–313]. Также американист не был и ревизионистом: он не вел полемику, не предлагал новый взгляд на понимание темы. Вместо научного поиска представитель «красной профессуры» подводил исторический материал под нужные оценки для доказательства истинности марксистско-ленинской методологии.

23 декабря 1940 г. был подписан в печать первый том издания «Истории дипломатии» под редакцией Владимирова Петровича Потемкина (1874–1946) – видного партийного работника, дипломата. Издание позиционировалось на идейных позициях, как «<...> первый опыт марксистской работы в данной области и в указанном масштабе» [31, с. 13]. Специально для издания А. В. Ефимов написал главу «Дипломатия молодой американской республики (1775–1794 гг.)», которая открывала раздел «Дипломатия нового времени (1789–1871 гг.)». Это был первый труд в советской американистике, в котором раскрывалась тема генезиса внешней политики США.

Примечательно, но А. В. Ефимов не владел ни источниковым материалом³, ни категориально-понятийным аппаратом. В работе можно было встретить следующие пассажи: «Сама форма ведения внешних дел в республике Соединенных штатов была более или менее демократичной. Им ведал пленум Конгресса» [13, с. 303]; описывая трансформации внешнеполитического ведомства в 1781 г., вместо термина «секретарь иностранных дел» он применял – «статс-секретарь» [Там же, с. 304] (именно этот термин употреблял в 1903 г. и В. Н. Александренко) [2, с. 127.]. Не представляет возможности установить источники и литературу, на основе которых ученый формировал свои взгляды, поскольку его исследование не

¹ Второе издание труда В. И. Лана вышло тиражом уже 10 тыс. экземпляров.

² В частности, при описании достижений советской американистики к середине 1950-х гг. А. В. Ефимов высоко оценивал наработки своего предшественника: «Остановимся на работах советских историков о Соединенных Штатах. Укажем в первую очередь на ценный «Очерк истории США в XVIII – XIX вв.» Д. О. Заславского (М., 1931). Но, к сожалению, этот очерк давно не перерабатывался и не переиздавался. В нем не отражены результаты новейших исследований и новые данные документальных публикаций. Однако надо иметь в виду, что это была первая сводная марксистская работа в данной области» [15, с. 423].

³ Единственный опыт работы над внешнеполитической проблематикой в американистике была рецензия книги Джеймса Р. Робертсона «Кентуккиец при дворе царей. Служение Кассия Марцелла Клея в России. 1861–1862 и 1863–1869 гг.» [12, с. 149–159].

сопровождалось ссылками¹. Примечательно, но труд контрастировал с работами первой половины 1930-х гг. В. И. Лана, Л. Г. Райского и самого А. В. Ефимова: в нем отсутствовала полемичность с иностранными авторами, советский ученый не вел дискуссию. Категоричность оценок свидетельствовала об однозначности

На протяжении всей работы, историк уклонялся от рассмотрения институтов. Отмечая создание 29 ноября 1775 г. комитета по секретной корреспонденции, как формальное учреждение внешнеполитического ведомства, и компетенцию Континентального Конгресса в области внешней политики, А. В. Ефимов не проводил анализ их работы [13, с. 303–304]. Вместо этого он делал акцент на рассмотрении отдельных личностей. Выделяя С. Дина, А. Ли, Дж. Джея [Там же, с. 304–305, 307], он акцентировал внимание на деятельности Б. Франклина, которого, как это им подчёркивалось, положительно оценивал К. Маркс [Там же, с. 305]. Примечательно то, что отец-основатель, по мнению исследователя, являлся творцом американкой дипломатии: «Франклин установил хорошие отношения не только с французским правительством, но и с дипломатическим корпусом. Он использовал старинное соперничество Франции и Англии, с одной стороны, и симпатии передовых элементов французского общества к Американской республике – с другой, чтобы оказать давление на Людовика XVI и на двор с целью вовлечь Францию в войну с Англией» [Там же, с. 306]. В действительности, это не был методологический прием, поскольку А. В. Ефимов вел нарратив к обобщающему выводу, который он сделал в виде оценки В. И. Ленина, данной им в документе «Письмо к американским рабочим», в котором постулировалась идея о том, что внешняя политика была результатом действий американского народа, который заключил соглашения с Францией для противостояния с Великобританией [Там же, с. 312–313].

В этом тезисе заключалась квинтэссенция усилий историка: он обосновывал тактику СССР в международных отношениях, в целом, и И. В. Сталина, в частности, который вслед за В. И. Лениным в 1918 г., в условиях Второй мировой

¹ Тем не менее, в подразделе «Дипломатия США» раздела «Библиография» первого тома, который не мог не быть согласован с ним, отмечалась только учебная и научно-популярная литература. В частности, список содержал следующие издания: книга редактора «The New-York Tribune» Уиллиса Флетчера Джонсона (1857–1931) – «Внешняя политика Америки»; биографические монографии канадского журналиста Генри Беклза Уилсона (1869–1942) – «Послы Америки во Франции (1777–1927): описание франко-американских дипломатических отношений», «Послы Америки в Англии (1785–1928): описание англо-американских дипломатических отношений»; обзорный труд неспециалиста в области дипломатической истории, профессора Университета Висконсина Карла Рассела Фиша (1876–1932) – «Американская дипломатия»; учебники для студентов колледжей, созданные профессором Университета Джона Хопкинса Джоном Холладеем Латаньи (1869–1932) – «От изоляции к лидерству: обзор американской внешней политики», «История американской внешней политики»; доцентом Университета Пердью Луисом Мартином Сирсом (1885–1960) – «История американских международных отношений» [3, с. 549–550]. Причины, по которым не привлекались специализированные труды по ранней истории США остаются не объяснены, и это несмотря на знакомство автора с библиографическим справочным изданием: «Руководство по дипломатической истории Соединенных Штатов, 1775–1921» (1935) под редакцией Сэмюэля Флэгга Бимиса (1891–1973) [Там же, с. 550], который содержал более объемный список специализированных трудов.

войны должен был следовать идентичной тактике: достижение советско-германских соглашений 1939–1940 гг. получали обоснование на примере внешней политики США в период Войны за независимость и поддержки этой тактики В. И. Лениным¹.

В работе А. В. Ефимова было и новшество для советской американистики. Ссылаясь на текст Декларации независимости от 4 июля 1776 г., историк постулировал идею, согласно которой «Американская дипломатия – дипломатия буржуазной республики – принесла с собой некоторые новые принципы. <...> Американская республика провозгласила принципы равенства всех людей и народного суверенитета» [Там же, с. 303]. При этом кроме констатации, ученый не проанализировал принципы. В свою очередь, они не были новыми: советский ученый игнорировал достижения американской и российской науки, в которых отмечалось влияние школы естественного права на отцов-основателей при написании текста Декларации независимости [2, с. 130; 42, с. 106–107].

Труд А. В. Ефимова не стал ни научной сенсацией, обеспечивавшей престиж советской академической мысли², ни научным исследованием, отвечавшим требованиям исторической науки³. Однако, присуждение Сталинской премии придало ему реноме авторитетного историка-марксиста, занимавшегося внешней политикой США XVIII в. [27; 36] В реальности признание заслуг и статус были результатами не научного исследования, а угодничества политической конъюнктуры⁴.

¹ В документе «Письмо к американским рабочим» В. И. Ленин отмечал: «И, как бы ни были от злобы акулы англо-французского и американского империализма, как бы ни клеветали они на нас, какие бы миллионы ни тратили на подкуп право-эсеровских, меньшевистских и прочих социал-патриотических газет, я ни секунды не поколеблюсь заключить такое же «соглашение» с хищниками немецкого империализма, в случае если наступление на Россию англо-французских войск того потребует. И я превосходно знаю, что мою тактику одобрит сознательный пролетариат России, Германии, Франции, Англии, Америки, словом, всего цивилизованного мира. Такая тактика облегчит дело социалистической революции, ускорит ее наступление, ослабит международную буржуазию, усилит позиции побеждающего ее рабочего класса» [26, т. 37, с. 56].

² В годы Второй мировой войны в издании «Двадцать пять лет исторической науки в СССР: Сборник статей» (1942), работа историка не выделялась [1, с. 243].

³ К концу 1930-х гг. в Советском Союзе не было написано ни одного научного труда по раннему периоду истории внешней политики США. Скучное состояние литературы по истории Соединенных Штатов на русском языке констатировал академик Е. В. Тарле в предисловии к книге своего ученика Марка Моисеевича Малкина (1909–1971?) «Гражданская война в США и царская Россия» (1939) [37, с. 8], который в 1940 г. начал исследование по теме «История русско-американских отношений за 150 лет (1775–1917 гг.)» [5, с. 142]. Это изыскание должно было стать первым в исторической науке СССР работой по истории внешней политики Соединенных Штатов с 1775 г. Ему же принадлежало авторство первого курса на истфаке по историографии истории США в новое время [Там же, с. 143]. Однако, Вторая мировая война прервала эти начинания.

⁴ А. В. Ефимов в классификации ученых, выделенной Борисом Соломоновичем Кагановичем (1952–2021), был отнесен к «диалектикам», под которыми он понимал «<...> желавшие отсечь все крайности и предугадать официальную точку зрения» [18, с. 81]. Александр Михайлович Дубровский (1948) считал, что ученый принадлежал к группе «никогда не ошибающихся» историков, обладавших связями с партийным аппаратом, что обеспечивало им осведомленность в политике [11, с. 469]. Современники, стоявшие на ортодоксальных позициях, были более радикальны в оценках. Например, в 1942 г. профессор Анна Михайловна Панкратова (1897–1957) обращалась в аппарат ЦК ВКП(б) с

Был ли первый советский труд по истории раннего периода внешней политикой США шагом вперед по сравнению с дореволюционным опытом? Насколько А. В. Ефимов опередил своего предшественника – профессора кафедры международного права в Императорском Варшавском университете Василия Никифоровича Александренко (1861–1909)? Ответы на вопросы носят отрицательный характер.

В. Н. Александренко не только использовал наработки американских специалистов, но и внедрял их в российскую науку: им привлекались такие труды, как «Американская дипломатия и развитие торговли» (1886) Юджина Скайлера, «Дипломатия Революции: историческое исследование» (1852) Уильяма Генри Трескота, «Столетие американской дипломатии; будучи кратким обзором внешних сношений Соединенных Штатов, 1776–1876» (1900) Джона Уотсона Фостера [2, с. 128, 130, 132]. Дореволюционный автор демонстрировал дискуссию по внешней политике между Б. Франклином и Дж. Адамсом, отмечал влияние на отцов-основателей школы «естественного права», выделял ключевую роль Дж. Адамса в разработке ведения внешней политики [Там же, с. 129–133, 136–137]. Принципиальным было и то, что В. Н. Александренко не претендовал на новизну и создал труд без идеологической обусловленности, руководствуясь принципами научности. В основе его методологии были размещены постулаты ранкеанской революции в историописании.

В свою очередь, А. В. Ефимов демонстрировал противоположное: советский ученый не раскрывал использованную литературу, единичные случаи цитирования первоисточников, взятых преимущественно из фондов Государственного архива феодально-крепостнической эпохи и связанных исключительно с российским аспектом [14, с. 309, 310], показывали изолированность развития советской американистики. Единственный авторитет, на кого была сделана ссылка, для советского ученого был В. И. Ленин и его тезис, изложенный в работе «Письмо американским рабочим» (1918). Фактически, круг замкнулся: идеологический материал был перенесен в научную сферу. Параллельно, отбрасываясь, а точнее «перекрывался», опыт дореволюционной американистики. Представитель «красной профессуры» занял первое место в пантеоне историков-марксистов, несмотря на то, его работа подобно горе, родившей мышь, не имела научной ценности. Интерпретация истории с позиций марксистско-ленинской методологии породила второсортное творение, не подкреплённое знанием ни источников, ни историографии. Но оно было первым советским специализированным изданием,

жалобой на попытку А. В. Ефимова реабилитировать буржуазную науку [11, с. 430–431; 38, с. 102]. Гефтер Михаил Яковлевич (1918–1995) – историк, обучавшийся на истфаке в годы работы А. В. Ефимова, – описывал его в нелюбимых категориях: «самая премерзкая личность, какую создал творец» [8, с. 154], ради карьеры, «<...> он требовал так ретиво выкинуть отовсюду «классовую борьбу» во имя союзнических отношений. Она для него, действительно, была воспоминанием не из приятных» [Там же, с. 157].

отражавшим не взлет, а предметно-тематическую специализацию в советской американистике.

Парадокс заключался в том, что несмотря на разные подходы к рассмотрению темы, В. Н. Александренко и А. В. Ефимов придерживались одинакового тезиса об использовании баланса сил. Связь между дореволюционной и советской американистикой была обеспечена двумя современниками, получившими образование в последней четверти XIX в.: политик-революционер В. И. Ленин и пропагандист-публицист Д. О. Заславский выступили «связующим звеном», обеспечившим преемственность интерпретации между двумя эпохами в истории российского государства и российской науки. В силу растущей специализации внутри советской американистики, подход баланса сил стал определяющим в понимании генезиса внешней политики США для последующих поколений историков-марксистов.

Результаты исследования

1. На протяжении первых двух десятилетий в советской науке насчитывалось ограниченное количество специалистов, разрабатывавших тему. В академической сфере ею занимались сотрудники Коммунистической академии (с 1936 г. Академии наук СССР) А. В. Ефимов, В. И. Лан, Л. Г. Райский (в информационно-политической сфере – член редколлегии газеты «Правда» Д. О. Заславский).

2. Несмотря на непродолжительность советской науки, тема прошла два этапа в своей эволюции. Первый – наблюдался на протяжении первой половины 1930-х гг.: ученые связывали генезис внешней политики США с территориальной экспансией – обязательным атрибутом империалистического развития капиталистических государств. Эта интерпретация была следствием построения интерпретации всеобщей истории на основе марксистско-ленинской методологии. Несмотря на незнание первоисточников и историографии, ученые стремились написать труды, в которых вступали в дискуссию с отдельными американскими авторами (Ф. Дж. Тернер, Ч. Бирд), однако предмет их спора не включал зарождение внешней политики США, поскольку авторы – А. В. Ефимов, В. И. Лан, Л. Г. Райский – создавали обобщающие работы и в них внимание к теме было вторичным. Второй этап произошел на рубеже 1930–1940-х гг. и был связан с развитием творчества А. В. Ефимова, который стал использовать подход баланса сил для объяснения зарождения внешней политики Соединенных Штатов. Создав первую в советской историографии специализированную работу, американист не был ревизионистом: он восполнил пробел в советской науке, в которой не разрабатывалась истории США в XVIII в. Необходимо также отметить и то, что не было противоречия между авторами, стоявшими на разных позициях. Точка зрения А. В. Ефимова отображала становление специализации в советской американистике. Независимо от взглядов, точки зрения авторов были обусловлены политической идеологией, а не научным поиском: две публикации В. И. Ленина – «Империализм как высшая стадия капитализма» (1917), «Письмо к американским рабочим» (1918) – стали системообразующими факторами в интерпретации темы советскими учеными.

3. Немногочисленное количество специалистов, затронувших тему ранней истории внешней политики США, сочеталось и с другим процессом: оценки В. И. Лана, А. В. Ефимова, Л. Г. Райского (и Д. О. Заславского) были более широко распространены в советском обществе, чем оценки и взгляды их предшественников в период Российской Империи. Масштаб распространения литературы не сопровождался ростом их качества. Особенно четко это продемонстрировало сопоставление специализированных изданий дореволюционной и советской эпохи: труды В. Н. Александренко и А. В. Ефимов характеризовались контрастностью. В отличие от предшественника, советский американист проводил исследование без знания источников и литературы, руководствуясь авторитетом мнения В. И. Ленина. По причине становления специализации американистики в СССР, подход баланса сил, которого придерживался А. В. Ефимов в начале 1940-х гг., стал определяющим в интерпретации темы для последующих поколений историком-марксистов.

Список использованных источников и литературы

1. Акад. Е. В. Тарле. Новая История в работах советских историков / Евгений Викторович Тарле // Двадцать пять лет исторической науки в СССР: Сборник статей / Под ред. акад. В. П. Волгина, акад. Е. В. Тарле и члена-корреспондента Акад. наук СССР А. М. Панкратовой. – Москва ; Ленинград: Изд-во Акад. наук Союза ССР, 1942. – С. 236–248.
Akad. E. V. Tarle. Novaya Istorija v rabotah sovetskih istorikov / Evgenij Viktorovich Tarle // Dvadcat' pyat' let istoricheskoi nauki v SSSR: Sbornik statej / Pod red. akad. V. P. Volgina, akad. E. V. Tarle i chlena-korrespondenta Akad. nauk SSSR A. M. Pankratovoj. – Moskva ; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk Soyuz SSR, 1942. – S. 236–248.
2. Александренко В. Н. Внешняя политика Северо-Американских Соединенных Штатов и учение Монро / Василий Никифорович Александренко // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – №4. – С. 125–150.
Aleksandrenko V. N. Vneshnjaja politika Severo-Amerikanskih Soedinennyh Shtatov i uchenie Monro / Vasilij Nikiforovich Aleksandrenko // Zhurnal Ministerstva justicii. – 1903. – №4. – S. 125–150.
3. Библиография // История дипломатии: в 3 т. / Под ред. В. П. Потемкина. – М.: ОГИС, 1941–1945. – Т. 1. – С. 529–552.
Bibliografija // Istorija diplomatii: v 3 t. / Pod red. V. P. Potemkina. – M.: OGIS, 1941–1945. – T. 1. – S. 529–552.
4. Брачев В. С. Историк Леонид Григорьевич Райский (1897–1936 гг.) / Виктор Степанович Брачев // Общество. Среда. Развитие. – 2016. – № 4. – С. 24–29.
Brachev V. S. Istorik Leonid Grigor'evich Rajsij (1897–1936 gg.) / Viktor Stepanovich Brachev // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. – 2016. – №4. – S. 24–29.
5. Брюнин В. Г. Научная работа исторического факультета Ленинградского университета в конце 1939 и в 1940 году [Кафедра новой истории] / Владимир Георгиевич Брюнин // Историк-марксист. – 1941. – №2. – С. 142–143.
Brjunin V. G. Nauchnaja rabota istoricheskogo fakul'teta Leningradskogo universiteta v konce 1939 i v 1940 godu [Kafedra novej istorii] / Vladimir Georgievich Brjunin // Istorik-marksist. – 1941. – №2. – S. 142–143.
6. Варнаков Ю. Г. Из истории формирования внешней политики США (в колониальную эру и годы войны за независимость) / Ю. Г. Варнаков // Кемеровский педагогический институт. Труды Кафедры всеобщей истории / [Под ред. В. И. Мирзоева]. – Кемерово: [Б. и.], 1968. – С. 83–134.
Varnakov Ju. G. Iz istorii formirovanija vneshnej politiki SSHA (v kolonial'nuju eru i gody vojny za nezavisimost') / Ju. G. Varnakov // Kemerovskij pedagogicheskij institut. Trudy Kafedry vseobshhej istorii / [Pod red. V. I. Mirzoeva]. – Kemerovo: [B. i.], 1968. – S. 83–134.

7. Вольфсон С. В. Внешнеполитическое наследие американской революции XVIII века и проблемы историографии изоляционизма / С. В. Вольфсон // Материалы второго Всесоюзного симпозиума историков-американистов: в 2 ч. / Г. Н. Севостьянов и др. – Москва: Ин-т всеобщей истории АН СССР, 1976. – Ч. 2. – С. 374–379.

Vol'fson S. V. Vneshnepoliticheskoe nasledie amerikanskoj revoljucii XVIII veka i problemy istoriografii izoljacionizma / S. V. Vol'fson // Materialy vtorogo Vsesojuznogo simpoziuma istorikov-amerikanistov: v 2 ch. / G. N. Sevost'janov i dr. – Moskva: Institut Vseobshhej istorii AN SSSR, 1976. – Ch. 2. – S. 374–379.

8. Гефтер Михаил Яковлевич // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: Воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / Сост. С. И. Антонова [и др.]; предисл. В. П. Богданова. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2009. – С. 149–158.

Gefter Mihail Jakovlevich // «My shli navstrechu vetru i sud'be...»: Vospominanija, stih i pis'ma istorikov MGU – uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny / Sost. S. I. Antonova [i dr.]; predisl. V. P. Bogdanova. – Moskva: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2009. – S. 149–158.

9. Деятельность коммунистической академии // Вестник социалистической академии. – 1928. – №30. – С. 247–267.

Dejatel'nost' kommunisticheskoj akademii // Vestnik socialisticheskoj akademii. – 1928. – №30. – S. 247–267.

10. Дорофеев Д. В. Генезис внешней политики США: тема в трудах российских исследователей XIX – начала XX веков / Денис Владимирович Дорофеев // Научный диалог. – 2023. – №12(1). – С. 311–329.

Dorofeev D. V. Genезis vneshnej politiki SSHA: tema v trudah rossijskih issledovatelej XIX – nachala XX vekov / Denis Vladimirovich Dorofeev // Nauchnyj dialog. – 2023. – №12(1). – S. 311–329.

11. Дубровский А. М. Историк и власть: ист. наука в СССР и концепция истории феод. России в контексте политики и идеологии, (1930–1950-е гг.) / Александр Михайлович Дубровский. – Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2005. – 798 с.

Dubrovskij A. M. Istorik i vlast': ist. nauka v SSSR i koncepcija istorii feod. Rossii v kontekste politiki i ideologii, (1930–1950-e gg.) / Aleksandr Mihajlovich Dubrovskij. – Brjansk: Izd-vo Brjan. gos. un-ta im. akad. I. G. Petrovskogo, 2005. – 798 s.

12. Ефимов А. Новая книга о русско-американских отношениях / Алексей Ефимов // Историк-марксист. – 1936. – №3. – С. 149–159.

Efimov A. Novaja kniga o russko-amerikanskih otnoshenijah / Aleksej Efimov // Istorik-marksist. – 1936. – №3. – S. 149–159.

13. Ефимов А. В. Дипломатия молодой американской республики (1775–1794 гг.) / А. В. Ефимов // История дипломатии: в 3-х т. / Под ред. В. П. Потемкина. – Москва: ОГИС, 1941–1945. – Т. 1. – С. 303–316.

Efimov A. V. Diplomacija molodoj amerikanskoj respubliki (1775–1794 gg.) / A. V. Efimov // Istorija diplomatii: v 3 t. / Pod red. V. P. Potemkina. – Moskva: OGIS, 1941–1945. – T. 1. – S. 303–316.

14. Ефимов А. В. К истории капитализма в США / Алексей Владимирович Ефимов. – Москва: Соцэкгиз, 1934. – 312 с.

Efimov A. V. K istorii kapitalizma v SSHA / Aleksej Vladimirovich Efimov. – Moskva: Socjkgiz, 1934. – 312 s.

15. Ефимов А. В. Очерки истории США: От открытия Америки до окончания гражд. войны. [1492–1870 гг.] / Алексей Владимирович Ефимов. – 2-е изд. – Москва: Учпедгиз, 1958. – 439 с.

Efimov A. V. Oчерki istorii SSHA: Ot otkrytiya Ameriki do okonchaniya grazhd. vojny. [1492–1870 gg.] / Aleksej Vladimirovich Efimov. – 2-e izd. - Moskva: Uchpedgiz, 1958. – 439 s.

16. Задачи Института мирового хозяйства и мировой политики // Вестник социалистической академии. – 1931. – № 5–6. – С. 3–9.

Zadachi Instituta mirovogo hozjajstva i mirovoj politiki // Vestnik socialisticheskoj akademii. – 1931. – № 5–6. – S. 3–9.

17. Заславский Д. О. Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв. / Давид Осипович Заславский. – Москва: Огонек, 1931. – 223 с.

Zaslavskij D. O. Oчерki istorii Severo-Amerikanskih Soedinennyh Shtatov XVIII i XIX vv. / David Iosifovich Zaslavskij. – Moskva: Ogonek, 1931. – 223 s.

18. Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле: историк и время / Борис Соломонович Каганович. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2014. – 357 с.

Kaganovich B. S. Evgenij Viktorovich Tarle: istorik i vremja / Boris Solomonovich Kaganovich. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2014. – 357 s.

19. Калистратова Т. И. Институт истории ФОН МГУ-РАНИОН (1921–1929) / Тамара Ильинична Калистратова. – Нижний Новгород: [Б. и.], 1992. – 215 с.

Kalistratova T. I. Institut istorii FON MGU-RANION (1921–1929) / Tamara Il'ichna Kalistratova. – Nizhnij Novgorod: [B. i.], 1992. – 215 s.

20. Классовый враг на историческом фронте: Доклады Г. Зайделя и М. Цвибака о Тарле и Платонове и их школах и прения на объединенном заседании Ин-та истории при ЛОКА и Ленингр. отд-ния О-ва историков-марксистов / Г. Зайдель, М. Цвибак; Ленингр. отд-ние Ком. акад. Ин-т истории и О-во историков-марксистов. – Москва; Ленинград: Огиз – Гос. соц.-экон. изд-во, 1931 (Л.: тип. «Печатный двор»). – 232 с.

Klassovyj vrag na istoricheskom fronte: Doklady G. Zajdelya i M. Cvbaka o Tarle i Platonove i ih shkolah i preniya na ob'edinennom zasedanii In-ta istorii pri LOKA i Leningr. otd-niya O-va istorikov-marksistov / G. Zajdel', M. Cvbak; Leningr. otd-nie Kom. akad. In-t istorii i O-vo istorikov-marksistov. – Moskva; Leningrad: Ogiz – Gos. soc.-ekon. izd-vo, 1931 (L.: tip. "Pечатnyj dvor"). – 232 s.

21. Краснов Н. А. Заключение американо-французского союза в 1778 г. / Николай Андреевич Краснов // Война за независимость и образование США / Под ред. Г. Н. Севостьянова. – Москва: Наука, 1976. – С. 164–192.

Krasnov N. A. Zakljuchenie amerikano-francuzskogo sojuza v 1778 g. / Nikolaj Andreevich Krasnov // Vojna za nezavisimost' i obrazovanie SShA / Pod red. G.N. Sevost'janova. – Moskva: Nauka, 1976. – S. 164–192.

22. Краснов Н. А. Парижский мир 1783 г. / Николай Андреевич Краснов // Война за независимость и образование США / Под ред. Г. Н. Севостьянова. – Москва: Наука, 1976а. – С. 447–462.

Krasnov N. A. Parizhskij mir 1783 g. / Nikolaj Andreevich Krasnov // Vojna za nezavisimost' i obrazovanie SShA / Pod red. G. N. Sevost'janova. – Moskva: Nauka, 1976a. – S. 447–462.

23. Краснов Н. А. США и Франция: дипломатические отношения, 1775–1801 гг. / Николай Андреевич Краснов. – Москва: ПАИМС, 2000. – 424 с.

Krasnov N. A. SShA i Francija: diplomaticheskie otnoshenija, 1775–1801 gg. / Nikolaj Andreevich Krasnov. – Moskva: PAIMS, 2000. – 424 s.

24. Лан В. И. Классы и партии в САСШ / Вениамин Израилевич Лан. – Москва: Партиздат, 1932. – 287 с.

Lan V. I. Klassy i partii v SASSh / Veniamin Izrailevich Lan. – Moskva: Partizdat, 1932. – 287 s.

25. Лан В. И. Классы и партии в США: очерки по экономической и политической истории США / Вениамин Израилевич Лан. – Москва: Соцэргиз, 1937. – 635 с.

Lan V. I. Klassy i partii v SShA: oчерki po jekonomicheskoj i politicheskoj istorii SShA / Veniamin Izrailevich Lan. – Moskva: Socjergiz, 1937. – 635 s.

26. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Москва: Политиздат, 1967–1975.

Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. / In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. – Moskva: Politizdat, 1967–1975.

27. М. И. Светачев, Академик Алексей Леонтьевич Нарочницкий (1907–1989) [Электронный ресурс]: электрон. данные. – Москва: Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU, 06 февраля 2020. – Режим доступа: https://portalus.ru/modules/biographies/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1580990874&archive=&start_from=&ucat=& (свободный доступ). – Дата доступа: 23.11.2021.

M. I. Svetachev, Akademik Aleksej Leont'evich Narochnickij (1907–1989) [Jelektronnyj resurs]: jelektron. dannye. – Moskva: Nauchnaja cifrovaja biblioteka PORTALUS.RU, 06 fevralja 2020. – Rezhim dostupa:

https://portalus.ru/modules/biographies/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1580990874&archive=&start_from=&ucat=& (svobodnyj dostup). – Data dostupa: 23.11.2021.

28. Мельников Ю. Внешняя политика США: традиции и современность / Ю. Мельник // Международная жизнь. – 1976. – №9. – С. 104–113.

Mel'nikov Ju. Vneshnjaja politika SShA: tradicii i sovremennost' / Ju. Mel'nik // Mezhdunarodnaja zhizn'. – 1976. – №9. – S. 104–113.

29. Плешков В. Н. Внешняя политика США в конце XVIII века (Очерки англо-американских отношений) / Виктор Николаевич Плешков. – Ленинград: Наука, 1984. – 301 с.

Pleshkov V. N. Vneshnjaja politika SShA v konce XVIII veka (Ocherki anglo-amerikanskih otnoshenij) / Viktor Nikolaevich Pleshkov. – Leningrad: Nauka, 1984. – 301 s.

30. Плешков В. Н. Дипломатия американской революции / Виктор Николаевич Плешков, Александр Александрович Фурсенко // История внешней политики и дипломатии США, 1775–1877 / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. – Москва: Международные отношения, 1994. – С. 11–47.

Pleshkov V. N. Diplomatija amerikanskoj revoljucii / Viktor Nikolaevich Pleshkov, Aleksandr Aleksandrovich Fursenko // Istorija vneshnej politiki i diplomatii SShA, 1775–1877 / отв. red. N. N. Bolhovitinov. – Moskva: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1994. – S. 11–47.

31. Предисловие // История дипломатии: в 3 т. / Под ред. В. П. Потемкина. – Москва: ОГИС, 1941–1945. – Т. 1. – С. 13–14.

Predislovie // Istorija diplomatii: v 3 t. / Pod red. V. P. Potemkina. – Moskva: OGIS, 1941–1945. – T. 1. – S. 13–14.

32. Райский Л. Г. Новейшая история Северо-американских соединенных штатов: После гражданской войны и до мировой империалистической войны / Леонид Григорьевич Райский. – [Ленинград]: Прибой, 1930. – 246 с.

Rajskij L. G. Novejshaja istorija Severo-amerikanskih soedinennyh shtatov: Posle grazhdanskoj vojny i do mirovoj imperialisticheskoj vojny / Leonid Grigor'evich Rajskij. – [Leningrad]: Priboj, 1930. – 246 s.

33. Резолюция президиума Комкадемии о положении и задачах на фронте истории Запада // Вестник социалистической академии. – 1931. – №8–9. – С. 47–52.

Rezoljucija prezidiuma Komakademii o polozenii i zadachah na fronte istorii Zapada // Vestnik socialisticheskoj akademii. – 1931. – №8–9. – S. 47–52.

34. Речь тов. председ. Н. А. Бородина о задачах Общества Сближения между Россией и Америкой в связи с настоящим моментом // Известия Общества сближения между Россией и Америкой. – Вып. 5. январь. 1918. – С. 11–13.

Rech' tov. predsed. N. A. Borodina o zadachah# Obshhestva Sblizhenija mezhdu Rossiej i Amerikoj v# svjazi s# nastojashhim# momentom# // Izvestija Obshhestva sblizhenija mezhdu Rossiej i Amerikoj. – Vyp. 5. janvar'. 1918. – S. 11–13.

35. Севастьянов Г. Н. У истоков внешней политики США / Г. Н. Севастьянов, А. И. Уткин // США. Экономика, политика, идеология. – 1974. – №12. – С. 37–48.

Sevast'janov G. N. U istokov vneshnej politiki SShA / G. N. Sevast'janov, A. I. Utkin // SShA. Jekonomika, politika, ideologija. – 1974. – №12. – S. 37–48.

36. Сомин Н. И. Англия в XVIII веке: Промышленная революция. Борьба северо-американских колоний Англии за независимость. Образование США: Стенограмма лекций, прочит. в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) / Николай Иванович Сомин. – Москва: Тип. Высш. парт. школы, 1949. – 31 с.

Somin N. I. Anglija v XVIII veke: Promyshlennaja revoljucija. Bor'ba severo-amerikanskih kolonij Anglii za nezavisimost'. Obrazovanie SShA: Stenogramma lekcij, pročit. v Vysšej partijnoj shkole pri CK VKP(b) / Nikolaj Ivanovich Somin. – Moskva: Tip. Vyssh. part. shkoly, 1949. – 31 s.

37. Тарле Е. В. Предисловие академика В. Е. Тарле / Гражданская война в США и царская Россия / М. М. Малкин; Под ред. и с предисл. акад. Е. В. Тарле; Ленингр. гос. ун-т. Исторический фак. – Москва: Гос. соц.-экон. изд., 1939. – С. 7–8.

Tarle E. V. Predislovie akademika V. E. Tarle / Grazhdanskaja vojna v SShA i carskaja Rossija / M. M. Malkin; Pod red. i s predisl. akad. E. V. Tarle; Leningr. gos. un-t. Istoricheskij fak. – Moskva: Gos. soc.-jekon. izd., 1939. – S. 7–8.

38. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.) / Виталий Витальевич Тихонов. – Москва: Нестор-История, 2016. – 424 с.
- Tihonov V. V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaja istoricheskaja nauka (seredina 1940-h – 1953 g.) / Vitalij Vital'evich Tihonov. – Moskva: Nestor-Istorija, 2016. – 424 s.
39. Трояновская М. О. Дискуссия по вопросам внешней политики США (1775–1823) / Мария Олеговна Трояновская. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2010. – 328 с.
- Trojanovskaja M. O. Diskussija po voprosam vneshnej politiki SShA (1775–1823) / Mariya Olegovna Trojanovskaya. – Moskva: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2010. – 328 s.
40. Хроника // Вестник социалистической академии. – 1929. – №35–36. – С. 389–391.
- Hronika // Vestnik socialisticheskoi akademii. – 1929. – №35–36. – S. 389–391.
41. Хроника // Вестник социалистической академии. – 1931. – №5–6. – С. 113–128.
- Hronika // Vestnik socialisticheskoi akademii. – 1931. – №5–6. – S. 113–128.
42. Чаннинг Э. История Северо-Американских Соединенных Штатов / Эдуард Чаннинг. – Москва: маг. «Кн. Дело», 1897. – 424 с.
- Channing E. Istorija Severo-Amerikanskih Soedinennyh SHtатов / Eduard Channing. – Moskva: mag. «Kn. Delo», 1897. – 424 s.
43. Ширяев Б. А. Принципы и цели дипломатии США в период становления (1775–1814) / Борис Анатольевич Ширяев // Вестник С.-Петербургского университета. Сер. 6. – 1997– Вып. 4. – С. 115–119.
- Shirjaev B. A. Principy i celi diplomatii SShA v period stanovlenija (1775–1814) / Boris Anatol'evich Shirjaev // Vestnik S.-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6. – 1997– Vyp. 4. – S. 115–119.

Dorofeev D. V. The genesis of US Foreign Policy: soviet historiography of the 1930s – early 1940s

The article examines the evolution of the topic of the genesis of US foreign policy in Soviet historiography during the 1930s – early 1940s. A group of researchers engaged in the study of the topic was identified: A. V. Efimov, V. I. Lan, L. G. Raisky in the academic sphere, D. O. Zaslavsky in the information and political sphere. Two stages in the evolution of the topic were identified: during the first half of the 1930s, the origins were considered territorial expansion as a manifestation of the imperialist development of capitalist states; at the turn of the 1930s and 1940s. The dominant interpretation was the balance of power approach. The different points of view were the result not of scientific research, but of proof of the correctness of V. I. Lenin's judgments, set forth by him in the works «Imperialism as the highest stage of Capitalism» (1917), «Letter to American Workers» (1918). A comparative analysis of pre-revolutionary and Soviet historiography showed that scientists of the USSR, unlike their predecessors, drew conclusions without studying sources and literature, and their developments were part of an ideological system that provided proof of the scientific nature of the Marxist-Leninist methodology.

Keywords: genesis of US foreign policy, Soviet historiography, A. V. Efimov, D. O. Zaslavsky, V. I. Lan (Kaplan), V. I. Lenin, L. G. Raisky (Rabinovich).

УДК: 398.2

БЫЛ ЛИ ПРЕДАТЕЛЕМ ДОБРЫНЯ-ПОСАДНИК

Козлов М. Н.

*Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: kmn_75@mail.ru*

В отечественной исторической науке предметом исследования чаще всего становятся судьбы правителей древнерусских земель, тогда как их ближайшие соратники, оставившие значительный след в отечественной истории, зачастую остаются в тени. Так, довольно туманно и двойственно выглядит образ одной из самых ярких личностей новгородской истории домонгольской эпохи Добрыни-посадника. Согласно данным древнерусских летописей он был уважаемым человеком, в честь которого назвали одну из улиц древнего Новгорода. В других источниках Добрыня предстает корыстолюбивым дельцом, готовым за деньги на любое предательство. На основе анализа новгородских летописей, данных археологии и письменных источников XIII-XVI вв. автор попытался определить соответствует ли действительности информация, представленная в поздних источниках о предательстве Добрыни-посадника.

Ключевые слова: Добрыня-посадник, князь Мстислав Владимирович, вечевой строй, собор святого Олафа, собор Петра и Павла, церковь святого Иоанна на Опоках.

Первая половина XII в. чрезвычайно важный этап в истории древнего Новгорода. Это был период превращения Новгородского княжества в боярскую республику. В связи с этим чрезвычайно важную роль представляет собой реконструкция исторических событий, непосредственно предшествующих становлению вечевого строя в древнем Новгороде.

Источники, относящиеся к данной эпохе чрезвычайно скупы и многие детали тех далеких событий нам неизвестны. Так, мы практически ничего не знаем о жизни и деятельности новгородских посадников, управлявших Новгородом после смерти Остромира. Некоторые из них известны нам лишь по именам в летописных сводах имен новгородских посадников. О других мы знаем лишь даты начала посадничества и смерти.

В связи с этим огромное значение приобретает реконструкция исторических событий, связанных с деятельностью новгородского посадника Добрыни, упоминания о котором можно найти не только в Лаврентьевской и Новгородской Первой летописи, но и в поздних источниках второй половины XV в. – XVII вв. В частности, в «Повести о посаднике Добрыне» и целом ряде рукописных сборников XVI в. двенадцатый новгородский посадник представлен корыстолюбивым предателем, готовым на все ради денег [10, с. 22–25].

В дореволюционный период отечественные исследователи скептически относились к данному источнику, считая события, описанные в нем вымыслом, не имеющей никакого отношения к историческим событиям [7, с. 54–55; 11, с. 14–15]. В советскую эпоху некоторые детали событий, описанных в «Повести» были

подтверждены материалами археологических исследований. Данный факт способствовал изменению отношения ученых к данному источнику. Так, по мнению Янина В. Л. и Дмитриева Л. А. «Повесть о посаднике Добрыне» написана во второй половине XV в. на основе народных преданий, которые в свою очередь, стали отголосками реальных исторических событий, произошедших в древнем Новгороде в начале XII в. [22, с. 88; 5, с. 22–25].

Несколько иную точку зрения имеет Рыбина Е. А., по мнению которой в «Повести» описаны события, связанные со строительством католического храма Петра и Павла в конце XII в. Добрыня-посадник, по мнению исследовательницы, упоминается в источнике ошибочно [15, с. 197–199].

Таким образом, в отечественной исторической науке нет единого консолидированного мнения относительно того, был ли Добрыня-посадник корыстолюбивым предателем или в «Слове о посаднике Добрыне» содержится не имеющий отношения к действительности навет. Определить, соответствовала ли действительности информация, представленная в «Слове о посаднике Добрыне» – основная цель данной статьи.

Основная группа сведений о Добрыне-посаднике и связанными с ним историческими событиями содержится в нескольких летописях новгородского круга, а также в Лаврентьевской летописи. Определенную важную информацию, позволяющую уточнить некоторые детали системы власти в древнем Новгороде можно найти также в новгородских грамотах XII – XIV вв. Особо следует отметить сравнительно позднюю, однако чрезвычайно важную в свете исследуемой темы «Повесть о посаднике Добрыне», содержащую уникальную информацию о событиях, связанных со строительством католического храма в древнем Новгороде XII в.

При написании статьи привлекались также археологические предметы, несущие важную историческую информацию – берестяные грамоты и печати новгородских князей XII в.

Место и дата рождения Добрыни-посадника нам неизвестны. Возможно лишь предположить, что он принадлежал к новгородскому роду Добрыничей – потомков дяди князя Владимира Святославича Добрыни Малковича. Добрыня – имя языческое и согласно древнерусской языческой традиции, новорожденному ребенку должны были дать имя какого-то умершего предка (деда или прадеда). Широкого распространения в Древней Руси оно не имело. Так, Добрыни не упоминаются в берестяных грамотах, а в древнерусских летописях можно найти упоминания исторических деятелей с данным именем лишь в единичных случаях. Все они связаны с историей древнего Новгорода X – первой половины XII вв. Возможно, что все Добрыни, упоминаемые в летописях при описании исторических событий данного периода, относились к одному новгородскому боярскому роду Добрыничей.

Когда Добрыня стал посадником нам доподлинно неизвестно. Однако это произошло не ранее 1096 года. Так, под 1096 годом в Лаврентьевской летописи» сообщается о некоем посаднике Гюрате Роговиче отправившем своего отрока в

Югорскую землю за данью для Новгорода [12, с. 107]. О том, что в Новгороде в то время действительно был посадником Гюрата свидетельствуют данные археологии. Так, в 1999 году при раскопках в Людином конце древнего Новгорода в археологическом слое второй половины XII в. была найдена берестяная грамота №907 с упоминанием посадника Гюрты [22, с. 88].

Гюрата также упоминается в общем своде новгородских посадников в Новгородской первой летописи как один из предшественников Добрыни [13, с. 164–165].

Скончался Добрыня-посадник, согласно Новгородской первой летописи в 1117 году [13, с. 20, 204]. Таким образом, посадничество Добрыни могло быть между 1096 и 1117 годами.

Новгородские летописи не сообщают никакой информации об исторических событиях, связанных с посадничеством Добрыни, но тот факт, что одна из центральных улиц тогдашнего Новгорода после его правления получила название «Добрыниной» свидетельствует о большом авторитете данного исторического деятеля у соотечественников.

По мнению А. А. Гиппиуса улица получила свое название в благодарность Добрыне-посаднику за активную помощь в построении храма св. Образа [3, с. 103].

Однако никаких доказательств данной гипотезы в настоящее время нет. В письменных источниках сообщений о строительстве в конце XI – начале XII вв. в древнем Новгороде церкви святого Образа мы не находим. В настоящее время не установлено исследователями и место постройки данного православного храма в древнем Новгороде.

До нашего времени дошло достаточно любопытное позднее предание – «Повесть о посаднике Добрыне». Исследователи относят его написание ко второй половине XV в. «Повесть» дошла до нас в нескольких списках, содержание которых в целом идентично [16, с. 492].

Ввиду важности данного источника приводим его текст с небольшими сокращениями по Волоколамскому списку: «Прислаша нѣмцы от всѣхъ седмидесяти городов посла своего: «Дайте намъ мѣсто у себе, посредѣ Великого Новагорода, гдѣ поставити божница по нашей вѣре и обычаю». И новгородцы оттолвиша им, рекуще: «Великомъ Новѣгородѣ, стоятъ всѣ церкви православныя, нашей вѣры христианьския. Такъ же и вашей божницы быти какъ в нашемъ градѣ?» И нѣмцы, слышавше жестокий отвѣтъ отъ архиепископа и отъ всего народа, и своимъ лукавствомъ биша челомъ посаднику Добрынѣ и даша ему посулъ великъ. Посадникъ же Добрыня и съ злыми своими совѣтниками повели немцомъ говорити старостамъ купецкимъ и купцомъ новгородскимъ: «Толко нашей божницѣ – храму святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла – не быти у васъ въ Великомъ Новѣгородѣ, ино вашимъ церквамъ у насъ, по нашимъ городомъ, не быти же». И архиепископъ и новгородцы, послушавъ посаднича совѣта и гостей своихъ челобитья, поволѣиша немцомъ поставити ропату, а мѣсто имъ укажетъ посадникъ, гдѣ будетъ прилично. И нѣмцы избраша себѣ мѣсто посреди града, в торгу, гдѣ стоитъ церковь деревяна святого Иоанна Предотечи.

Посадникъ же Добрыня повелѣлъ церковь святаго Предотечи снести на ино мѣсто, а то мѣсто отвелъ нѣмцом. И како же поѣха посадникъ Добрыня с вѣча къ своей улицы чрез Волхово въ насадѣ с людьми своими, и внезапно прииде вихрь и, возьмъ насад, възнесе на высоту яко боле дву саженой и удари о воду. И ту потопе посадникъ Добрыня къ дну, а прочихъ всѣхъ переимаша в судехъ в малыхъ перевозники [10, с. 22–25].

Прежде всего, по нашему мнению, необходимо выяснить полномочия князя и посадника в конце XI – начале XII в. Согласно тексту «Повести о посаднике Добрыне» на вече был вынесен вопрос, имеющий отношения одновременно к распределению земельных наделов, международным отношениям и религии.

Смирнов В. А., опираясь на текст одной из «Грамоты Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу» начала XIV в. сделал предположение о том, что князьям, якобы, запрещали в новгородской земле заниматься земельными вопросами и даже иметь здесь собственные земельные наделы [18, с. 119].

В данном источнике действительно можно найти напутствие приглашенному князю: «А сел та не ставили по Новгородской волости, ни твоей княгыни, ни твоим бояром, ни твоим дворяном, ни купили, ни даром приимата. А свобод та не ставили по Новгородской волости» [4, с. 16].

Вместе с тем, приведенный отрывок новгородской грамоты, относящейся к XIV в. не может быть использован для реконструкции системы власти в древнем Новгороде в целом. Письменные источники и данные археологии свидетельствуют о том, что по крайней мере в XII в. ситуация была иной. Так, в новгородской берестяной грамоте № 724 второй половины XII в. находим следующий текст: «А сельчанам своим князь сам от Волока и от Мсты (т. е. примыкающие к ним) участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас с радостью послал бы грамоту" [2, с. 113]. По мнению современных исследователей не названный по имени князь определяется как Святослав Ростиславич, в 1161 г. во второй раз занявший новгородский стол и оставивший его в 1167 г. [2, с. 113].

Предположение о том, что в древнем Новгороде XII в. земельные вопросы находились под юрисдикцией местных князей, подтверждают и данные археологии. Так, при раскопках посада поселения Шерна XI–XII вв. (нынешняя Московская область) был обнаружен административный комплекс с несколькими новгородскими княжескими печатями. Две из них исследователи связывают с князем Мстиславом Владимировичем, княжившему в Новгороде в 1088-1094 г. и 1096–1117 г. С князем Всеволодом Мстиславичем, княжившим в Новгороде в 1117–1136 г. связываются пять печатей (№ 3, 4, 5, 6, предположительно 12), несущих изображение Благовещения и св. Федора (они относятся к периоду 1126–1136 г.). И, наконец, печать № 10 гипотетически связывается со Святославом Ростиславичем (сыном третьего Мстиславича – Ростислава), который княжил в Новгороде с 1158 по 1167 г с перерывом в 1160 г. [Чернов, с. 13]. Наличие административного здания XI–XII вв. с новгородскими княжескими печатями на территории нынешнего Подмоскovie свидетельствует о том, что в данный период времени здесь находились имения, подчиняющиеся юрисдикции новгородских князей. Данный

факт убедительно свидетельствует о том, что именно князья своими грамотами, распределяли в новгородской земле земельные наделы вплоть до конца XII в.

Внешнюю же политику и внешнюю торговлю новгородские князья продолжали контролировать не только в XII, но и XIII вв. Местная знать, очевидно, и не пыталась оспаривать данное право новгородских князей. Так, в «Договорной грамоте Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем» 1270 года новгородские бояре прямо указывают приглашенному в Новгород князю: «тобе послы княже, и купче съ товаромъ. И въ Немецьскомъ дворъ тобе торговати» [4, с. 13].

Что же касается самого Добрыни, то весь период его посадничества приходился на время правления властного и популярного в древнем Новгороде князя Мстислава Владимировича, крепко держащего в своих руках узды правления. Так, в Лаврентьевской летописи под 1096 годом содержится любопытный отрывок, в котором сообщается о том, как князь Мстислав Владимирович, решил заручиться поддержкой новгородцев в борьбе с князем Олегом Святославичем: «сдумавъ съ Новъгородци, и послаша Добрыню Рагуиловича передъ собою въ стороже. Добрыня же первое изъима дальники» [12, с. 198].

На первый взгляд данный отрывок свидетельствует о том, что после организованного князем вече Добрыня, будучи посадником, выступил во главе новгородского ополчения в поддержку князя Мстислава Владимировича. Однако в уже указанном отрывке «Лаврентьевской летописи» под 1096 годом в качестве новгородского посадника упоминается Гюрата Рогович [12, с. 107]. После Гюраты Роговича, в общем своде новгородских посадников и перед именем Добрыни можно найти также имя посадника Микулы, упоминаемом в берестяной грамоте № 109 конца XI [13, с. 164–165]. Таким образом, в летописном эпизоде под 1096 годом Добрыня Рагуилович упоминается, скорее всего, в качестве воеводы князя Мстислава Владимировича, а не в качестве новгородского посадника. Очевидно, что князь поставил своего воеводу посадником несколько позднее. Можно вполне согласиться с предположением Янина В. Л. о том, что вплоть до 1132 года новгородские посадники играли роль в Новгороде княжеских наместников [22, с. 65, 75]. Данное утверждение в полной мере относится и к посаднику Добрыне.

В древнем Новгороде было два вече. Княжеское вече собиралось на Торговище, а боярское на площади у святой Софии. Сбор княжеского вече был привилегией князя. Оно собиралось в экстренных случаях, если князю необходима была военная поддержка новгородцев [8, с. 21]. Сбор боярского вече посадником или каким либо другим представителем городской администрации в период с конца XI в. до 1117 года в древнерусских летописях не упоминается. Единственным исключением является сообщение о некоем собрании в Новгороде под 1102 годом в крайне ненадежной Татищевской летописи. Согласно данному источнику жители Новгорода выступили против решения князя Владимира Мономаха сменить в Новгороде своего сына Мстислава Владимировича на князя Святополка Изяславича [19, с. 136]. Однако данный источник лишь подтверждает популярность князя Мстислава и устойчивость его власти в древнем Новгороде. Вместе с тем, в

нескольких письменных источниках сообщается о том, что в древнем Новгороде в период правления князя Мстислава Владимировича на рыночной площади был построен католический собор святого Олафа. Так, он упоминается в рунической надписи из Шюсты (Упланд, Швеция), высеченной мастером Эпиром, который работал в последних десятилетиях XI в. – в первом десятилетии XII в. Эта стела установлена в память о некоем Спяльбуди, который умер в Хольмгарде в церкви Олава [9, с. 97]. Опираясь на данный источник, современные исследователи относят строительство храма к периоду между 1030 годом и 90-ыми годами XI в. [9, с. 97].

Вопрос о строительстве католического собора мог быть вынесен князем Мстиславом Владимировичем на всенародное вече или на совет, состоящий из князя, посадника и новгородского архиепископа. Этим посадником мог быть и Добрыня Рагуилович (после Гюрата Роговича и Микулы в период со второй половины 90-ых годов XI в. – до 1117 г.), однако его участие в данном совете должно было стать пустой формальностью.

Показательно в этом отношении выглядит тот факт, что древнерусские летописцы указывают на князя Мстислава Владимировича как главного инициатора строительства нескольких православных храмов в древнем Новгороде. Так, согласно Новгородской первой летописи в 1103 году «Заложи церковь Благовъщеніе Мъстиславъ князь, на Городищи» [13, с. 3], а спустя десять лет в 1113 году «заложена Мстиславомъ бысть церкви, Новъгороде, святого Николы [13, с. 3–4]. При этом, какого либо активного участия в данных процессах посадников не упоминается. Таким образом, предположение Янина В. Л. и Дмитриева Л. А. о том, что в «Повести о посаднике Добрыне» сообщается о реальных событиях, произошедших в древнем Новгороде конца XI – начале XII вв. представляется маловероятным.

В целом, бросается в глаза тот факт, что в источнике описывается иная более поздняя эпоха боярской республики. Так, в самом начале текста можно найти строки о том, что «прислаша нѣмцы от всѣхъ седмидесяти городов посла своего». В данном случае явно содержится намек на крупный торговый союз германских городов, подобный, возникшему в будущем Ганзейскому союзу. В начале XII в. ничего подобного еще не существовало. Лишь в конце XII в. возник подобный германский союз во главе с городом Висбю на острове Готланд. Кроме того, как верно заметила Е. А. Рыбина, вызывает недоумение и само слово «немцы» чуждое новгородцам начала XII в. [15, с. 199].

В «Повести» вовсе не упоминается новгородский князь, а Добрыня-посадник представлен высшим должностным лицом, имеющим полномочия выносить бытовой вопрос на всенародное вече. Кроме того, согласно источнику благодаря Добрыне в центре тогдашнего Новгорода на торгу был построен не католический храм святого Олафа, а костел имени Петра и Павла.

Вполне возможно, что авторы «Повести» заменили Добрыней-посадником с каким-то другого исторического деятеля, жившего уже в эпоху боярской республики.

В «Слове о посаднике Добрыне» сообщается о том, что собор святого Иоанна был разобран и перенесен на окраину Новгорода, а место где он до этого находился, было отдано под строительство католического собора.

Интересно, что католический костел имени Петра и Павла был заложен предположительно в конце 80-ых – начале 90-ых годов XII в. в центре торговой площади тогдашнего Новгорода [6, с. 10]. Согласно данным археологии примерно в тоже время был полностью разрушен каменный храм Святого Иоанна Предтечи на Опоках, заложенный в 1132 году [17, с. 12–13].

В Новгородской второй летописи (Малиновского) о строительстве «немецкой ропаты» взамен собора святого Иоанна Предтечи также сообщается под 1192 годом [14, с. 194].

В начале 90-ых годов XII в. происходило становление системы дипломатических и торговых отношений между Новгородской республикой и германским союзом во главе с городом Висбю на острове Готланд. Представители союза действительно могли посетить в этот период Новгород в рамках подготовки к подписанию мирного договора, включающего пункты о правилах взаимной торговли. Так, в этот период на протяжении определенного времени должен был проходить процесс согласования мирного договора между германским союзом во главе с городом Висбю и Новгородской республикой. Итоговый вариант договора был вынесен на новгородское вече. Об этом свидетельствует текст «Договора Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, посольских и торговых отношениях и суде», принятый предположительно в начале 90-ых годов XII в. [21, с. 129].

В частности, в источнике мы находим следующие строки: «Се язъ князь Ярославъ Володимѣричъ, сгадавъ с посадникомъ с Мирошкою, и с тысяцкимъ Яковомъ, и съ всѣми новгородьци, потвердихомъ мир» [4, с. 28]. В процессе подготовки договора германские послы вполне могли затронуть вопрос о строительстве православных церквей в германских городах и католического собора в Новгороде. Таким образом, подтверждается гипотеза Рыбиной Е. А. о том, что события, описанные в «Слове о посаднике Добрыне» вполне могли быть связаны со строительством католического храма Петра и Павла в 90-ые годы XII в период посадничества Мирослава Несдинича [16, с. 85]. Абсолютно не согласуется текст «Слова о Добрыне-посаднике» и с данными новгородских летописей. Так, в них ничего не сообщают о внезапной гибели Добрыни в Волхове. В источнике сказано, что новгородский посадник умер своей смертью «успе» 6 декабря 1117 года [13, с. 20, 204].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, в «Повести о посаднике Добрыне» описаны исторические события, произошедшие в древнем Новгороде в конце XII в. Добрыня-посадник, умерший в 1117 году не имеет к ним никакого отношения. Вероятно, составители источника, заменив Добрыней исторического деятеля более поздней эпохи, попытались очернить память предка многих новгородских бояр, находившихся в активной оппозиции к Великому княжеству Московскому в период составления «Повести».

Список используемых источников и литературы

1. Древнерусские берестяные грамоты. Интернет-ресурс. Точка доступа <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/109/>
Drevnerusskie berestyanye gramoty. Internet-resurs. Tochka dostupa <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/109/>
2. Гишпиус А. А. Еще раз о новгородской берестяной грамоте № 724 // Slověne. – 2015. – №1. – С. 111–127.
Gippius A. A. Eshche raz o novgorodskoj berestyanoj gramote № 724 // Slověne. – 2015. – №1. – S. 111–127.
3. Гишпиус А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода ГюрятиничейРоговичей) // The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology / Ed. by Juhani Nuorluoto. – Helsinki, 2006. – С. 93–108.
Gippius A. A. Skandinavskij sled v istorii novgorodskogo boyarstva (v razvitie gipotezy A. A. Molchanova o proiskhozhdenii posadnich'ego roda GyuryatinichejRogovichej) // The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology / Ed. by Juhani Nuorluoto. – Helsinki, 2006. – S. 93–108.
4. Грамоты великого Новгорода и Пскова. – М.-Л.: Наука, 1949. – 213 с.
Gramoty velikogo Novgoroda i Pskova. – M.-L.: Nauka, 1949. – 213 s.
5. Дмитриев Л. А. Комментарии к «Повести о посаднике Добрыне» // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 7: Вторая половина XV века. Под ред. Д. С. Лихачева. – СПб.: Наука, 1999. – С. 492–493.
Dmitriev L. A. Kommentarii k «Povesti o posadnike Dobryne» // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. – T. 7: Vtoraya polovina XV veka. Pod red. D. S. Lihacheva. – SPb.: Nauka, 1999. – S. 492–493.
6. Задворный В., Юдин А. История Католической Церкви в России. – М.: Изд-во Колледжа католической теологии имени св. Фомы Аквинского, 1995. – 36 с.
Zadvornyj V., Yudin A. Istoriya Katolicheskoy Cerkvi v Rossii. – M.: Izd-vo Kolledzha katolicheskoy teologii imeni sv. Fomy Akvinskogo, 1995. – 36 s.
7. Карамзин Н. И. История государства Российского. –СПб.: Типография Греча Н., 1818. – Т. 3. – 220 с.
Karamzin N. I. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. –SPb.: Tipografiya Grecha N., 1818. – T.3. – 220 s.
8. Куницын А. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб.: Типография второго отделения Собственной канцелярии, 1843. – 153 с.
Kunicyn A. Istoricheskoe izobrazhenie drevnego sudoproizvodstva v Rossii. SPb.: Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennoj kancelyarii, 1843. – 153 s.
9. Мельникова Е. А. Культ св. Олафа в Новгороде и Константинополе // Византийский временник. – 1995. – Т. 56. – № 81. – С. 92–106.
Mel'nikova E. A. Kul't sv. Olafa v Novgorode i Konstantinopole // Vizantijskij vremennik. – 1995. – T. 56. – № 81. – S. 92–106.
10. Повесть о посаднике Добрыне // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 7: Вторая половина XV века. Под ред. Д. С. Лихачева. – СПб.: Наука, 1999. – С. 22–25.
Povest' o posadnike Dobryne // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. – T. 7: Vtoraya polovina XV veka. Pod red. D. S. Lihacheva. – SPb.: Nauka, 1999. – S. 22–25.
11. Прозоровский Д. И. Новые разыскания о новгородских посадниках. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1892. – 34 с.
Prozorovskij D. I. Novye razyskaniya o novgorodskih posadnikah. – SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1892. – 34 s.
12. ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 472 с.
PSRL. T. 1: Lavrent'evskaya i Suzdal'skaya letopisi po Akademicheskomu spisku. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 472 s.
13. ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 576 с.

PSRL. Т. 3: Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. – М.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950. – 576 s.

14. ПСРЛ. Т.3. Выпуск 2. Новгородские летописи (Новгородская вторая летопись и Новгородская третья летопись). – Спб.: Типография императорской академии наук, 1879. –96 с.

PSRL. Т.3. Выпуск 2. Novgorodskie letopisi (Novgorodskaya vtoraya letopis' i Novgorodskaya tret'ya letopisi). – Spb.: Tipografiya imperatorskoj akademii nauk, 1879. –96 s.

15. Рыбина Е. А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. – М.: Наука, 1978. – С. 197–226.

Rybina E. A. Gotskij raskop // Arheologicheskoe izuchenie Novgoroda. – М.: Nauka, 1978. – С. 197–226.

16. Рыбина Е. А. Повесть о посаднике Добрыне // Археографический ежегодник за 1977 год. М.: Наука, 1978. – С. 79–85.

Rybina E. A. Povest' o posadnike Dobryne // Arheograficheskij ezhegodnik za 1977 god. М.: Nauka, 1978. – С. 79–85.

17. Седов В. В. Церковь Св. Иоанна на Опоках в Новгороде как пример позднесредневековой архитектуры // Архитектурное наследство. – 2014. – № 60. – С. 11–26.

Sedov V. V. Cerkov' Sv. Ioanna na Opopah v Novgorode kak primer pozdnesrednevekovoj arhitektury // Arhitekturnoe nasledstvo. – 2014. – № 60. – С. 11–26.

18. Смирнов В. А. Новгородская боярская феодальная республика: характеристика социальных слоев населения и государственный механизм управления (XII – XV вв.) // Вопросы региональной экономики. – 2009. – № 1. – С.114–123.

Smirnov V. A. Novgorodskaya boyarskaya feodal'naya respublika: harakteristika social'nyh sloev naseleniya i gosudarstvennyj mekhanizm upravleniya (XII-XV vv.) // Voprosy regional'noj ekonomiki. – 2009. – № 1. – С. 114–123.

19. Татищев В. Н. История Российская. – Т.2. – М.: АСТ, 2003. – 735 с.

Tatishchev V. N. Istoriya Rossijskaya. – Т.2. – М.: AST, 2003. – 735 s.

20. Чернов С. З. Сфрагистический комплекс из Могутова и его значение для изучения Московской земли в первой половине XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2003. – № 3. – (13). – С. 5-21.

Chernov S. Z. Sfragisticheskij kompleks iz Mogutova i ego znachenie dlya izucheniya Moskovskoj zemli v pervoj polovine XII v. // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. – 2003. – № 3. – (13). – С. 5-21.

21. Хорошевич А. Л. О происхождении текста древнейших новгородско-готландско-немецких договоров конца XII и середины XIII в. // Новгородский исторический сборник. – 1997. – Вып. 6(16). – С. 128–134.

Horoshevich A. L. O proiskhozhdenii teksta drevnejshih novgorodsko-gotlandsko-nemeckih dogovorov konca XII i serediny XIII v. // Novgorodskij istoricheskij sbornik. – 1997. – Вып. 6(16). – С. 128–134.

22. Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры, 2003. – 511 с.

Yanin V. L. Novgorodskie posadniki. М.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – 511 s.

M. N. Kozlov Was a traitor Dobryna-Posadnik

In Russian historical science, the fate of the rulers of the ancient Russian lands is most often the subject of research, while their closest associates, who left a significant mark on Russian history, often remain in the shadows. So, the image of one of the brightest personalities of the Novgorod history of the pre-Mongolian era, Dobryna, the posadnik, looks rather vague and ambiguous. According to the ancient Russian chronicles, he was a respected person, after whom one of the streets of ancient Novgorod was named. In other sources, Dobryna appears as a greedy businessman, ready for any betrayal for money. Based on the analysis of the Novgorod chronicles, archeological data and written sources of the XIII-XVI centuries, the author tried to determine whether the information presented in later sources about the betrayal of Dobryna-posadnik is true.

Keywords: Dobryna-posadnik, Prince Mstislav Vladimirovich, veche system, St. Olaf's Cathedral, Peter and Paul Cathedral, St. John's Church on Oпоki.

УДК 930

СУДЬБА ВИНОГРАДНИКОВ ВО ВРЕМЯ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ 1985–1988 ГГ. В СССР (НА ПРИМЕРАХ КРЫМА)

Королев С. В.

*Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Российская Федерация
E-mail: korolevudgu@yandex.ru*

Приводятся фактические данные, что антиалкогольная кампания 1985–1988 гг. принципиально на виноградную отрасль в СССР не повлияла, тем более не ввергла ее в кризис, «в катастрофу», как это принято считать. Анализ историографии, статистических и архивных данных, в том числе Республики Крым, свидетельствует, что общая площадь виноградников несколько сократилась, однако большая часть была утрачена в результате неблагоприятных погодных условий 1985 года, поражения филлоксерой и др. Объемы валового сбора винограда оставались стабильными, а в ряде республик, демонстрировали уверенный рост. Особенно динамично расширялось производство столовых сортов винограда. Структурные изменения в виноградной отрасли забуксовали по причине социально-экономического кризиса, который наметился в конце перестройки, и показал свою разрушительную роль в полной мере в 1990-е годы. В борьбе за власть негативные моменты кампании с помощью СМИ были сильно преувеличены, а положительные известны лишь узкому кругу специалистов.

Ключевые слова: антиалкогольная кампания 1985–1988 гг., Крым, СССР, виноградники, статистика.

Алкогольный вопрос является одним из самых актуальных в российском обществе, эксперты оценивают алкогольные потери, вызванные преждевременной смертностью россиян в трудоспособном возрасте более 500 тыс. человек ежегодно [18]. По данным Европейского регионального бюро Всемирной организации здравоохранения в 2009 году алкоголь стал причиной 52% всех смертей в России в возрасте 15–54 лет (59% мужских смертей и 33% женских) [4]. В 2018 году в рейтинге стран мира по уровню потребления алкоголя Россия заняла 16 место – 11,7 литра на душу населения (старше 15 лет) [19], что является одним из самых высоких показателей в мире.

Однако, когда обсуждаются пути решения проблемы, то зачастую звучит точка зрения, что «мы это уже проходили». Так в разгар жестких антиковидных мер весны 2020 года, когда потребление алкоголя резко выросло, глава Удмуртии А. В. Бречалов заявил: «Я застал и восьмидесятые годы, сухой закон. Все эти ограничительные меры без альтернативы чего-то приводят к тому, что расцветает рынок нелегальной торговли и контрафакта. У нас взлетит в геометрической прогрессии количество отравлений от всякой гадости. Мы этого допустить не можем» [5].

Действительно, пожалуй, ни одно из событий новейшей истории не вызвало столько домыслов и наветов как антиалкогольная кампания 1985–1988 года. Один из штампов, который усиленно навязывается обществу, состоит в том, что во время

кампании вырубали виноградники, причем для несведущего обывателя звучит это так, как будто то вырубали все, под чистую. Подобный подход формируется уже со школьной скамьи [7, с. 43]. Так, например, учебники по истории России средней школы характеризуют кампанию исключительно негативно: «Вырубка виноградников, резкое сокращение продажи спиртных напитков, повышение цен на них привели к росту спекуляции спиртным, самогонварения, к массовым отравлениям населения винными суррогатами» [11, с. 295]. Р. Г. Пихоя характеризуя антиалкогольную кампанию, пишет «дело дошло до истребления виноградников в тех немногих районах СССР, где они были»... «площадь виноградников в 1985-1988 гг. сократилась на четверть» [17, с. 32]. А. П. Степанченко вторит: «До сих пор среди историков, аналитиков и экономистов не сложилось однозначной оценки «сухого закона Горбачева», но среди виноградарей и виноделов эта реформа всегда трактуется как катастрофа» [25, с. 284]. Л. Н. Усенко, З. В. Удалова утверждают: «Особенно тяжелое положение сложилось в 1985 г. после известного постановления Правительства СССР об антиалкогольной кампании, приведшего к началу вырубки не только технических, но и столовых сортов винограда» [26, с. 77].

Не остались в стороне и непосредственные участники событий, лидеры перестройки, Н.И. Рыжков в своих мемуарах пишет: «Сильнейший удар антиалкогольная кампания обрушила на виноградарство и виноделие. <...> За три года, с 1985 по 1988-й, площади виноградников в стране сократились почти на одну треть, чего не было даже в Великую Отечественную войну, когда мы потеряли 22 процента их» [20, с. 97].

В итоге в обществе формируется однобокое представление о результатах кампании, пессимистические оценки путей решения алкогольной проблемы. Один из ее инициаторов Е. К. Лигачев, говоря о причинах данного феномена, отмечает: «Антисоциалистические элементы, запустили на полный ход измышления для дискредитации трезвеннического движения, советской власти. В частности, о вырубке виноградников. Злостное вранье! А что было на самом деле? В 1985 г. площади виноградников составляли 1 млн. 260 тыс.га, в 1988 г. – 1 млн. 210 тыс. га., сбор винограда – 5,8 и 5,9 млн. тонн соответственно. Комментарии излишни. А вот почему при нынешней власти произошло двукратное сокращение производства винограда...» [12, с. 257].

Действительно, авторы не всегда корректно связывают деградацию отрасли с антиалкогольной кампанией. Так Д. К. Кадиев, анализируя виноградарство в Дагестане, пишет: «В связи с антиалкогольной кампанией с 1985 г. началась политика свертывания развития виноградарства и виноделия. С каждым годом сокращались государственные капиталовложения в отрасль, под корень вырубались огромные площади виноградников» [8, с. 49].

Однако отсылка автора к указному источнику свидетельствует, что, речь идет о постановлении правительства Республики Дагестан от 27.06.2001 г., которое направлено на решение системных проблем, сложившихся в отрасли в предшествующий период, в первую очередь, связанных с результатами

либеральных реформ 1990-х годов. «Отсутствие финансовых средств на закладку и уход за молодыми виноградными насаждениями и капитальных вложений в промышленность, особенно в первичное виноделие, резко ухудшило материально-техническое обеспечение отрасли. Износ основных фондов составил 70 проц., а уровень механизации в виноградарстве не превышает 35 проц., что предопределило долговременную тенденцию к спаду производства». Да, точкой отсчета берется начало 80-х как пик развития отрасли. «В результате по сравнению с 1981–1985 годами площади под виноградниками сократились с 71 тыс. га до 17 тыс. га, а урожайность с 75 ц/га до 28 ц/га. Валовый сбор сократился на 300 тыс. тонн и в 2000 году составил 58 тыс. тонн» [8, с. 49].

Аналогичную ошибку допускают и другие авторы. «К началу вырубki столовых и технических сортов привела антиалкогольная кампания 1985 года. В предшествующий период все раскорчеванные виноградники полностью восстанавливались. В период 1985–1990 гг. новые насаждения практически не закладывались, а раскорчеванные заменялись только наполовину. Площади виноградных насаждений России с 1984 года сократились примерно в три раза» [21, с. 2].

Анализ историографии свидетельствует, что подавляющее большинство публикаций рассматривает вопрос фрагментарно, преимущественно в рамках проблем развития виноградарства и винодельческой промышленности. Конкретно периоду антиалкогольной кампании в Крыму (правда тоже в рамках регулирования винодельческой промышленности) посвящена статья С. С. Фоминых, которая пишет. «Активное, зачастую необдуманное проведение мероприятий антиалкогольной кампании сопровождалось сокращением площадей виноградных насаждений во всех категориях хозяйств» [27, с. 156]. И далее продолжает: «В целом, указанный период времени характеризуется специалистами аграрной отрасли как период неконтролируемой раскорчевки виноградников. Согласно данным производственного объединения «Крымсовхозвинпром», в 1984 г. виноградники занимали 87,6 тыс. гектаров, в 1990 г. – 66,4 тыс. Только за 1989 г. было раскорчевано 4,8 тыс., а посажено 2,2 тыс. гектаров. Виноградарство как отрасль растениеводства начинает деградировать» [10, с. 157].

Однако, например, Т. В. Ляшенко расставляет совершенно иные акценты: «В 80-х годах XX века виноградарство Крыма начало приходить в упадок. Этому способствовало ряд факторов: поражения филлоксерой; суровая зима 1984–1985 гг., которая повредила морозами 40 % площади виноградников; антиалкогольная кампания 1985–1989 гг., в результате которой площади виноградников сократились еще почти на 10 тыс. га. [13, с. 211].

Действительно, противники антиалкогольной кампании редко обращают внимание, на то что, «в результате сильнейших морозов зимы 1985–1986 гг., которые бывают не чаще, чем раз в девять лет, в Крыму были признаны непригодными и подлежащими списанию 11 889 гектаров виноградников, в том числе в ведомственных хозяйствах Минсельхоза УССР – 7189, Минплодоовощхоза УССР – 1467, Главплодвинпрома – 2845 гектаров» [6, с. 81].

Для сравнения в 1986 г. по всей Украинской ССР подлежало утилизации 24 433 гектара виноградников [27, с. 156].

Данную точку зрения подкрепляют и публичные источники, так в интервью посвященной 35-летию антиалкогольной кампании Анатолий Яланецкий, который в то время работал первым заместителем генерального директора по виноделию «Крымсовхозвинпрома» заявил: «А на самом деле виноградники в Крыму из-за прямого указания антиалкогольной кампании не пострадали. Они пострадали от другого... Зимой в 1985 году были сильнейшие морозы. Столбики термометров опускались до минус 30 градусов. В солнечном Крыму и Севастополе это нонсенс! Тогда очень много винограда померзло. Принималось решение – выкорчевывать или срезать под корень, чтобы потом лоза дала новые побеги. Все же решили не выкорчевывать, а срезать на «черную головку» благодаря этому около 80% виноградников были спасены, так как лоза восстановилась». «В тех колхозах, где не срезали виноградники, как говорят «под черную головку», они погибали и их пришлось раскорчевывать. Это вынужденная мера» [3].

По данным исследований Д. И. Фурсы для устойчивости винограда к морозам необходима благоприятная теплая погода, особенно в конце сентября и в октябре в период «состояния покоя», когда «в вызревающих лозах интенсивно откладывается крахмал». В ноябре, декабре «под влиянием пониженных температур воздуха, во время закаливания, крахмал превращается в сахара». Наибольшее их количество приходится на декабрь-январь, когда морозоустойчивость наиболее высокая. «В дальнейшем с повышением температуры воздуха содержание сахаров в почках и тканях уменьшается... Поэтому в конце февраля – начале марта виноградное растение значительно теряет способность реагировать на новые понижения... Поэтому сильный мороз в конце февраля, как известно, наносит большой ущерб, особенно когда морозу предшествует теплая погода». «Температура воздуха, вызывающая гибель 75 % и более виноградных почек, называется критической (Ткр)». В зависимости от погодных условий, границы зоны неукрывного винограда в Крыму, и приморских районов «вероятность критических температур для морозоустойчивых сортов составляет – 21°C (знаменатель) и – 23°C (числитель)» [28, с. 84–86].

Анализ архива погоды 1985 года (табл. I) [2] подтверждает, что условия в Крыму были действительно неблагоприятные. В конце февраля и в первой половине марта (в период, когда растения ослаблены и менее устойчивы к заморозкам) наблюдалась аномально холодная погода, превысившая критические температуры даже для морозоустойчивых сортов (21 февраля – 22,4 градуса). В течение февраля наблюдались погодные качели, когда температура резко менялась от положительной к отрицательной, что наиболее разрушительно для виноградной лозы. Отрицательные температуры около 10–15 градусов ниже ноля держались вплоть до 15 марта. Это было, значительно ниже нормы.

**СУДЬБА ВИНОГРАДНИКОВ ВО ВРЕМЯ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ
1985–1988 ГГ. В СССР (НА ПРИМЕРАХ КРЫМА)**

Таблица 1

Погода в Симферополе в феврале 1985 г. [2]

01.02	02.02	03.02	04.02	05.02	06.02	07.02	08.02	09.02	10.02
- 2,5	1.1	1.7	-6.3	-8.7	-10.6	- 13	-10.5	-11.5	-10.2
11.02	12.02	13.02	14.02	15.02	16.02	17.02	18.02	19.02	20.02
+1	- 2.6	-6.5	-10.8	-15.6	-14.8	-17	-10.8	-18.6	- 20.1
21.02	22.02	23.02	24.02	25.02	26.02	27.02	28.02	01.03	02.03
-22.4	-20.8	-18.6	-15.4	-19.5	-17.9	-20.1	-17.7	-17.9	- 13

Об этом свидетельствует и динамика производства винограда в Крыму в 60–80-е годы XX века, (табл. 2) в котором 1985 год стал самым неурожайным. Заметим, что производство винограда к 1990-му году оставалось стабильно высоким. Как и на Украинской ССР в целом: в 1984 г. – 1097 тыс.т, 1985 – 430 тыс.т., в 1986 – 738 тыс. т., 1987 – 800 тыс.т. [14, с. 125]. Потенциал отрасли был в значительной степени исчерпан к началу 2000-х годов.

Таблица 2

Производство винограда в Крыму (тыс. тонн) [9, с. 88]

1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995
91,5	462,7	464,0	550,4	308,6	168,0	315,7	116,2
2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017	2019
179,4	116,3	111,9	77,5	65,0	64,3	70,8	99,6

Сильные морозы в Крыму совпали с еще одной напастью – филлоксерой виноградной, опасном карантинном вредителе, который живет и размножается на виноградной лозе. «Нанося уколы в ткани корней, филлоксера выделяет слюну, ферменты которой вызывают пороки развития тканей корней, деформацию ..., что является причиной отмирания корней и гибели виноградного куста» [23].

Вот что об этом говорит очевидец событий, бывший руководитель совхоза «Севастопольский», виноградарь с 30-летним стажем Владимир Кравец: «В «Золотой балке», «Качинском +» и заводе имени Софьи Перовской не вырубili ни одного куста в период антиалкогольной кампании. Дело в том, что были тогда виноградники на собственных корнях. А потом их запретили выращивать, так как развелась виноградная филлоксера – страшный вредитель. Из-за нее образовывается рак корневой системы. Мы стали эти виноградники корчевать. А на их место посадили привитые сорта». «Вот и совпало. Как раз в тот 1985 год в нашем хозяйстве корчевали такие виноградники, а садить новые не все стали, так как виноград на нашем предприятии был основной культурой. Еще одна причина, почему раскорчевку могли принять за намеренную вырубку по указу Горбачева.

Однако специально выполнять команду уничтожить виноградники в Крыму – никто не давал» [3].

Повреждение филлоксерой больших территорий подтверждается и другими источниками изучаемого периода: «Значительно осложняет возделывание винограда на Украине филлоксера. Она распространилась практически повсеместно. Значительный ущерб, наносимый этим вредителем, заставил перейти в последние годы повсеместно на привитую культуру и закладку насаждений комплексноустойчивыми сортами» [24, с. 269]. Аналогичная ситуация складывалась и в других регионах: «усугубилось поражением плантаций филлоксерой, которая за два с лишним десятилетия распространилась на всей площади виноградников» [16].

Однако погодные катаклизмы негативно отразились не только в Крыму, но и в других виноградных регионах тогда единого СССР: «1985 г. был наименее урожайным из всех лет одиннадцатой пятилетки из-за сильного повреждения виноградных насаждений морозами в зиму 1984/85 г., летней засухи 1985 г. в республиках Европейского и Закавказского регионов и маловодья в республиках Средней Азии» [24, с. 269].

Статистические данные по стране в целом говорят, что общая площадь виноградников в СССР сократилась с 1984 по 1988 гг., на 17,3 %, в плодоносящем возрасте на 11,05 % (табл. 3). Однако, обратим внимание, что площадь виноградных насаждений стала сокращаться уже в 1984 году, то есть до кампании, причем падение весьма существенное, с 1983 по 1984 гг. на 39 тысяч га. (2,8%) В то время как сокращение площадей в самый разгар кампании с 1986 по 1987 годы составило даже на тысячу га. меньше – 38 тысяч га., (3,2%) с 1987 по 1988 гг.– 17 тысяч га. (1,51%). Получается, что наибольшее сокращение площадей виноградников произошло в 1985 году – 103 тысячи га., (8,14%) это больше, чем за все последующие 4 года с 1986 по 1990 годы – 85 тысяч га. (7,3%). Это еще раз доказывает, то, что неблагоприятные погодные условия здесь сыграли решающую роль. В плодоносящем возрасте в 1985 году падение было еще менее значительным – 4,7%, в 1986 – 4,3%, 1987 – 3,1%, а в 1988 и 1989 гг. наблюдался даже небольшой рост - 0,79%, и 1,45% соответственно.

Таблица 3

Площадь виноградных насаждений в СССР
(во всех категориях хозяйств; тыс. гектаров) [22, с. 198; 14, с. 482]

	1980	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Всего:	1323	1376	1337	1265	1162	1124	1107	1081	1077
в том числе плодоносящем возрасте	902	996	995	948	907	878	885	891	878

В РСФСР динамика сокращения более сглажена (табл. 4), однако в целом тенденции аналогичны: в 1985 году падение наиболее существенное – 13 тыс.га

**СУДЬБА ВИНОГРАДНИКОВ ВО ВРЕМЯ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ
1985–1988 ГГ. В СССР (НА ПРИМЕРАХ КРЫМА)**

(6,8%), в 1986 – 9,2 тыс.га (5,1%), в 1987 – 6,9 тыс.га. (4,1%), 1988 – 5,3 тыс.га. (3,2%). За три года антиалкогольной кампании с 1986 по 1988 год падение составило 12.2 тыс. га (7,2%). Что сопоставимо с падением в 1985 году. В российских регионах в Краснодарском крае в 1985 г. сокращение составило 3,4 тыс. га (5,8%), за последующие три года 3,1 тыс. га. (5,9%), с 1986 по 1989 гг. – 4,1 тыс. га. (7,8%). В Дагестане соответственно в 1985 г. – 5,5 тыс.га. (7,7%), за последующие три года 5,6 тыс.га (8,6%).

Таблица 4

Площадь виноградных насаждений в РСФСР
(во всех категориях хозяйств; тыс. гектаров) [29, л. 7]

	1984	1985	1986	1987	1988	1989
РСФСР	190,1	177,1	167,9	161,0	155,7	149,9
в том числе:						
Краснодарский край	57,8	54,4	51,9	49,9	48,8	47,8
Дагестанская АССР	70,9	65,4	64,7	61,5	59,1	57,2
Чечено-Ингушская АССР	24,5	23,0	18,8	17,8	17,3	15,5

Интересно, что в это же время площадь плодово-ягодных насаждений только за один 1984 год сократилась на 322 тысячи гектаров, а с 1985 по 1988 годы еще на 156 тысяч гектаров [22, с. 198]. Таким образом, за 4 года площадь плодово-ягодных насаждений сократилась на 478 тысяч гектаров, почему же никто не кричит, что вырубил яблони и вишни?

Кроме того, важно заметить, что происходила плановая замена технических (винных) сортов винограда на столовые. Программа «Основные направления социального и экономического развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года», предусматривала: «осуществить в союзных республиках кардинальную перестройку структуры виноградарства, ориентируя его в первую очередь на производство столовых сортов винограда» [15].

Дело в том, что в предшествующий период сложился дисбаланс в сторону технических сортов, когда 90% винограда шло на изготовление винно-водочных изделий. А советской семье на своем столе очень не хватало этой вкусной и полезной ягоды. По данным К. В. Смирнова в 1985 году «столовыми сортами в нашей стране занято 157 тыс. га, или 12,4% общей площади виноградных насаждений, кишмишными – 32,2 тыс. га, или 1,8%. Среднегодовой валовой сбор столового винограда и сушеной продукции в одиннадцатой пятилетке составил

соответственно 633,2 и 105,7 тыс. т., что далеко не достаточно для полного обеспечения населения нашей страны» [24, с. 11].

В результате с 1984 по 1988 гг. площади столовых сортов винограда увеличились на 85 тыс. га (36,05 %). Причем эти тенденции начались еще до кампании, с 1981 по 1984 год площади столовых сортов винограда увеличились на 20 тыс. га., (13,44%) за одиннадцатую пятилетку в целом 28,2 тыс. га. (17,96%), аналогичная ситуация в целом по республикам. После окончания кампании с 1989 г. площади столовых сортов винограда вновь начали сокращаться (табл. 5).

Таблица 5

Площадь виноградных насаждений столовых сортов по союзным республикам (тыс. гектаров) [22, с. 198; 14, с. 482]

	1981	1984	1985	1986	1987	1988	1989
СССР	128,8	148,8	157,0	195,7	220,6	233,0	231,5
РСФСР	18,6	21,9	23,2	27,4	32,2	34,1	33,5
Украинская ССР	19,1	23,7	25,3	28,1	28,7	30,7	34,5
Узбекская ССР	31,9	40,0	41,7	48,4	47,6	51,7	51,2
Казахская ССР	3,5	3,1	3,6	3,8	5,2	4,4	3,8
Грузинская ССР	0,9	0,3	0,7	0,6	1,1	1,0	0,8
Азербайджанская ССР	16,0	17,8	19,3	23,0	27,7	35,7	33,9
Молдавская ССР	13,3	18,9	16,6	18,9	24,8	28,5	30,7
Таджикская ССР	16,9	15,2	16,9	18,3	25,3	21,8	23,4
Армянская ССР	3,2	1,8	1,8	2,8	3,7	3,0	2,7
Туркменская ССР	5,2	5,2	6,5	22,7	23,3	20,9	15,9

Анализ площадей по союзным республикам свидетельствует, что этот процесс не форсировали, например, в РСФСР с 1985 по 1986 гг. площади увеличились на 4,2 тыс. га., (15,3%) УССР на 2,8 тыс. га., (9,9%) Азербайджанская ССР на 3,7 тыс. га. (16,08%), Молдавская ССР на 2,3 тыс. га. (12,16%). Больше всего повезло Туркменской ССР в которой было посажено 16,2 тыс. га. новых виноградников (71,36%). В целом по стране площади столового винограда увеличились на 38,7 тыс. га (19,77%).

Да, различного рода публикации свидетельствуют, что многим винодельческим предприятиям было непросто переориентироваться на выпуск безалкогольной продукции. К столовому винограду необходимо было выстраивать новую логистику, больше проблем было с хранением и с доставкой к потребителю, было больше отходов и соответственно финансовых потерь. При производстве алкогольной продукции со всем этим проблем было значительно меньше, в первую очередь с переработкой и доставкой. Поэтому со стороны государства требовались более продуманные взвешенные меры для перестройки, переориентации

**СУДЬБА ВИНОГРАДНИКОВ ВО ВРЕМЯ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ
1985–1988 ГГ. В СССР (НА ПРИМЕРАХ КРЫМА)**

производственных и сельскохозяйственных предприятий, связанных с производством и переработкой виноградной продукции.

Однако тем, кто переживает, что столовым сортам винограда был дан приоритет, не стоит забывать, что употребление вина, как и других алкогольных изделий является серьезным фактором риска для здоровья. Так, например, одно из последних зарубежных исследований, показало, что среди европейских стран, рак печени имеет наибольшее распространение во Франции и Италии, в которых, как известно, преобладает винное потребление [31].

Вместе с тем, правительство, несмотря на трудности, стремилось решать проблемы, об этом свидетельствует рост выпуска безалкогольной продукции: продажа фруктов выросла только в 1986 по отношению к 1985 г. на 117%, безалкогольных напитков на 126%, фруктовых и овощных соков на 143% [14, с. 125], Вопреки сложившемуся мнению о дискриминации отрасли со стороны государства закупочные цены (фактически сложившиеся) на тонну винограда стабильно росли с 1986 по 1990 годы: 1986 – 449, 1987 – 451, 1988 – 463, 1989 – 485, 1990 – 662 (во всех категориях хозяйств, рублей). Для сравнения цены на зерно составили 172, 173, 205, 220, 313 соответственно [14, с. 161].

Несмотря на определенное сокращение площадей виноградных насаждений, объемы валового сбора винограда если и сократились, то незначительно, в 1980 – 6650 тыс.тонн., в 1986 году в самый «разгар кампании» – 6489 тыс. тонн (табл. 6). Кроме того, вопреки логике скептиков валовый сбор винограда во многих республиках в 1986 году по отношению к 1985 г. значительно вырос: в РСФСР на 10,7%, в Украинской ССР – 41,7%, в Молдавской ССР – 46,4%, в ряде республик рост был еще выше: в Казахской ССР – 56,3%, Киргизской ССР – 57,1%, в целом по СССР – 11,3%. В свою очередь, обратная динамика в Грузинской ССР, Азербайджанской ССР и Армянской ССР (Закавказье) в предшествующий и последующий период свидетельствует, что решающую роль все-таки играла погода, а не политическая конъюнктура.

Таблица 6

Валовый сбор винограда по союзным республикам (во всех категориях хозяйств; тыс. тонн) [22, с. 202]

	В среднем за год			1980	1985	1986	1987
	1971-1975	1976-1980	1981-1985				
СССР	4369	5586	7077	6650	5751	6489	5964
РСФСР	631	714	847	927	696	780	772
Украинская ССР	1024	826	906	886	430	738	800
Узбекская ССР	325	441	611	497	635	695	652
Казахская ССР	107	145	152	172	69	158	141
Грузинская ССР	429	718	787	996	915	703	620

Азербайджанская ССР	466	1008	1829	1481	1790	1539	1448
Молдавская ССР	1014	1234	1367	1201	654	1222	1040
Киргизская ССР	41	66	61	80	27	63	36
Таджикская ССР	114	161	185	159	171	199	132
Армянская ССР	170	222	252	206	252	240	169
Туркменская ССР	48	51	80	45	112	152	154

Главные причины кризиса отрасли, связаны с социально-экономическими проблемами 1990-х годов, с резким снижением финансирования, разрывом хозяйственных связей, что стало причиной низкого уровня агротехники, упадка отраслевой науки и т.д. Именно с начала 1990-х годов начинается последовательное и стремительное сокращение виноградников. Так в Крыму по данным А. М. Авидзба: «К 2015 г. по сравнению с 1990 г. площади плодоносящих насаждений уменьшились с 53,7 до 20,7 тыс. га, (61,4%), валовой сбор винограда сократился с 315,7 до 65,0 тыс т. (79,4%). Доля молодых насаждений не превышает 10% (норматив – не менее 20%). Около трети виноградников заброшены. Агротехнические мероприятия проводятся не в полном объеме. Около 80% площадей не орошается» [1, с. 43].

В России падение было не менее значительным, если в 1990 г. – насчитывалось 147 тыс. га., [14, с. 483] то к 1913 году (до вхождения Республики Крым) по данным экспертно-аналитического центра агробизнеса - 64,4 тыс. га., [30] сократившись на 83 тыс. га., или 56,4%. Сокращение валового сбора винограда, с 1988 по 1990 гг. – 626 тыс. т., [14, с. 485] в сравнении с 2011 по 2013 гг. – 390,7 тыс. т., [30] составило – 236 тыс. т. или 37,6%.

Таким образом, проведенное исследование показало, что антиалкогольная кампания 1985–1988 гг. принципиально на виноградную отрасль в СССР не повлияла, тем более не ввергла ее в кризис, «в катастрофу», как это некоторые представляют. Да, общая площадь виноградников в стране несколько сократилась, однако большая часть была утрачена в результате неблагоприятных погодных условий 1985 года. Объемы валового сбора винограда в стране оставались стабильными, а в ряде республик как, например, в Украинской ССР демонстрировали уверенный рост. Особенно динамично расширялись столовые сорта винограда, рост которых составил с 1984 по 1988 гг. (36,05 %), увеличившись в общей площади с 11,2% до 21,1% соответственно. Направление верное, (сегодня один из мировых трендов) учитывая, что подавляющая часть винограда в предыдущий период перерабатывалась в алкоголь.

Вместе с тем, можно согласиться, что после динамичного развития виноградной отрасли в 60–70-е годы, тесно связанной с винодельческой промышленностью, в условиях антиалкогольной кампании наступила определенная пауза, связанная с переходным периодом, структурной перестройкой хозяйств в новых условиях. Об этом свидетельствует, в том числе, снижение потребления

винных изделий на душу населения. А также сокращение в закладке новых насаждений технических сортов винограда в сравнение с предшествующим периодом. Однако, структурная перестройка виноградной отрасли, связанная в первую очередь с интенсификацией производства, забуксовала в большой мере не по причине антиалкогольной кампании, а с социально-экономическим кризисом в стране, который наметился в конце перестройки, и показал свою разрушительную роль в полной мере в 1990-е годы.

Главная причина мифа о том что «вырубили виноградники» связана с тем, что в борьбе за власть политические цели стали доминировать, негативные моменты кампании были сильно преувеличены СМИ и запечатлены в общественном сознании, а положительные: снижение смертности, рост рождаемости, повышение экономических показателей – забыты.

Список использованных источников и литературы

1. Авидзба А. М. Научное обеспечение виноградарства и виноделия Республики Крым // Вестник российской сельскохозяйственной науки. – 2016. – № 1. – 42-46.
Avidzba A. M. Scientific support of viticulture and winemaking in the Republic of Crimea // Bulletin of the Russian Agricultural Science.– 2016.– №. 1.– 42-46.
2. Архив погоды по городам СНГ (19 и 20 века). Симферополь // URL: http://thermo.karelia.ru/weather/w_history.php?town=sim&month=2&year=1985 (дата обращения: 22.01.2023).
Weather archive for the cities of the CIS (19th and 20th centuries). Simferopol // URL: http://thermo.karelia.ru/weather/w_history.php?town=sim&month=2&year=1985 (date of access: 22.01.2023).
3. Ветер К. Мнение Севастопольских виноградарей: «Лоза погибла не от указаний Горбачева, ее сгубил мороз!» // Комсомольская Правда. Севастополь, 2020. – 16 мая. URL: <https://www.sevastopol.kp.ru/daily/27131.5/4218443/> (дата обращения: 26.01.2023).
Wind K. Opinion of Sevastopol winegrowers: «The vine did Not die from Gorbachev's instructions, it was killed by frost!» // TVNZ. Sevastopol, 2020.– May 16. URL: <https://www.sevastopol.kp.ru/daily/27131.5/4218443/> (date of access: 01/26/2023).
4. Всемирная организация здравоохранения, Европейское региональное бюро (2009) // Справочник практических мер по снижению вреда, связанного с алкоголем / Handbook for action to reduce alcohol-related harm, ISBN 978 92 890 4180 5, P. 1. URL: <http://www.euro.who.int/ru/publications/abstracts/handbook-for-action-to-reduce-alcohol-related-harm>. (дата обращения: 07.08.2019).
World Health Organization, Regional Office for Europe (2009) // Handbook for action to reduce alcohol-related harm, ISBN 978 92 890 4180 5, p. 1. URL: <http://www.euro.who.int/ru/publications/abstracts/handbook-for-action-to-reduce-alcohol-related-harm>. (date of access: 07.08.2019).
5. Глава Удмуртии выступил против запрета продажи алкоголя // Beers.su. 10.04.2020 <https://beers.su/news/glava-udmurtii-vystupil-protiv-zapreta-prodazhi-alkogolya?refurbo=true> (дата обращения: 07.08.2019).
The head of Udmurtia opposed the ban on the sale of alcohol // Beers.su. 04/10/2020 <https://beers.su/news/glava-udmurtii-vystupil-protiv-zapreta-prodazhi-alkogolya?refurbo=true> (date of access: 08/07/2019).
6. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-3287. Оп. 7. Д. 4282. Л. 81.
State Archive of the Republic of Crimea. F. R-3287. Op. 7. D. 4282. L. 81.
7. Долговых О. Г., Уваров С. Н., Фадеев С. В. Проблема освещения антиалкогольной кампании М. С. Горбачева в школьном курсе истории // Преподавание истории в школе. – 2015. – № 5. – С. 43–47
Dolgovykh O. G., Uvarov S.N., Fadeev S.V. The problem of covering the anti-alcohol campaign of M. S. Gorbachev in the school history course // Teaching history at school.– 2015.– №. 5. – P. 43–47

8. Кадиев Д. К. Виноградарство Дагестана на пути интеграции в мировую экономику // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки.– 2014.– № 1.– С. 46-52.
- Kadiev D. K. Viticulture of Dagestan on the way of integration into the world economy // Izvestiya vuzov. North Caucasian region. Social Sciences. 2014. №. 1.– P. 46–52.
9. Крым довоенного и послевоенного периода. Статистический сборник. Официальное издание // Управление федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат).– Симферополь, 2020.– 145 с.
- Crimea of the pre-war and post-war period. Statistical collection. Official publication // Office of the Federal State Statistics Service for the Republic of Crimea and the city of Sevastopol (Krymstat).– Simferopol, 2020.– 145 p.
10. Крымская правда. 1990. 31 янв.
Crimean truth. 1990. Jan 31
11. Левандовский А. А. История России XX – начало XXI века: учеб. для 11 кл. общеобразовательных учреждений / А. А. Левандовский, Ю. А.Щетинов, С. В. Мироненко. – М.: Просвещение, 2007. – 384 с.
- Levandovsky A. A. History of Russia, XX - beginning of the XXI century / A. A. Levandovsky, Yu. A. Shcheti Nev, S. V. Mironenko.– М.: Prosvescheniye, 2007.– 384 p.
12. Лигачев Е. К. Кто предал СССР? / Е. Лигачев. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2010.– 288 с.
- Ligachev E. K. Who betrayed the USSR? / Egor Ligachev. – М.: Eksmo: Algorithm, 2010.– 288 p.
13. Ляшенко Т. В. Механизм эффективного управления отрасли виноградарства Республики Крым // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018.– Т.– 7. № 2(23).– С. 211–214.
- Lyashenko T.V. The mechanism of effective management of the winegrowing industry of the Republic of Crimea // Azimut of scientific research: economics and management.– 2018.– V. 7.– №. 2(23).– S. 211–214.
14. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: статистический ежегодник / Госкомстат СССР.– М.: Финансы и статистика, 1991.– 752 с.
- National Economy of the USSR in 1990: Statistical Yearbook / Goskomstat of the USSR.– М.: Finance and Statistics, 1991.– 752 p.
15. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года.– Петрозаводск : Карелия, 1986.– 84 с.
- The main directions of the economic and social development of the USSR for 1986–1990 and for the period up to 2000.– Petrozavodsk: Karelia, 1986.– 84 p.
16. «О состоянии виноградарско-винодельческой и ликероводочной отраслей республики и неотложных мерах по их дальнейшему развитию». Постановление правительства Республики Дагестан от 27.06.2001 г. №135 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/473100987> (дата обращения: 20.01.2023).
- «On the state of the viticulture, wine-making and alcoholic beverage industries of the republic and urgent measures for their further development.» Decree of the Government of the Republic of Dagestan dated June 27, 2001 №. 135 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/473100987> (date of access: 01/20/2023).
17. Пихоя Р. Г. Москва, Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий 1985–2005. – М., 2007. 546 с.
- Pikhoya R.G. Moscow, Kremlin, Power. Two histories of one country. Russia at the Turn of the Millennium 1985–2005.– М., 2007. 546 p.
18. Рекомендации «круглого стола» Комитета Государственной Думы по охране здоровья на тему: «Алкогольный вклад в смертность населения трудоспособного возраста и демографическую ситуацию в России. Пути решения» Москва, Георгиевский пер, д.2, Зал 830, 13 февраля 2016 года. // URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/21322/623.pdf?sequence=1> (дата обращения: 30.01.2017).
- Recommendations of the «round table» of the State Duma Committee on Health Protection on the topic: «Alcoholic contribution to the mortality of the working-age population and the demographic situation in Russia. Ways of solution» Moscow, Georgievsky lane, 2, Hall 830, February 13, 2016. // URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/21322/623.pdf?sequence=1> (date of access: 01/30/2017).

19. Рейтинг стран мира по уровню потребления алкоголя. World Health Organization. Global Status Report on Alcohol and Health, 2018 // World Health Organization: Global Status Report on Alcohol and Health 2018 URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-alcohol-consumption> (дата обращения: 02.02.2023).
- Rating of countries in the world in terms of alcohol consumption. World Health Organization. Global Status Report on Alcohol and Health, 2018 // World Health Organization: Global Status Report on Alcohol and Health 2018. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-alcohol-consumption> (accessed 02.02.2023).
20. Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М. Ассоциация «Книга. Просвещение. Милосердие», 1995.–576 с.
- Ryzhkov N. I. Ten years of great upheavals. M.: Association «Book. Education. Mercy», 1995.– 576 p.
21. Скоробогатов М.В., Захарова А.Г. Особенности развития винодельческой отрасли России в современных условиях // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: «Экономика и экологический менеджмент» № 1, 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-vinodelcheskoy-otrasli-rossii-v-sovremennyh-usloviyah/viewer> (дата обращения 16.01.2023)
- Skorobogatov M. V., Zakharova A. G. Features of the development of the Russian wine industry in modern conditions // Scientific journal NRU ITMO. Series «Economics and Environmental Management» №. 1, 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-vinodelcheskoy-otrasli-rossii-v-sovremennyh-usloviyah/viewer> (Accessed 01/16/2023)
22. Сельское хозяйство СССР: статистический сб / Госкомстат СССР. М., 1988. 535 с.
- Agriculture of the USSR: Statistical collection. / Goskomstat of the USSR.– М., 1988.– 535 p.
23. Словарь по виноградарству и виноделию. URL: <https://vinograd.info/spravka/slovar/filloksera-vi-nogradnaya.html> (дата обращения: 09.01.2023).
- Dictionary of viticulture and winemaking. URL: <https://vinograd.info/spravka/slovar/filloksera-vi-nogradnaya.html> (date of access: 01/09/2023).
24. Смирнов К. В. Виноградарство: [Учеб. для вузов по спец. «Плодовощеводство и виноградарство»] / К. В. Смирнов, Т. И. Калмыкова, Г. С. Морозова; Под ред. К. В. Смирнова.– М.: Агропромиздат, 1987. – 365 с.
- Smirnov K. V. Viticulture: [Textbook. for universities, specialization «Horticulture and viticulture»] / K. V. Smirnov, T. I. Kalmykova, G. S. Morozova; Ed. K. V. Smirnova.– Moscow: Agropromizdat, 1987.– 365 p.
25. Степанченко А. П. Влияние «Антиалкогольной кампании 1985 г.» на виноградо-виноводческую отрасль Краснодарского края // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей / Ред. А. И. Шевельков. Коломна: Гос. социально-гуманитарный ун-т, 2018.– С. 284-287.
- Stepanchenko A. P. Impact of the 1985 Anti-alcohol campaign on the grape and wine-growing industry of the Krasnodar Territory // State power and the peasantry in the 19th - early 21st centuries: a collection of articles / Ed. A.I. Shevelkov. Kolomna: State Social and Humanitarian University, 2018.– P. 284–287.
26. Усенко Л. Н., Удалова З. В. Возрождение виноградарско-винодельческой отрасли как одно из перспективных направлений развития АПК России // журнал Учет и статистика 2017. С.74–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrozhdenie-vinogradarsko-vinodelcheskoy-otrasli-kak-odno-iz-perspektivnyh-napravleniy-razvitiya-apk-rossii> (дата обращения: 10.01.2023).
- Usenko L. N., Udalova Z. V. Revival of the viticulture and wine industry as one of the promising areas for the development of the agribusiness of Russia // Journal of Accounting and Statistics 2017. P. 74–82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrozhdenie-vinogradarsko-vinodelcheskoy-otrasli-kak-odno-iz-perspektivnyh-napravleniy-razvitiya-apk-rossii> (Date of access: 01/10/2023).
27. Фоминых С. С. Регулирование винодельческой промышленности Крыма в 1986-1990 гг. Антиалкогольная кампания. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 2. – С. 155–162.
- Fominykh S. S. Regulation of the Crimean wine industry in 1986–1990. Anti-alcohol campaign. // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky Legal Sciences.– 2015.– T. 1(67).– №. 2.– S. 155–162.
28. Фурса Д. И. Погода, орошение и продуктивность винограда. Ленинград: Гидрометеиздат, 1986. – 200 с.

Fursa D. I. Weather, irrigation and productivity of grapes. Leningrad: Gidrometeoizdat, 1986.– 200 p.

29. Статистические сведения о работе по преодолению пьянства и алкоголизма в РСФСР и УАССР за 1984-1989 гг. / Стат. Сборник М.1990. // Центральный государственный архив Удмуртской Республики. ф. Р-1659. Оп.1 ед.хр 128. Л. 7.

30. Экспертно-аналитический центр агробизнеса URL: https://ab-centre.ru/news/vi_nograd-ploschadi-vinogradnikov-i-obemy-sborov-vinograda-v-rossii-v-2001-2019-gg (дата обращения: 10.01.2023).

Statistical information about the work aimed at overcoming binge drinking and alcoholism in the RSFSR and UASSR for 1984-1989. / Stat. Collection M.1990. // Central State Archive of the Udmurt Republic. ф. R-1659. Op.1 item 128. L. 7.

30. Expert and Analytical Center for Agribusiness URL: https://ab-centre.ru/news/vi_nograd-ploschadi-vinogradnikov-i-obemy-sborov-vi_nograda-v-rossii-v-2001-2019-gg (accessed: 01/10/2023).

31. Cristina Bosetti, Fabio Levi, Paolo Boffetta, Franca Lucchini, Eva Negri, Carlo La Vecchia Trends in mortality from hepatocellular carcinoma in Europe, 1980-2004 // URL: <https://aasldpubs.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/hep.22312> (дата обращения: 04.02.2023).

Korolev S. V. The fate of vineyards during the 1985–1988 anti-alcohol campaign in the USSR (using the examples of Crimea)

The article provides factual data that anti-alcoholic campaign of 1985–1988 had no principal effect on the wine industry in the USSR, moreover, it did not plunge it into crisis, «into disaster», as it is commonly believed. The analysis of historiography, statistical and archival data, including those of the Republic of Crimea, indicates that the total area of vineyards slightly decreased, but the major part was lost as a result of unfavorable weather conditions in 1985, phylloxera damage, etc. The gross harvest of grapes remained stable, and in a number of republics, demonstrated steady growth. Production of table varieties of grapes expanded especially dynamically. Structural changes in the winegrowing industry stalled due to the socio-economic crisis, which emerged at the end of perestroika, and showed its destructive role in full in the 1990s. In the struggle for power, the negative aspects of the campaign through the media were greatly exaggerated, and the positive ones were known only to a narrow circle of specialists.

Keywords: anti-alcohol campaign of 1985–1988, Crimea, USSR, vineyards, statistics.

УДК 94/87

МОЛОДЫЕ ГОДЫ ХОСЕ АНТОНИО ПАЗСА И НАЧАЛО БОРЬБЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ВЕНЕСУЭЛЫ

Лосев К. В., Михайлов В. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: batukom@mail.ru*

Исследуются особенности освободительной борьбы народов Латинской Америки и роль на начальном этапе этой борьбы будущего первого президента независимой Венесуэлы Хосе Антонио Паэса. Противоречивая фигура Х. А. Паэса, негативно оценивавшаяся в советской исторической школе, тем не менее, играет значительную роль в процессе политического становления независимой Венесуэлы, и изучение того, как и почему именно Х. А. Паэс стал одним из военных вождей освободительного движения под руководством С. Боливара, а затем, порвав с С. Боливаром, оказался первым политическим лидером независимой Венесуэлы, является условием объективного взгляда на историю Венесуэлы, взгляда, свободного от идеологической критики советского периода, но также, свободного от апологетики, которая была присуща многим исследованиям, как на западе, так и в самой Венесуэле особенно до начала президентства У. Чавеса. В отечественной историографии специальных работ, посвященных биографии и анализу полководческой и политической деятельности Хосе Антонио Паэса до сих пор написано не было, многие ранние венесуэльские работы на эту тему имеют явно апологетический характер, поэтому изучение жизни Паэса представляют определенные трудности, при очевидной актуальности и важности такой работы.

Ключевые слова: история Венесуэлы, борьба за независимость Латинской Америки, Симон Боливар, Хосе Антонио Паэс, Франциско де Миранда, Хосе Томас Бовес.

С именем Хосе Антонио Паэса связано начало истории становления Венесуэлы как независимого государства. Противоречивость социальной реальности в ходе антииспанского движения и последующего развития Латинской Америки проявилась в биографии Паэса в полной мере. Выходец из беднейших слоев, он принял самое активное участие в борьбе за независимость Латинской Америки от испанской короны. Проявив военные таланты в условиях, сперва партизанской войны – герильи, затем – в республиканской армии Боливара, Паэс выдвинулся в ряду самых успешных генералов в армии Боливара. Он сумел сплотить отряды льянеро в боеспособные воинские формирования, он умело выдвигал на командные посты достойных солдат, невзирая на их происхождение и цвет кожи, он сумел завоевать любовь народа в условиях кровавых и разрушительных событий, поскольку, совершая необходимые для существования армии насильственные действия, редко проявлял жестокость, как лично, так и не давая насилию стать привычкой в войске.

Хосе Антонио Паэс родился 13 июня 1790 года родился в городке Акаригуа провинции Баринас. Его родители – Хуан Антонио Паэс, креол, мелкий чиновник на табачных плантациях, преобладающих в структуре хозяйства этой провинции, и

Мария Виктория Эррера, родом с Канарских островов, сумели определить своего сына в школу Грегории Диас в городе Гуама, где, по его воспоминаниям, он наизусть заучивал отрывки из катехизиса, так и не овладев грамотой. В возрасте 17 лет Хосе Антонио отправили к родственнику в Гуама. Доминго Паэс был адвокатом, и, кроме того, следил за кассой местного католического прихода, помогать охранять которую должен был молодой племянник, что и стало причиной резкой перемены в судьбе Паэса [15, р. 1–3].

Вскоре, имея при себе 200 песо, предназначенных для верующих в отдаленном поселении, а также вооруженный саблей и двумя бронзовыми пистолетами, он подвергся нападению четырех разбойников, одного из которых он застрелил, а трое других скрылись. После этого, испугавшись возможного наказания за убийство, а еще более – мести со стороны нападавших, Хосе Антонио решил укрыться в льяносах, где присоединился к отряду льянеро, живших за счет кражи скота и грабежа на службе у крупного скотовладельца Мануэля Пулидо [15, р. 3–6]. Хозяева, по сути, поощряли этот узаконенный бандитизм своих слуг-пеонов, известный в русской литературе по повести Пушкина «Дубровский». Среди такого рода работников у хозяев льяносов были негры-рабы, свободные «цветные» – пардо, а также белые бедняки и преступники, «бланкос де орилья, происхождение которых вызывало подозрение» [4, с. 205], как это было с Паэсом.

Опекать молодого новичка стал негр Мануэлете, любимец хозяина. Он и сделал из Паэса «настоящего льянеро», научил его «успокаивать диких коней, переплывать с табунами бурные реки, мастерски работать с лассо, клеймить скот. А после изнурительного рабочего дня Мануэлете еще заставлял своего ученика, которого называл катире (то есть «белобрысый»), мыть ему ноги» [3]. Сам Паэс писал в «Автобиографии»: «Представьте себе, читатель, насколько жестоким должно быть изучение такой жизни, которую может выдержать человек только крепкого телосложения или привычный к ней с детства.... Мое тело и сила ударов стали крепостью железа, а душа приобрела в эти начальные годы такую закалку, которую более мягкое образование никогда бы смогло дать». К 1809 году Паэс приобрел определенный вес среди льянеро и женился на Доменике Ортис, дочери одного из небогатых землевладельцев, взяв под охрану ее семью [15, р. 9–11].

В эти годы льянеро стали играть определенную роль в политической жизни Венесуэлы. С 1794 в стране зрело движение, привлекавшее мелких собственников, пардо и белых бедняков, лозунгами которого стали борьба за равенство и возможность участия в легальной экономике и политике страны. Лидером оппозиции стал венесуэльский интеллигент и путешественник Франциско де Миранда. Миранда служил в испанской армии в период войны с Марокко, участвовал в экспедиции в поддержку американской борьбы за независимость, встречался в 1780-х гг. с Д. Вашингтоном, Т. Пейном, другими лидерами североамериканских штатов. Затем он предпринял путешествие по всей Европе, включая посещение в 1786–1787 гг. России. По возвращении «он создает что-то вроде «диссидентского» клуба (Gran Reunion Americana), в которое войдут Бернардо О'Хиггинс – впоследствии ставший генералом в армии Сан Мартина и президентом

освобожденного от испанцев Чили, Антонио Нариньо, лидер Нового независимого движения Гранады, Франсиско Монтуфар, помощник генерала Сукрэ, Висенте Рокафуэрте - один из активных участников освобождения Мексики» [7].

Тем временем, в самой Латинской Америке начались стихийные восстания. В 1795 году Леонард Чирино и Хосе Каридад Гонсалес, свободные негры, подняли рабов и пардо в области города Коро, выпустив воззвание, в котором требовали «принять законы Франции, освободить рабов, отменить алькабалу и налоги» [14, р. 13]. Восставшие захватили ряд асьенд, вырезав в них как хозяев, так и слуг. Движение было подавлено с такой же жестокостью, большинство казней свершались без всякого суда. Тем не менее, в глухих областях, льяносах, стали возникать коммуны бедноты, независимые от власти белых испанцев и креолов, в которых требования воззвания Чирино и Гонсалеса, по сути, были исполнены.

В 1797 году Мануэль Гуаль и Хосе Мария Эспана возглавили движение креолов за политические права, которые виделись ими по примеру Североамериканских штатов. Их программа включала свободу торговли, отмену налогов и рабства, распределение земель не только среди белых, но и индейцев, «установление гармонии в отношениях белых, индейцев и цветных, братьев во Христе и равных перед Богом» [14, р. 13]. Однако крупные землевладельцы, совместно с колониальными властями, разбили восставших. После поражения Эспана был казнен, а Мануэль Гуаль, был вынужден бежать в льяносы, где вел с тех пор полулегальное положение скотовода, принимающего разный сброд и беглых рабов.

В феврале 1806 года Миранда во главе отряда в 500 человек вышел из Нью-Йорка на американских кораблях в направлении Гаити, и 1 августа высадился в венесуэльском порту Коро и поднял флаг свободной Венесуэлы. Он освободил из тюрьмы заключенных и издал прокламацию, в которой призвал население к борьбе с испанцами [8, р. 125–131]. Однако движение эмигрантов не было поддержано ни местными креолами-сахарными королями, ни крупными торговцами, ни низами. 20 августа Миранда был вынужден на тех же кораблях покинуть берег и вернуться в Англию. Испанские колониальные власти осудили его как заговорщика и бунтовщика, а католическая церковь Испании отлучила Миранду [1, с. 64–66].

Испуганные восстаниями бедноты и рабов, креолы сплотились вокруг администрации Испанской монархии, в которой видели защитника своих экономических и политических интересов, а свою безопасность они связывали с военной силой колониальной администрации. Креольская верхушка заключила с генералом-капитаном договор, по которому обязалась в случае восстания не только обеспечивать вооруженные силы администрации деньгами, продовольствием и лошадьми, но и ставить под ружье своих слуг. Кроме того, местные объединения землевладельцев и торговцев (хунты и консуладо) добились разрешения на формирование «14 кавалерийских и пехотных «торговых рот» для отлова беглых рабов и охраны плантаций» [5, с. 162].

В 1808 году Наполеон начал войну с Испанией, оккупировал Мадрид и посадил на трон своего брата Жозефа. В Севилье пришла к власти Хунта, выпустившая

декрет о том, что Америка перестает быть колонией испанской короны, и входит в империю как ее равноправная часть. Однако в Венесуэле, первой получившей известия из Европы, это событие вызвало состояние паники, поскольку крупные землевладельцы испугались нового подъема народных восстаний и очередных осложнений в торговых операциях. Кроме того, южноамериканские территории оказались в сложной политической ситуации.

В июле 1808 года в Каракас практически одновременно прибыли два судна. Первое – французская бригантина с представителями Наполеона потребовали от генерал-капитана Хуана де Касаса подчиниться императору. Второе – английский фрегат «Акаста», чей капитан Бивер объявил, что испанский народ поднялся на борьбу с французскими захватчиками, вступив в союз с Британией и потребовал того же от жителей колоний [14, р. 45]. Значительная часть венесуэльских креолов подписала петицию Касасу с требованием создать хунту по севильскому образцу и признать право на власть Фердинанда VII, в котором они видели гарант сохранения прежних порядков.

Европейские неурядицы вызвали в колониях и экономические проблемы, поскольку метрополия ужесточала налоговое бремя, а в период двоевластия колониальные торговцы были напуганы возможностью «двойного налогообложения», при том, что английская блокада Испании и без того сокращала их легальные доходы. Что касается контрабанды, значительно увеличившийся в этот период, то и она могла стать для них недоступной, поскольку была «в руках англичан или голландцев формой монополии» [4, с. 207]. Эти факторы стали одной из причин того, что всегда разрозненные и экономически самостоятельные лидеры креольской элиты стали объединяться с целью защиты своих интересов, придя к идее независимости не от чтения французских просветителей, но наблюдая распад власти метрополии, более не способной эти интересы защитить.

Однако движение креолов не было однородным, и его влиятельные лидеры по-разному видели будущее своей страны. В конце 1808 года первая попытка создать автономное креольское правительство Венесуэлы оказалась неудачной. Когда крупнейшие латифундисты маркиз дель Торо, маркиз де Михарес, Хосе Феликс Рибас, скотовладелец маркиз Касса де Леон и ряд других богатейших креолов не признали севильскую Хунту и образовали собственную, действующую от имени Фердинанда, колониальная администрация арестовала дель Торо, де Леона, Рибаса, братьев Товар и других активных членов движения, в том числе, ранее подписавших петицию Касасу. Впрочем, арест ограничился высылкой в свои латифундии, где заговорщики продолжили свою работу, в частности, мобилизуя отряды из своих слуг, а поскольку многие скотоводы уже имели вооруженные отряды охраны своих стад, революционные идеи вскоре стали известны и в льяносах [14, р. 46–47].

В декабре 1809 года очередная попытка сместить уже нового генерал-капитана Венесуэлы и губернатора Каракаса Висенте Эмпарана не удалась. Эмпаран, прибывший в Каракас в мае 1809 года был заражен идеями Просвещения, лично участвовал в партизанской войне с французами в Испании, знал маркиза дель Торо

и Боливар. Декабрьский переворот возглавили Мигель Хосе Санс и его пасынок Франциско Родригес, обвинив генерал-капитана в предательстве испанской монархии, в то время, как дель Торо, которому хунта прочила место правителя свободной Венесуэлы, встал на защиту Эмпарана и послал Симона Боливар арестовать Санса. Так, Боливар, ранее не признававший креольское движение, и желавший революции масштаба французской с полной реализацией ее народовластных лозунгов, все же вошел в число активных участников борьбы за независимость.

В феврале 1810 года территория Испании была окончательно завоевана французами, а севильская Хунта распустила себя, передав полномочия регентскому совету. В этих условиях лидеры хунты в Венесуэле, осознавшие, что декларируемые законы о равном представительстве во власти метрополии и колоний вряд ли будут реализованы, повели борьбу за самостоятельное политическое управление территории. 19 апреля дель Торо и его сторонники при полном бездействии Эмпарана объявили о создании Верховного совета Венесуэлы по охране прав Фердинанда, который открыл порты страны для свободной торговли и снизил пошлины. 20 апреля хунта «открыла тюрьмы и отправила на полевые работы... «множество полезных рабочих, которые... понапрасну содержались в застенках» [5, с. 186]. При этом, никакого политического освобождения низших слоев не последовало, а главному стороннику подобных идей Франциско де Миранде въезд в страну был запрещен [4, с. 208].

Сторонник дель Торо, маркиз де Михарес Солорсано-и-Понте, родственник Боливар по материнской линии, был послан в Баринас для организации вооруженных отрядов для поддержки новой власти в этой провинции [5, с. 184]. Так, в Баринасе появился вооруженный революционный отряд дон Мануэля Пулило, в который в конце 1810 года вступил и его слуга, молодой беглец Хосе Антонио Пазс [15, р. 45].

Новая власть стремилась обрести и международное признание. «Миссию в Вашингтон было поручено возглавить Хуану Висенте Боливару, а в Лондон – его брату Симону [13, р. 49]. Эти назначения были сделаны с учетом того, что оба брата уже бывали за границей, знали иностранные языки и согласились сами оплатить все расходы, связанные с поездкой и работой миссий» [3]. Симон Боливар не получил от британских властей политического признания, покинув Англию в сентябре 1810 года, однако привез из Лондона жившего здесь Франциско де Миранду, получившего разрешение британских властей спустя неделю после отплытия Боливар [2, с. 59]. Брат Боливар погиб при возвращении на родину из Вашингтона в результате кораблекрушения [14, р. 53–54].

Симон Боливар прибыл в Портсмут 10 июля 1810 г. С прибытием Миранды консервативная власть Верховного совета стала подвергаться все большим нападкам со стороны «патриотов», выступавших за провозглашение независимости колоний от Испании и проведение радикальных социальных реформ. Противник председателя Совета дель Торо, Мигель Хосе Санс, возглавил в хунте Общій секретариат государства, армии и флота [5, с. 185]. 2 марта 1811 года был создан

Национальный конгресс, который, после долгих споров, 5 июля провозгласил независимость Венесуэлы. 4 июля Боливар произнес решающую речь, после которой решение было принято: «Патриотическое общество уважает национальный конгресс, но конгресс, в свою очередь, должен прислушаться к голосу Патриотического общества, являющегося светочем прогресса и выразителем всех революционных чаяний нашего народа. Заложим же бесстрашно краеугольный камень южноамериканской свободы! Проявить нерешительность в этом вопросе равносильно поражению» [2, с. 63].

14 августа был издан декрет о запрете работоторговли [5, с. 191], но запретить рабство вообще даже либералы не посмели. Более того, 26 апреля 1811 года были созданы отряды национальной гвардии, основной целью которых официально объявлялись отлов и возвращение на плантации беглых рабов. Декрет вызвал явное разочарование в венесуэльских низах, в течение 1811–1812 гг. неоднократно вспыхивали восстания под лозунгами возвращения власти испанской монархии, «защитницы» бедных и обездоленных.

Еще более осложнил положение новых властей изданный в 1811 году «Ордонанс льяносов провинции Каракас» [13, р. 123–131]. Согласно закону, вводились основные принципы защиты частной собственности на всю землю и ее продукты, включая скот. Новая власть решила покончить с практикой «хищения скота слугами и пеонами», что и составляло главное занятие льянеро. Запрещалось «вторгаться в чужие имения», «клеимить чужой и бесхозный скот», «седлать чужого коня», за повторное нарушение наказание удваивалось. Кража пяти голов скота или 3 более мелких кражи подряд карались смертью. В целях должного исполнения законов торговцам было запрещено вести торговлю в льяносах, а передвижение в них не могло осуществляться без паспорта и специальной визы с указанием маршрута. Нарушитель объявлялся бродягой и отдавался в качестве пеона ближайшему крупному землевладельцу [5, с. 189–190].

В том же году был принят «Декрет о полиции», в которой полицейским на местах предписывалось вести отлов «бродяг» и вводился запрет на попрошайничество без особого разрешения полицейского судьи. Принятие Конституции с декларацией прав и свобод населения никак не повлияли на строгое исполнение «Ордонанса льяносов» и полицейских декретов. Ордонанс определил на долгий период двойственное отношение льянеро к центральной власти, кто бы ее ни представлял. Когда же военная сила льянеро оказалась по сути определяющей, именно их лидер Паэс стал в непримиримой оппозиции с Боливаром, представителем колониальной аристократии, зараженной чуждой и не вызывающей доверия идеологией европейских умов.

Жестокость законодательства креольской землевладельческой верхушки привели к созданию в льяносах отрядов сопротивления, продолжающих отлавливать «ничейный» скот, а комиссаров правительства, осмелившихся появиться в районе, захватывающих или убивающих. Часто главари отрядов использовали и политические лозунги: негры-рабы, уповающие на милость испанских владык-монархов, выступали за возвращение под управление Испанской

монархии, пеоны и «бланкос де орилья», часто поверхностно воспринимали революционную риторику и объявляли себя сторонниками независимости и социального равенства.

В одном из таких отрядов, лидер которого Мануэль Пулидо объявил себя патриотом, и начал свою военную карьеру доброволец Хосе Антонио Паэс [15, р. 31]. Следует заметить, что основным занятием отряда продолжала оставаться охрана стад своего хозяина, однако, если с отрядами «патриотов» можно было и договориться, то «роялисты» подвергались немедленной атаке. Благодаря выучке и отваге, Паэс быстро выдвинулся и вскоре уже был командиром отделения в звании старшего сержанта [15, р. 35]. Современники оставили яркий портрет молодого Паэса: «Человек геркулесовой силы, прекрасный наездник и неутомимый пловец, владевший с ловкостью фокусника копьем, саблей и кинжалом, недоверчивый и осторожный, властный и беспощадный, новый вождь льянеро наводил ужас на испанцев. Паэс страдал эпилепсией, часто в бою с ним случались припадки, и он падал с коня на землю. Болезнь Паэса вызывала у льянеро суеверный страх...» [3] Подполковник Хипписли, один из командиров британских волонтеров в армии Боливара, присутствовавший при таком припадке, описывал, с каким почтением люди Паэса не подпускали его к телу Паэса, рассказывая, как их лидер проткнул пикой тридцать девять испанцев, и оставил окровавленное оружие в сороковом [11, р. 419–420].

Однако ситуация в стране резко изменилась в 1812 году. 26 марта 1812 года в Венесуэле произошло сильнейшее землетрясение, приведшее к многим жертвам и разрушениям, столица Каракас оказалась наполовину разрушенной. На этом фоне обострилось недовольство действиями нового правительства, в массах начались брожения, революционеров объявили негодными Богу, а роялисты получили шанс восстановить власть. Лидеры республики оказались деморализованными, Конгресс передал власть атеисту де Миранде, однако это лишь ускорило крах первой республики. 25 июля 1812 года правительство патриотов капитулировало, власть перешла к роялистам, войсками которых командовал испанский капитан Доминго Монтеверде [4, с. 211]. Миранда переправил на английский корабль архив, 11 тыс. унций золота и 22 тыс. песо из государственной казны, а сам бежал из Каракаса в Ла-Гуайру, где был арестован своим учеником и бывшим другом Боливаром [2, с. 70].

Этот переворот сказался и на судьбе Паэса. Осенью 1813 года часть отряда Мануэля Пулидо потерпела поражение в одной из стычек с отрядом испанцев. Паэс был пленен и отправлен в тюрьму, где содержались многие из объявивших себя патриотами, как воевавшие, так и участвовавшие в работе новых органов власти [15, р. 41–43]. Однако новая власть тоже нуждалась в опытных и смелых воинах. Паэса вскоре выпустили из тюрьмы, где он успел завести несколько друзей в среде патриотов провинции Баринос, и призвали в ряды роялистской армии, где назначили капитаном кавалерии в армии генерала Эспаны Тискара [15, р. 46–47].

На решение испанцев в освободить льянеро Паэса повлияло, очевидно, то, что на стороне роялистов выступил предводитель нескольких крупных вооруженных

отрядов льянеро бывший испанский офицер Хосе Томас Бовес. Бовеса называли «Атилой льяносов», а его отряды – «Легион дьяволов». Как пишет современный российский историк Марчук, в советской историографии движение льянеро Бовеса «изображалось кровавой оргией многочисленных банд... полудиких пастухов-льянеро... обманутых демагогическими обещаниями роялистов и подстегиваемых классовой ненавистью, которые поголовно уничтожали не только военнопленных, но и гражданское население, не считаясь с полом и возрастом жертв» [6]. Схожий образ Бовеса и его сторонников рисует англичанин Д. Линч [4, с. 217].

Однако такой взгляд на восстание Бовеса не может объяснить то, что движение льянеро получило значительную поддержку населения, и, как пишет отечественный историк Н. Н. Марчук, «практически без помощи испанских подкреплений сокрушило креольскую освободительную революцию» [6]. Бовес, в противоположность революционному правительству, лишившему народ возможности пользоваться «плодами земли, ввел так называемые квитанции на собственность, которые означали наделение повстанцев домами и скотом» [4, с. 217]. Земля же оставалась, как и до введения «Ордонанса льяносов» в «ничейной» собственности. В движении Бовеса прослеживается желание масс сохранить статус кво, а революционные нововведения, прогрессивные они или нет, народ не поддерживал. Н. Н. Марчук делает вывод, что «таким образом, по всем критериям массовое и глубоко народное движение под руководством Х.Т. Бовеса оказывается отнюдь не оргией полудиких бандитов, а самым настоящим *революционно-демократическим движением*» [6]. Что же касается жертв, то большинство внутренних конфликтов в Латинской Америки были жестокими и чрезвычайно кровавыми. Кроме того, в роялистских войсках было удивительно двойственное отношение к рабству. В «армии» Бовеса рабы были свободны и получали должности и награды, но в войсках, рекрутируемых роялистами на своих плантациях, рабы воевали за хозяина, который требовал от короны денежной компенсации за их гибель, то есть, по сути, хозяин продавал их жизнь монарху. При этом и первые рабы, и вторые могли воевать на одном поле боя на одной стороне [9, р. 29].

Особенностью восстания льянеро было и то, что, хотя лидер повстанцев Бовес был испанцем и выступал за восстановление власти испанской короны в Венесуэле, отдельные отряды стали на сторону «патриотов». Так, Х. А. Паэс при первой же возможности дезертировал со своим подразделением и присоединился к отрядам патриотов Баринаса, предводителем которых был его знакомый дон Мануэль Пачеко, выпустивший революционный манифест, призывавший население к борьбе с испанцами за свою свободу [15, р. 30–32]. Как писал в «Автобиографии» Паэс, дон Мануэль продолжал более всего заботиться о своих стадах, а участие на стороне «патриотов» он считал лучшим способом сохранить вооруженные отряды под своим началом, в то время, как, встав на сторону испанцев, он, скорее всего, получил бы испанского офицера, которому должен был подчиняться [15, р. 39].

В Венесуэле начался длительный период освободительной борьбы, которую многие историки называют гражданской войной между роялистами и

«сепаратистами» [6]. Именно в ходе этой войны Паэс смог стать влиятельной фигурой в венесуэльской политике. Его соратники сохранили колоритный портрет предводителя льянеро: «Новый вожак «степных кентавров» передвигался, ориентируясь по звездам, ночью, с тем, чтобы тучи пыли не выдавали местонахождения его всадников. Он носил синюю блузу, кожаные краги, через плечо у него висело неизменное пончо, застегнутое серебряной пряжкой, на голове широкополая шляпа с венесуэльской кокардой, приколотой золотой шпилькой, сбоку толедская шпага и в руках копье, которое одновременно служило боевым знаменем. На копье черный флажок с эмблемой из черепа и костей и надписью: «Свобода или смерть!» [3]. Паэс умело использовал «партизанскую» тактику, нападая на отряды «роялистов», однако, в случае опасности, тут же скрываясь на «ничейной» земле, куда испанцы не рисковали углубляться. При этом, в первые годы Паэс был лишь одним из многих командиров немногочисленных и разрозненных патриотических отрядов, военная координация между которыми была очень сложной. Помимо Паэса, на роль военных лидеров только в провинции Баринос могли претендовать Флоренсио Паласиас, Франциско и Хуан Хосе Конде, Рафаэль Росалес и другие вожаки вооруженных отрядов патриотов [15, р. 53].

После падения Наполеона Фердинанд вернулся на испанский трон и направил в колонии карательную экспедицию, с помощью которой смог восстановить свою власть на большей территории страны, однако, Боливар, ушедший в Новую Гранаду, начал новый этап борьбы за освобождение [4, с. 220]. «Вернув Венесуэлу под свою власть, испанцы не смогли избежать крупной политической ошибки: они установили здесь самый жестокий террор... В результате часть местного, особенно метисного населения... поддержала Боливара, когда тот привел на родину небольшой отряд, сформированный в Новой Гранаде из венесуэльских эмигрантов и новогранадских добровольцев» [6]. Бежавшие в льяносы отряды также начали нападать на испанские коммуникации и гарнизоны. В этих стычках и стал все более выдвигаться на первый план дерзкий и умелый лидер Хосе Антонио Паэс.

Генерал Сантандер, сперва, соратник Боливара и Паэса, а в конце 1820-х самый непримиримый противник Боливара, писал об армии Паэса: «Льянеро имели в своем распоряжении лошадей, превосходно знали местность, где им приходилось действовать, под рукой у них находились большие стада скота, который использовался на провиант. У патриотов не было госпиталей, обозов с амуницией, что позволяло им быстро передвигаться в степи. Лошадей и скот брали там, где их находили, без какой-либо платы, ведь это делалось во имя интересов народа. Тот, у кого была одежда, считал себя счастливецом, другие же дожидались лишь первого боя, чтобы снять с убитого врага штаны или рубашку. Бойцы не боялись ни тропического зноя, ни зимних холодов. Никакие водные преграды не останавливали этих прирожденных пловцов, никакие опасности не задерживали их. При освобождении населенных пунктов все мужчины, способные носить оружие, подлежали призыву в армию. Таким образом, в отряды льянеро часто попадали адвокаты, священники и люди других профессий. Они вели такой же образ жизни,

как и льянеро. Солдаты и цивильные, мужчины и женщины, старики и дети – все ходили босиком и питались одной и той же пищей – мясом без соли» [3].

При этом, сохранялась и присущая льянеро жестокость по отношению не только к врагам, но и к мирному населению. В 1814 году, писатель Честертон, автор книги «Мир, война и приключения» писал, что «Паэс был жесток и склонен к некоторому самодурству», Он описывает, как в местечке Ачагуа, недалеко от Сан-Фернандо, «Паэс и его люди на празднике Святого Иоанна скакали в своих кожаных штанах по улице, играя на гитарах и призывая всех выходить наружи и танцевать. Тех, кто отказывался это делать, они вытаскивали из домов и бросали в грязь на улице...» [10, р. 155]. Сам Паэс вовсе не идеализировал себя и своих товарищей по оружию. Он писал во введении к своей «Автобиографии»: «В нижнем течении Апуре единственные, кого можно было встретить, – это отвратительные человеческие существа, которые сколачивали банды, чтобы заняться грабежом... Главарию льянеро приходилось умамливать своих солдат, чтобы они не уничтожали своими грабежами районы, через которые проходили» [15, р. 7]. В таких условиях борьба проходила довольно долго, и отряды патриотов вряд ли можно было назвать регулярной армией. Однако со временем методы и стиль ведения войны стали меняться. Вскоре Паэс, получивший от захваченного в ходе «патриотических» кампаний скота немалую долю, отделился от хозяина, и в январе 1814 года привел отряд под начало офицера-патриота Рамона Гарсиа де Сена, который назначил Паэса командиром своей конницы» [10, р. 74].

В 1814 году погиб один из плотов вооруженной силы венесуэльских роялистов – Хосе Томас Бовес. Неоднократно наносивший поражения отрядам патриотов, разбивший 15 июня 1814 года соединенные силы Боливара и Мариньо в битве под Ла-Пуэртой, и занявший 16 июля столицу Венесуэлы – Каракас, устроив в ней форменный погром, 5 декабря Бовес был убит в очередной стычке с патриотами, которую его отряд выиграл [4, р. 217]. Боливар отступил в Новую Гранаду, откуда отплыл на Ямайку, а затем направился на юг, в Гвиану.

В феврале 1815 года вернувшийся на испанский трон Фердинанд направил в Америку экспедицию из 10 тысяч солдат на 42 кораблях под началом генерала Пабло Морильо, которая к октябрю 1816 года вернула под скипетр не только всю территорию Венесуэлы, но и Новую Гранаду. Началось преследование креольских «патриотов». Имущество участников движения «секвестировалось» и распродалось, семья Боливара лишилась семи асьенд, также лишились земель 145 крупнейших собственников, среди них Торо, Товарес, Паласиос, Мачадо и другие, поддержавшие восстание [4, с. 220]. Однако остановить освободительное движение никакие репрессии уже не могли.

Таким образом, начало вооруженной фазы освободительной борьбы в Латинской Америке характеризуется противостоянием «патриотов» и «роялистов», в ходе которого начали возникать вооруженные отряды, в основном, организуемые крупными латифундистами на своих землях из числа своих слуг и покровительствуемых свободных крестьян и скотоводов, в том числе льянеро, ведущих полуразбойничий образ жизни за счет вольнопасущихся стад. Эти отряды

выступали как на стороне освободительного «патриотического» движения, так и на стороне колониальной администрации, «роялистов». В одном из таких отрядов, принявших сторону «патриотов» начал свою военную карьеру Хосе Антонио Паэс.

Выдвинувшись как умелый воин и военный лидер, Х. А. Паэс сумел организовать и возглавить собственный отряд, с помощью которого он получил контроль над значительной территорией «вольных льяносов». Вооруженная борьба со стороны Паэса приобрела вид «партизанских» действий, направленных на сохранение личной власти и неподконтрольности территории и населения колониальной администрации. Паэс осуществлял реквизиции скота и имущества «роялистов», распределяя их среди своих сторонников, а также успешно отбивая карательные экспедиции испанских войск. При этом, Паэс не допускал на контролируемые им территории и других лидеров антиколониального движения, претендующих на монополию власти.

Список использованных источников и литературы

1. Альперович М. С., Слезкин Л. Ю. Образование независимых государств в Латинской Америке (1804–1903). М.: Просвещение, 1966. 243 с.
Al'perovich M. S., Slezkin L. Yu. Obrazovanie nezavisimykh gosudarstv v Latinskoj Amerike (1804–1903). M.: Prosveshchenie, 1966. 243 s.
2. Глинкин А. Н. Дипломатия Симона Боливар. М.: Международные отношения, 1991. 349 с.
Glinkin A. N. Diplomatiia Simona Bolivara. M.: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1991. 349 s.
3. Лаврецкий И. Боливар. М.: Молодая гвардия, 1981. 221 с. [Электронный источник]: URL: http://royallib.ru/book/lavretskiy_iosif/bolivar.html. Дата обращения 15.01.2022.
Lavretskii I. Bolivar. M.: Molodaia gvardiia, 1981. 221 s. Access: URL: http://royallib.ru/book/lavretskiy_iosif/bolivar.html. accessed:15.01.2022.
4. Линч Д. Революции в Испанской Америке, 1808–1826. М.: Прогресс, 1979. 404 с.
Linch D. Revoliutsii v Ispanskoj Amerike, 1808–1826. M.: Progress, 1979. 404 s.
5. Марчук Н. Н., Ларин Е. А., Мамонтов С. П. История и культура Латинской Америки (от доколумбовых цивилизаций до 1918 года). М. Высшая школа, 2005. 494 с.
Marchuk N. N., Larin E. A., Mamontov S. P. Istoriia i kul'tura Latinskoj Ameriki (ot dokolumbovykh tsivilizatsii do 1918 goda). M. Vysshaia shkola, 2005. 494 s.
6. Marchuk N. N. Istoriia Latinskoj Ameriki... [Elektronnyi istochnik]: URL: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/tj/index.php?id=1230&p=34178>. Data obrashcheniia 15.01.2023.
7. Marchuk N. N. Istoriia Latinskoj Ameriki. Access: URL: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/tj/index.php?id=1230&p=34178>. accessed:15.01.2023.
8. Себастьян Франсиско де Миранда и Родригес. [Электронный источник]: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/latinamer1/mirandabio.htm>. Дата обращения 15.01.2022.
Sebast'ian Fransisko de Miranda i Rodrigues. Access: <http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/latinamer1/mirandabio.htm>. accessed:15.01.2022.
9. [Bigges J.] History of Don Francisco de Miranda attempt to effect a Revolution in South America in series of Letters. Boston: Edward Oliver, 1811.312 p.
10. Blanchard P. Under the flags of freedom: slave soldiers and the war of Independence. Pittsburg: University of Pittsburg Press, 2008. 242 p.
11. Cunninghame Graham R. B. José Antonio Páez. London: William Heinemann. 1929. 328 p.
12. Hippiisley G. Narrative of the Expedition to the rivers Orinoco and Apure in South America. London: John Murray, 1819. 653 p.
13. Humboldt von A. Viaje a las regiones equinociales del Nuovo Continento. T. 3. Paris: Rosa, 1826. 368 p. Access: <http://babel.banrepcultural.org/digital/collection/p17054coll10/id/2508> Accessed: 15.01.2022.

14. Libro de actas del Supremo de Venezuela, 1811–1812. Caracas: Academia Nacional de la Historia,, 1959. 389 p.

15. Lynch J. Simon Bolivar. A Life. New Haven-London: Yale University Press, 2007. 349 p.

16. Paez J.A. Autobiografia del General Jose Antonio Paez. Vol. 1. Nueva York: Hallet and Green, 1867. 578 p.

Losev K. V., Mikhailov V. V. The young years of Jose Antonio Paez and the beginning of the struggle for the Independence of Venezuela

The article examines the peculiarities of the liberation struggle of the peoples of Latin America and the role of the future first President of independent Venezuela, Jose Antonio Paez, at the initial stage of this struggle. The controversial figure of H. A. Paez, who was negatively evaluated in the Soviet historical school, nevertheless plays a significant role in the process of political formation of independent Venezuela, and the study of how and why it was H. A. Paez who became one of the military leaders of the liberation movement under the leadership of S. Bolivar, and then, breaking with S. Bolivar, who turned out to be the first political leader of independent Venezuela, is a condition for an objective view of the history of Venezuela, a view free from ideological criticism of the Soviet period, but also free from apologetics, which was inherent in many studies, both in the West and in Venezuela itself, especially before the beginning of the presidency of Hugo Chavez. In Russian historiography, no special works devoted to the biography and analysis of the military and political activities of Jose Antonio Paez have been written so far, many early Venezuelan works on this topic are clearly apologetic in nature, therefore, the study of the life of Paez presents certain difficulties, with the obvious relevance and importance of such work.

Keywords: the history of Venezuela, the struggle for the independence of Latin America, Simon Bolivar, Jose Antonio Pae, Francisco de Miranda, Jose Thomas Boves. The article focuses on the contradictions in the British regarding the continuation of military operations against the.

УДК 908:311.313(091)

ЗЕМСКИЕ СТАТИСТИКИ КОНСТАНТИН И ИППОЛИТ ВЕРНЕРЫ: ОДНА СУДЬБА НА ДВОИХ

Лугачева А. Л.

*Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация,
E-mail: an.lugacheva1979@yandex.ru*

Рассмотрены малоизученные в отечественной историографии сюжеты о судьбах и профессиональной карьере известнейших в 1880-е гг. земских статистиков – родных братьев Константина и Ипполита Вернеров. Установлено, что хоть земские управы и были открыты с 1 января 1865 г., но статистические бюро в них стали учреждаться только к 1880-м гг. Практически все земства в европейских губерниях Российской империи столкнулись с проблемой острой нехватки сведений о собственных регионах: населении, промыслах, сельском хозяйстве, состоянии здравоохранения и образования, производимых товарах и пр., которые отсутствовали и у правительственной статистики. Эти обстоятельства вынуждали земства проводить собственные исследования, которые и сейчас считаются уникальным явлением в отечественной статистике. Отмечено, что властные структуры, несмотря на собранный богатейший материал «для местных нужд», с известной долей скептицизма относились к земским инициативам из-за опасения распространения народнических идей. В результате многие собранные и изданные статистические материалы остались невостребованными. Сделан вывод о значительном вкладе Константина и Ипполита Вернеров в развитие земской статистики.

Ключевые слова: Российская империя, Курская губерния, Таврическая губерния, земская статистика.

Земская статистика своим возникновением обязана появлению органов самоуправления, которые были введены земской реформой 1864 г. Эта реформа была составной частью Великих реформ, осуществленных в 60–70-е гг. XIX века. Земские учреждения или земства – всеобщие, выборные органы местного самоуправления, ведавшие лишь вопросами местного хозяйства. «Главными видами земских дел» признавались: дела о земских повинностях, дела по народному продовольствию, по общественному призрению, по взаимному обязательному страхованию сельских строений, меры к развитию местной торговли и промыслов, раскладка общих податных сборов между уездами и внутри их, выборы членов земских учреждений и назначение сумм для их содержания, управление земскими имуществами и капиталами, раскладка и расходование местных денежных сборов на удовлетворение местных потребностей губернии или уезда, попечение о тюрьмах, открытие и работа ярмарок, заботы о «народном образовании и здравии» [4].

Органами земств были губернские и уездные собрания, которые созывались один раз в год. Непосредственно делами земств ведали губернские и уездные земские управы, избиравшиеся на трехлетний срок. С 1871 г. отдельные земства открывают при управах специализированные статистические подразделения: вначале скромные «столы», позднее преобразованные в укрупненные «отделения»

(в 1875 г. созданы Московским и Черниговским земствами), вскоре превратившиеся в статистические «бюро». К середине 1880-х гг. статистические органы действовали в большинстве европейских губерний Российской империи. Начало статистических работ всего чаще обуславливалось двумя практическими потребностями земского хозяйства: необходимостью иметь материалы для правильной раскладки земских повинностей и необходимостью иметь сведения о самых неотложных нуждах населения: обеспечение продовольствием, медицинским обслуживанием, наличием образовательных учреждений и т.д. Так возникла земская статистика как важнейшая составляющая отечественной статистической науки и практической деятельности [13].

Отечественные исследователи достаточно подробно изучили становление и развитие земской статистики в отдельных регионах [2]. В крымской региональной историографии есть несколько специальных работ, посвященных земству Таврической губернии [14], в том числе на украинском языке [1]. Тем не менее, земские статистики, их биографии и вклад в развитие статистических исследований, равно как и темы конфликтов в земствах, взаимоотношения земцев с властными структурами достаточно редко становятся предметом для самостоятельных исследований. В настоящей статье рассмотрен жизненный путь двух родных братьев – Константина и Ипполита Вернеров, прославившихся на ниве земской статистики, чьи судьбы удивительным образом оказались достаточно похожими. На наш взгляд, это возможно, так как во всех регионах Российской империи, где были организованы земства, проведение статистических исследований шло по схожему сценарию [7].

Годы	Характеристика периода
1870–1880	Влияние народнических идей, господствовавших в 80-х годах XIX века; распространенность мнения о разорении крестьянских хозяйств. Особое внимание уделяется упадочным хозяйствам разных категорий: отсутствующим, безнадельным, безпосевным, сдающим надельную землю в аренду, безлошадным, без крупного рогатого скота, без всякого скота, без инвентаря, бездомным и т. п.
1880–1890	Рост влияния марксизма. Выделение дворов с торгово-промышленными заведениями, увеличение дробных группировок крестьянских хозяйств по зажиточности; внимание к изучению промысловой деятельности.
1905–1914	Влияние новых течений в аграрно-экономической мысли, – так называемого организационно-производственного направления. Внимание к изучению крестьянской семьи и признаков, характеризующих состояние крестьянского земледелия, крестьянского инвентаря и распределения крестьянских посевов по культурам.

Константин (1850–1902) и Ипполит (1852–1927) Вернеры родились в достаточно демократичной семье. Их отец, Антон Вернер, уроженец местечка Немиров Подольской губернии, был преподавателем французского языка. Братья были старшими в семье, кроме них в семье подрастали еще сыновья Евгений, Михаил, Алексей и дочь София. Константин и Ипполит Вернеры получили высшее образование. Константин закончил Николаевское инженерное училище, поступил в Высшую инженерную академию. Но успешно начатая военная карьера его не прельщала, он вышел в отставку в чине поручика и поступил в Петровскую земледельческую и лесную академию, «Петровку», как называли ее современники. Известный русский и советский экономист А.В. Чаянов писал: «"Петровка" 70-х годов – это целая эпоха в истории русской интеллигенции. Водоворот политических страстей и увлечений, окончившийся, как известно, нечаевским делом» [24, с. 4]. Совершенно неудивительно, что в 1876 г. К. А. Вернер вместе с В. Н. Григорьевым стали одними из инициаторов студенческого протеста. Они были исключены из академии, арестованы и отправлены в ссылку: К. А. Вернер в Вятскую губернию, В. Н. Григорьев – в Олонецкую. Молодые люди подружились, переписывались всю жизнь и позже породнились: В. Н. Григорьев стал мужем Софии Антоновны Вернер [20]. Начавшаяся русско-турецкая война 1877–1878 г. дала возможность К. Вернеру покинуть место ссылки и отправиться на Кавказ, где он принимал участие в боевых действиях. Несмотря на исключение из академии, в 1879 г. Константин Вернер успешно сдал экзамен на звание кандидата сельского хозяйства [8].

Об Ипполите Вернере известно гораздо меньше. Есть сведения, что он «имел университетское образование» и свое обучение закончил в к. 1870-х гг., практически одновременно со старшим братом Константином [19]. В 1880 г. они оба пришли работать в статистическое отделение Московского губернского земства.

Необходимо отметить, что к началу 1880-х гг. практически во всех земствах осознали необходимость проведения собственных обследований: их практическая деятельность опиралась на показатели уровня жизни населения, состояния здравоохранения, просвещения, доходности крестьянских хозяйств и т.д. В это же время почти все земства пришли к так называемому «сплошному методу исследования»; многие из них с него и начали. Первые земства, признавшие необходимость сплошного исследования, были в Московской и Черниговской губерниях; статистики этих двух земств создали два основных типа статистических работ. В отечественной научной литературе черниговская земская статистика иногда характеризуется как земледельческая, а московская – как промысловая. Статистические исследования этих двух направлений вызвали широкую дискуссию и оказали значительное влияние на земскую статистику других губерний в отношении программы наблюдения, способов собирания сведений и методов их сводки [6].

В Московском земстве первоочередное внимание уделялось выяснению общего экономического состояния крестьянства, изучению каждого крестьянского хозяйства, общих условий крестьянского быта. Этим задачам соответствовала основная форма статистического исследования – подворная перепись. В

черниговской земской статистике главным объектом исследования были земля, виды почв, средняя урожайность и т.п., а основной тип статистических работ, соответствующий этим задачам, – поселенческое обследование. С научной точки зрения, как считал один из признанных деятелей земской статистики А. Ф. Фортунатов, «никакого различия между московской и черниговской статистикой не замечается» [23, с. 114].

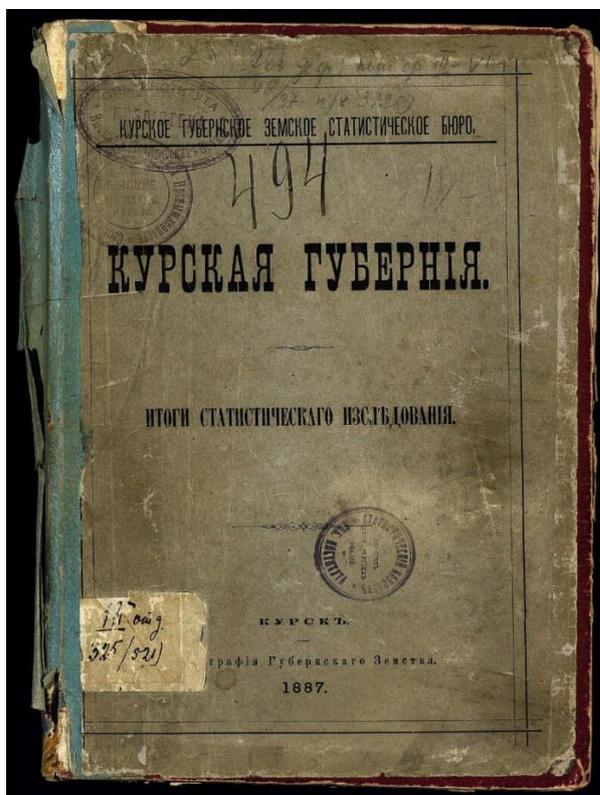
Первым заведующим статистического бюро Московского земства стал В. И. Орлов, один из основателей земской статистики. В. И. Орлова считали родоначальником так называемого экспедиционного метода опроса, а работа по описанию крестьянских хозяйств, проведенная им в Московской губернии, получила широкое признание и считалась образцовой [16]. Земские подворные переписи были произведены в 311 уездах Европейской России. В 60-ти из них они проводились 2 раза, а в 17-ти – 3 раза. Первая земская подворная перепись, охватившая целый уезд, была произведена В. И. Орловым в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии в 1880 г., последние проводились в 1914 г. и были прекращены в связи с началом войны [7].

Статистические исследования В. И. Орлова стали примером для ряда губерний Европейской России. Многие земства присылали Орлову свои труды для просмотра и с просьбой издать их в Москве под его наблюдением. Мысли о необходимости провести подобное статистическое исследование Курской губернии возникли еще в начале 1880-х гг., когда было учреждено губернское земское статистическое бюро. Первым его заведующим стал гласный от Львовского уезда помещик А. И. Рошток, впоследствии считавший себя «отцом курской статистики» [3]. Земство Курской губернии, как и повсеместно в России, постоянно сталкивалось с проблемой точности и полноты статистических сведений по «предметам земского ведения»: «это в особенности обнаружилось в области обложения земским сбором, где потребовалось произвести количественный учет предметов обложения, исследовать качественную их способность к последнему и добиться документальности в делопроизводстве» [9].

Естественно, статистические сведения в губернии собирались, обрабатывались и издавались Курским губернским статистическим комитетом и помещались в приложениях к «Всеподданнейшим отчетам» губернатора в виде «Обзоров Курской губернии». Но курские земцы не испытывали никакого доверия к этим данным: «Как ни почтенны или внешненаучны статистические труды нашего Центрального статистического комитета, существующего при Министерстве внутренних дел, тем не менее, материал, в них сгруппированный и обработанный, заподозревается в своей достоверности, так как он получался не из совсем благонадежных источников (волостных правлений), или через посредства третьих лиц, умышленно скрывавших по личным соображениям истину» [19]. Очень быстро сотрудники Курского статистического бюро убедились, что проводить исследования собственными силами сложно, необходимы консультации специалистов по организации «статистического дела». В своем выступлении на одном из собраний Курской губернской земской управы А. И. Рошток выказал идею привлечь в Курск

**ЗЕМСКИЕ СТАТИСТИКИ КОНСТАНТИН И ИППОЛИТ ВЕРНЕРЫ:
ОДНА СУДЬБА НА ДВОИХ**

авторитетных земских статистиков из других губерний. Свой выбор остановили на В.И. Орлове, потому что «в Московской губернии земская статистика пользуется сочувствием и поддержкой всех столпов московского аристократизма» [19, с. 140].

*Рис 1. Титульный лист итогового описания Курской губернии 1887 г.
под руководством И. А. Вернера*

В. И. Орлов по приглашению Курской земской управы приехал в Курскую губернию, помог составить программу подворной переписи помещичьих и крестьянских хозяйств, сам принял участие в обследовании Курского уезда в сентябре-октябре 1882 г. В дальнейшем В. И. Орлов в связи с ухудшением самочувствия в Курск больше не приезжал, доверив все дела молодому талантливому статистику Ипполиту Вернеру, которого привез с собой в Курск и с большим уважением о нем отзывался. В. И. Орлов перед смертью (умер в 1885 г.) рекомендовал И. А. Вернера в качестве руководителя не только переписными работами, но и учрежденным губернским земским статистическим бюро. Так И. А. Вернер стал заведующим статистическим бюро при Курской земской управе на период 1883–1887 г. [2, с. 115]

Константин Вернер трудился в статистическом бюро Московской губернской земской управы до 1884 г., когда по рекомендации В. И. Орлова уехал в Таврическую губернию для организации там статистических работ при губернской земской управе. В Таврической губернии, как и в других регионах Российской империи, также проводились самостоятельные учетные операции – подворные и поземельные описания отдельных уездов, кустарных промыслов и ремесел, всех видов животных и сельскохозяйственных культур, городского хозяйства и жителей, школьные переписи и пр. Первоначально сбор сведений для ознакомления с «земским хозяйством» было решено проводить собственными силами, изучая, в том числе, и специальную литературу, посвященную Крыму и «материковым» уездам губернии. Бесперспективность подобного подхода быстро стала очевидной, поэтому в 1884 г. было открыто Таврическое земское статистическое бюро, которое возглавил Константин Вернер [12].

Ипполит и Константин Вернеры, ставшие практически одновременно заведующими статистическим бюро в Курске и Симферополе соответственно, с энтузиазмом взялись за дело.

В 1881–1887 гг. земскими статистиками под руководством И. А. Вернера было проведено обследование методом подворных переписей всех 15 уездов Курской губернии, результаты обследования были обработаны и напечатаны отдельными выпусками. В результате удалось собрать и систематизировать колоссальный по объему и разнообразию материал. Данные поездных исследований были опубликованы в период с 1883 по 1885 гг.; отдельными выпусками были изданы сборники, посвященные промыслам и грамотности в Курской губернии. Итоговый труд, включающий статистические итоги подворных описаний крестьянских хозяйств, вышел в 1887 г. [10].

Статистическому бюро под руководством К. А. Вернера при земской управе Таврической губернии в середине 1880-х также удалось провести подворную перепись всех 8 уездов губернии. Итоговые материалы стали основой 8-томной печатной серии «Сборника статистических сведений по Таврической губернии» с поездными результатами обследования. В дальнейшем сотрудники статистического бюро предприняли попытку издать «Памятную книжку Таврической губернии» за 1889 г. с обобщающими выводами по подворной переписи 1884–1887 г. Это был первый и единственный опыт издания «Памятной книжки Таврической губернии» губернским земством [17].

Казалось бы, был проделан колоссальный труд – проведены всеобщие переписи в двух регионах Российской империи; собраны, обработаны и изданы их итоги. Огромное подспорье в планировании целей и задач органов местного самоуправления, которые получили свод достаточно надежных сведений о «состоянии земского хозяйства». Оба брата-статистика отстаивали свою точку зрения о достоверности полученных результатов. Например, И. А. Вернер категорически отрицал всякого рода «неточности» или «ошибочность» результатов, о чем неоднократно заявлял на заседаниях Курской губернской земской управы. Он соглашался только с критическими замечаниями в адрес неполноты данных по

некоторым уездам, так как переписной бланк постоянно усовершенствовался и дополнялся вопросами [22, с. 546]. Такого же мнения придерживался и Константин Вернер, который считал, что «глубокое знание основ народной жизни» и «богатый статистический опыт», приобретенный в Московской земской управе под руководством В. И. Орлова, «принесут свои блестящие плоды в Тавриде» [8].

В состав сборника итоговых материалов по Курской губернии были включены следующие разделы: «Почва и климат», «Население», «Землевладение», «Земледелие и скотоводство», «Крестьянская аренда земель», «Крестьянские платежи», «Арендные и продажные цены земли» и т.п. Все разделы были написаны в текстовой форме, статистические таблицы поездных итогов подворных описаний даны в «Приложениях». Здесь же были помещены и «Список заводов, обладающих акцизным сбором», «Общая сводная ведомость по губернии», «Поразрядная ведомость по губернии». Этот труд представляет собою первую сводную работу земских статистических данных по целой губернии [10].

В Предисловии к «Памятной книжке Таврической губернии» за 1887 год сообщалось: «Предлагаемым IX томом Сборника статистических сведений заканчивается разработка и публикация данных, добытых в 1884–87 годах путем подворной переписи. В этом же томе сгруппированы и более или менее подробно разработаны материалы, извлеченные из официальных статистических изданий и некоторых сочинений, малодоступных для публики. Сюда вошли данные из Летописи Главной физической лаборатории, изданий Центрального статистического комитета, Департамента земледелия и сельской промышленности, обзоров внешней торговли, Статистического сборника путей сообщения, Приложений к Всеподданнейшим отчетов гг. Губернатора и Градоначальников, отчетов г. Директора народных училищ и т.д. Это обширный материал позволил нам затронуть и разработать такие вопросы, которых земское исследование совершенно не касалось, но которые необходимы для более полного изображения картины производительных сил губернии и деятельности ее населения. Мы назвали поэтому нашу работу не Итогом статистических исследований, а "Памятной книжкой" Таврической губернии» [17, с. 6].

В этом сочинении представлены семь разделов: 1. Статистика территории; 2. Статистика населения; 3. Статистика землевладения и землепользования; 4. Статистика сельского хозяйства; 5. Специальные культуры; 6. Промышленность и торговля; 7. Общественное хозяйство.

В первых пяти разделах данные приведены в обработанном виде, в последних двух – в основном материалы из статистических изданий. Необходимо отметить, что в составлении этого издания приняли участие не только земские статистики, но и «сторонние лица, специально знакомые с тем или иным вопросом». Например, В. А. Иванов написал раздел о климате, А. И. Павлинов – о виноградарстве и виноделии и пр. В приложениях помещены статистические таблицы и алфавитный список селений Таврической губернии.

И. А. Вернер за издание погубернских итогов подворной переписи Курской губернии по решению Совета Московского университета был удостоен премии им.

Ю. Ф. Самарина за «образцовый труд по статистике, первый и пока единственный» [21]. Но в губернии труд И. Вернера не только не оценили, но и признали «вредным» и «опасным». А. И. Рошток назвал труд И. А. Вернера «пасквилем», а автора «молодцом», стремящимся «превратить земскую статистику в статистический промысел» [18]. Издание было решено изъять из обращения, а деньги, потраченные на издание сборников (около 50000 руб.), считать «бесплодно израсходованными». Таким образом, ситуация была беспрецедентная: итоги статистического исследования Курской губернии, получившие высокую оценку столичных специалистов, в Курском земстве были признаны «не имеющими никакой практической значимости». Об этом «статистическом скандале» писали многие центральные издания, смысл многих публикаций сводился к следующему – книга И. А. Вернера заслуживает внимания хотя бы потому, что «удостоена Самаринской премии, а местным земством признана никуда не годной» [2, с. 150]. Эта ситуация в Курской губернии вызвала озабоченность центральных властей, в результате чего статистическое бюро в 1887 г. было закрыто.

Рис 2. Титульный лист итогового описания Таврической губернии 1887 г. под руководством К. А. Вернера

И в Таврической губернии ситуация развивалась по аналогичному сценарию. Местные власти, изучив «Памятную книжку Таврической губернии» с результатами подворной переписи, не оценили по достоинству труд земских статистиков. В многочисленных рецензиях отмечалось, что этот сборник не был похож на подобные традиционные справочные издания, не содержал уже привычного адрес-календаря, официального и литературного разделов, а состоял из таблиц и пространных к ним комментариев. Вернера критиковали и за то, что он неверно понимал суть земской статистики; благодаря его деятельности «задача земских статистиков была не в изучении жизни населения как она есть, а в наполнении цифрами граф, заранее составленных в Москве». По мнению критиков, «все выводы, основанные на таких вычислениях, не заслуживают никакого внимания» [13, с. 124]. В итоге земское статистическое бюро Таврической губернии также было распущено.

Подобные «статистические скандалы» были нередки и в других земствах [11]. Например, В. Н. Григорьев, друг Константина Вернера и муж его сестры Софии Вернер, возглавил земско-статистическое отделение при земской управе в Рязанской губернии. В 1881–1882 г. под его руководством была осуществлена подворная перепись нескольких уездов с публикацией итогов. Этот труд вызвал бурю возмущения среди консервативно настроенных рязанских земцев. Они находили, что «Сборник» «составлен ложно, факты в нем будто бы извращены и все направление сборника ведется к тому, чтобы взволновать крестьянские умы» [20, с. 67].

В результате повторяющихся недоразумений в земских статистических органах, статистические исследования, проводимые силами земских статистиков, центральные власти пытались если не запретить, то хотя бы упорядочить. В декабре 1887 г. вышел циркуляр Министра внутренних дел Д. А. Толстого, где, в частности, говорилось: «ввиду бывших в некоторых губерниях возбужденных недоразумений в части населения по поводу исполнения программ статистических обследований без надлежащей осторожности и знания дела, а подчас не вызванных необходимостью, статистические исследования, которые требуют опроса жителей всей местности должны быть признаваемы как переписи и требуют безусловного утверждения МВД» [12]. Другими словами, для проведения исследований требовалось разрешение главы региона и одобрение министра внутренних дел.

После закрытия земских статистических бюро в Симферополе и Курске Константин и Ипполит Вернеры к середине 1890-х гг. переехали жить в Москву. К. Вернер вернулся в науку, публиковал свои статьи по сельскохозяйственной экономии и сельскохозяйственной статистике в ряде периодических изданий. Он стал профессором в Московском сельскохозяйственном институте, преобразованном из Петровской академии, где работал до самой своей смерти в 1902 г. [8].

И. Вернер также занимался литературной деятельностью [5], сотрудничал с журналами «Русская Мысль» и «Северный Вестник», долгое время редактировал «Известия городской думы» в Москве. Работал вместе с братьями Михаилом и

Евгением над журналом «Вокруг света» в их собственной типографии на Арбате [18]. После революции остался в России, служил статистиком в финансово-экономическом совете при Комитете государственных сооружений. В 1919 г. был обвинен в связях с представителями бывшей партии кадетов, арестован на своей квартире и заключен в Бутырскую тюрьму. Умер в 1927 г.

Таким образом, жизнь и судьба братьев Константина и Ипполита Вернеров – яркий пример профессионализма и верного служения своему долгу. Благодаря их энтузиазму, компетентности, организаторским способностям, свободному владению статистическими теорией и практикой были исследованы по новейшим в то время технологиям отдельные регионы Российской империи. Их труды на долгие годы стали образцом земских исследований, хоть и встретили неприятие у местных властей. Собранные ими уникальные по разнообразию материалы [15] (и при отсутствии аналогичных данных официальной статистики) для отечественной науки стали комплексом достаточно надежных сведений о социально-экономическом развитии страны в 1880-х гг.

Список использованных источников и литературы

1. Бобков В. В. Розвиток статистичних досліджень в Таврійській губернії в XIX – на початку XX століття: Автореф. дис. ... канд. істор. наук. Дніпропетровськ, 2004. 20 с.
Bobkov V. V. Rozvitok statistichnikh doslidzhen` v Tavri`js`ki`j guberni`yi v XIX – na pochatku XX stolit`tya: Avtoref. dis. ... kand. i`stor. nauk. Dni`propetrovs`k, 2004. 20 s.
2. Бондарева Г. А. Становление статистики в российской провинции: середина XIX столетия – 1917 г.: на примере Курской губернии: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012. 185 с.
Bondareva G. A. Stanovlenie statistiki v rossijskoj provincii: seredina XIX stoletiya – 1917 g.: na primere Kurskoj gubernii: Dis. ... kand. ist. nauk. Kursk, 2012. 185 s.
3. Борщик Н. Д. Эволюция государственной системы учета населения России в XVII – XIX столетиях (на материалах Курского края): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 445 с.
Borshchik N. D. Evolyuciya gosudarstvennoj sistemy ucheta naseleniya Rossii v XVII – XIX stoletiyah (na materialah Kurskogo kraja): Dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2010. 445 s.
4. Борщик Н.Д. Население Курской губернии по материалам всероссийской переписи 1897 г. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5 (60). С. 35–37.
Borshchik N. D. Naselenie Kurskoj gubernii po materialam vserossijskoj perepisi 1897 g. // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 4–5 (60). S. 35–37.
5. Вернер И.А. Настроения: Очерки и рассказы / Ипп. Антонович [псевд.]. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1902. 251 с.
Verner I. A. Nastroeniya: Ocherki i rasskazy / Ipp. Antonovich [psevд.]. M.: T-vo skoropech. A. A. Levenson, 1902. 251 s.
6. Елисеева И.И., Дмитриев А.Л. Очерки по истории государственной статистики России. СПб.: Росток, 2016. 287 с.
Eliseeva I. I., Dmitriev A. L. Ocherki po istorii gosudarstvennoj statistiki Rossii. SPb.: Rostok, 2016. 287 s.
7. Земские подворные переписи 1880–1913 гг. Поуездные итоги. Сост. Свамицкие З. М. и Н. А. М.: ЦСУ СССР, 1926. 328 с.
Zemskie podvornye perepisi 1880–1913 gg. Pouezdnye itogi. Sost. Svavickie Z.M. i N.A. M.: CSU SSSR, 1926. 328 s.
8. Константин Антонович Вернер: к 170-летию со дня рождения, 1850–1902: материалы к биобиблиографии / Сост. Н. В. Кузнецова; ЦНБ им. Н. И. Железнова. М., 2019. 16 с.
Konstantin Antonovich Verner. K 170-letiyu so dnya rozhdeniya. 1850–1902: materialy k biobibliografii. Sost. N. V. Kuznecova; CNB im. N.I. ZHeleznova. M. 2019. 16 s.

**ЗЕМСКИЕ СТАТИСТИКИ КОНСТАНТИН И ИППОЛИТ ВЕРНЕРЫ:
ОДНА СУДЬБА НА ДВОИХ**

9. Краткий исторический очерк деятельности земства Курской губернии за 35-летний период (1866–1901). Курск: Земская тип., 1902. 140 с.
Kratkij istoricheskij ocherk deyatelnosti zemstva Kurskoj gubernii za 35-letnij period (1866–1901). Kursk: Zemskaya tip., 1902. 140 s.
10. Курская губерния. Итоги статистического исследования. Курск, 1887. 402 с.
Kurskaja guberniya. Itogi statisticheskogo issledovaniya. Kursk, 1887. 402 s.
11. Лёвин С. В. Земские статистики – «третий элемент» земства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 115–120.
Lyovin S. V. Zemskie statistiki – «tretij element» zemstva // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2011. № 7 (13): v 3-h ch. Ch. III. S. 115–120.
12. Лугачева А. Л. «Статистический кризис» Таврического губернского земства в 1899–1901 гг. // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 1. С. 95–103.
Lugacheva A. L. «Statisticheskij krizis» Tavricheskogo gubernskogo zemstva v 1899–1901 gg. // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. 2019. T. 46. № 1. S. 95–103.
13. Лугачева А. Л. Организация и развитие статистического дела в Крыму (1784–1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2020. 185 с.
Lugacheva A. L. Organizaciya i razvitie statisticheskogo dela v Krymu (1784–1920 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk. Kursk, 2020. 185 s.
14. Маскина А. С. Таврическое земство в 1866–1890 гг.: (Социальный состав, бюджет и практическая деятельность): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 16 с.
Maskina A.S. Tavricheskoe zemstvo v 1866–1890 gg.: (Social'nyj sostav, byudzhet i prakticheskaya deyatelnost'): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1982. 16 s.
15. Непомнящий А. А. Источники для восстановления историко-этнографического корпуса довоенного крымоведения // Крымское историческое обозрение. Казань; Бахчисарай. 2015. № 1. С. 30–57.
Nepomnyashchij A. A. Istochniki dlya vosstanovleniya istoriko-etnograficheskogo korpusa dovoennogo krymovedeniya // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. Kazan'; Bahchisaraj. 2015. № 1. S. 30–57.
16. Орлов В. И. Об организации земских статистических работ в Московской губернии. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1881. 21 с.
Orlov V.I. Ob organizacii zemskih statisticheskikh rabot v Moskovskoj gubernii. M.: Pечатnya S. P. Yakovleva, 1881. 21 s.
17. Памятная книга Таврической губернии, составленная Статистическим бюро Таврического губернского земства / Под ред. К. А. Вернера. Симферополь: Тип. газеты «Крым», 1889. 695 с.
Pamyatnaya kniga Tavricheskoy gubernii, sostavlennaya Statisticheskim byuro Tavricheskogo gubernskogo zemstva / Pod red. K.A. Vernera. Simferopol': Tip. gazety «Krym», 1889. 695 s.
18. Российские ученые и инженеры в эмиграции. Ответственный редактор В.П. Борисов. М., 1993. С. 147–158.
Rossijskie uchenye i inzhenery v emigracii. Otvetstvennyj redaktor V. P. Borisov. M., 1993. S. 147–158.
19. Рошток А. И. Земство и статистика // Русский вестник. Т. 196. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1888. С. 137–176.
Roshtok A. I. Zemstvo i statistika // Russkij vestnik. T. 196. SPb.: Tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1888. S. 137–176.
20. Савинова Т. А. Последний «семидесятник»: к биографии Василия Николаевича Григорьева (1852–1927) // Крестьяноведение. 2019. Т. 4. № 2. С. 61–76.
Savinova T.A. Poslednij «semidesyatnik»: k biografii Vasiliya Nikolaevicha Grigor'eva (1852–1927) // Krest'yanovedenie. 2019. T. 4. № 2. S. 61–76.
21. Сахаров М. А. «Статистический скандал» в Курском земстве // Вопросы истории. 1984. № 3. С. 182–186.
Saharov M. A. «Statisticheskij skandal» v Kurskom zemstve // Voprosy istorii. 1984. № 3. S. 182–186.

22. Сборник постановлений Курского губернского земского собрания с 1865 по 1891 гг. Курск: Изд. Курск. губ. земства, 1893. 1480 с.

Sbornik postanovlenij Kurskogo gubernskogo zemskogo sobraniya s 1865 po 1891 gg. Kursk: Izd. Kursk. gub. zemstva, 1893. 1480 s.

23. Фортунатов А. Ф. Общий обзор земской статистики крестьянского хозяйства. В кн.: Итоги экономического. исследования России по данным земской статистики. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1892. 600 с.

Fortunatov A. F. Obshchij obzor zemskoj statistiki krest'yanskogo hozyajstva. V kn.: Itogi ekonomicheskogo. issledovaniya Rossii po dannym zemskoj statistiki. M.: Tip. A.I. Mamontova i K°, 1892. 600 s.

24. Чайнов А. В. Предисловие Института сельскохозяйственной экономики // Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г. Вып. 2. М.: ЦСУ, 1926. 380 с.

Chayanov A. V. Predislovie Instituta sel'skohozyajstvennoj ekonomii // Predmetnyj ukazatel' materialov v zemsko-statisticheskikh trudah s 1860-h godov po 1917 g. Вып. 2. М.: CSU, 1926. 380 s.

Lugacheva A. L. Zemstvo statisticians Konstantin and Hippolyte Werner: one fate for two

The article examines the little-studied stories in Russian historiography about the fate and professional career of the most famous zemstvo statisticians in the 1880s – the brothers Konstantin and Ippolit Verner. It is established that although the zemstvo councils were opened on January 1, 1865, but statistical bureaus in them began to be established only by the 1880s. Almost all zemstvos in the European provinces of the Russian Empire faced the problem of an acute shortage of information about their own regions: population, crafts, agriculture, health and education, manufactured goods, etc., which were also absent from government statistics. These circumstances forced the zemstvos to conduct their own research, which is still considered a unique phenomenon in domestic statistics. It is noted that the power structures, despite the rich material collected «for local needs», treated the zemstvo initiatives with a certain degree of skepticism because of the fear of the spread of populist ideas. As a result, many collected and published statistical materials remained unclaimed. The conclusion is made about the significant contribution of Konstantin and Ippolit Vernerov to the development of zemstvo statistics.

Keywords: Russian Empire, Kursk province, Taurida province, zemstvo statistics.

УДК 929.733

РЕАКЦИЯ ВЛАСТЕЙ НА ПОМЕЩИЧЬЕ НАСИЛИЕ В 1840-Е ГОДЫ НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА ПОДПОРУЧИКА А. Ф. МИШАГИНА

Маньков С. А.

*Государственный музей-заповедник «Царское Село»,
г. Пушкин, Российская Федерация
E-mail: mankov21@mail.ru*

Михайлов В. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: batukom@mail.ru*

Широкие властные полномочия, которыми обладали помещики в период крепостного права, нередко приводили к злоупотреблениям и актам взаимного насилия в дворянско-крестьянских взаимоотношениях. Период правления Николая I характеризуется попытками личного вмешательства императора в социальное положение крестьянство и усилением строгостей к помещикам, применявших жестокости при управлении своими имениями. В статье на примере дела подпоручика Алексея Федоровича Мишагина (1817–1862) рассматривается реакция властей Санкт-Петербургской губернии на изуверство в отношении крепостных. В 1840-е гг. печальные факты издевательств и жестокостей к зависимому населению в большинстве случаев не игнорировались, а влекли правовую оценку со стороны губернских властей. Отдельно разбираются факты из биографии представителей рода Мишагиных и опровергаются некоторые мифы, распространенные русским эмигрантом и мемуаристом А.Н. Мишагиным-Скрыдловым.

Ключевые слова: крепостное право, дворянство, крестьянство, самоубийство, насилие, Лужский уезд, Санкт-Петербургская губерния, Тула, Россия в XIX веке.

Помещичье насилие по отношению к зависимым крестьянам и дворовым людям, электоральные конфликты и осуждение крепостничества в прогрессивных слоях российского общества в XVIII–XIX вв. комплексно изучались и анализировались многими поколениями отечественных историков. В тоже время нельзя не признать правоту современных исследователей крепостного права в России, что проблема реакции властей Российской Империи на жалобы владельческих крестьян на своих хозяев остается малоизученной [1, с. 95–96].

Указанная реакция существенно отличалась в различные периоды существования института крепостного права, на тех или иных территориях и в конкретном практическом выражении. Правоприменительная судебная и административная практика имела вариативность тех мер, которые выносились в отношении помещиков, злоупотреблявших господской властью. Это могли быть разъяснительные беседы помещика с предводителем губернского или уездного

дворянства (полицейским чиновником); взятие обязательств использования труда вольнонаемных слуг вместо притесняемых дворовых; отправка помещика на покаяние в монастырь; устранение владельца от управления своим имениями и назначение над ними опеки; в некоторых исключительных случаях – уголовное осуждение и лишение дворянина прав сословного состояния.

Игнорирование народного недовольства несло за собой большую опасность, с одной стороны поощряло помещичий произвол вплоть до крайних форм изуверства, с другой – приводило к крестьянским волнениям, порче и поджогам барского имущества, внесудебным расправам с землевладельцами, управляющими, приказчиками, старостами и т.д. К сожалению, в настоящее время мы не обладаем всеобъемлющей статистикой по помещикам, подвергшимся именно уголовному преследованию за жестокое обращение с крестьянами. Вот почему важно выявлять и анализировать конкретные факты реакции уездных, губернских и общероссийских властей на случаи девиаций в помещичье-крестьянских взаимоотношениях.

Важно отметить, что в период царствования императора Николая I данные инциденты отнюдь не игнорировались, а в случае огласки пристально рассматривались, особенно в столичных губерниях. Этому положению способствовало издание ряда нормативно-правовых актов. Высочайшие рескрипты от 19 июня и 6 сентября 1826 г. были посвящены отвращению от злоупотребления помещичьей властью. Дополнительно 6 июня 1845 г. вышел циркуляр Санкт-Петербургского гражданского губернатора со ссылкой на циркуляр министра внутренних дел, действительного тайного советника Л. А. Перовского об удержании в повиновении крепостных людей путем употребления «домашних средств исправления по своему усмотрению, но без увечья» [2, л. 11], а 12 сентября 1846 г. последовал циркуляр Министерства внутренних дел о том, что при расследовании злоупотреблений помещичьей властью следует обращать преимущественное внимание на то, были ли они известны уездным предводителям дворянства и какие с их стороны были приняты меры. Дополнительно высочайшим повелением предупреждались об ответственности губернских и уездных предводители дворянства с возможностью занесения выговоров в формулярных список и отдачи под суд уездного предводителя дворянства [2, л. 13–14]. Еще одним циркуляром Санкт-Петербургского гражданского губернатора, тайного советника Н. В. Жуковского от 30 марта 1848 г. губернские и уездные предводители дворянства обязывались вести наблюдение за отношениями крестьян и помещиков и при малейшем нарушении установленного порядка обращать на это внимание и принимать меры во избежание крестьянских волнений [3, л. 2–2 об.].

Характерным примером неформальной реакции властей на помещичьи злоупотребления является дело помещика Лужского уезда Антона Мишагина.

Род Мишагиных относился к «новонаначальному» дворянству, т.е. выслужившему свой статус. Его основателем стал Федор Иович Мишагин (? – 23.12.1823), происходивший из солдатских детей. Он вступил в службу в 1779 г. во флот кают-юнгой. В 1780 г. произведен в унтер-баталеры. В 1782 г. переведен писцом в Адмиралтейств-коллегию. В 1780–1782 гг. был в походах по

Средиземному морю. С 1784 г. копиист. С 1785 г. магазин-вахтер при магазинах. С 22 декабря 1793 г. комиссар прапорщичьего ранга при госпиталях. Со 2 февраля 1795 г. комиссар поручичьего ранга. С 1796 по 1798 г. находился при госпиталях Лейб-гвардии Преображенского полка. С 12 января 1799 г. комиссар 12-го класса в ластовом комплекте. С 11 декабря 1801 г. отставлен от службы по болезни комиссаром 9-го класса. 10 декабря 1806 г. избран сотенным милиции от дворянства Софийского уезда. 26 мая 1807 г. поступил из полной милиции в служащую и подтвержден пятидесятилетним за казначея и квартирмейстера 1-го батальона подвижной милиции. 8 апреля 1808 г. произведен в коллежские ассессоры. 30 июня 1808 г. определен к подписи ассигнаций в помощь кассирам Государственного ассигнационного банка. 7 августа 1808 г. уволен от банковской службы по прошению [4, л. 4–4 об.]. 18 октября 1797 г. в Преображенском соборе в Санкт-Петербурге комиссар полкового госпиталя Федор Мишагин обвенчался с дочерью надворного советника Аграфеной Васильевной Ельчиной (?–14.07.1854) [5, л. 92 об.]. В браке родилось несколько детей, но до взрослого возраста дожили трое: Ирина, Анна и Антон.

Ирина Федоровна Мишагина первым браком была замужем за штабс-капитаном Лейб-гвардии Московского полка Петром Семеновичем Полуграбленовым (Полуграблиным) [6, с. 14–15], а вторым за помещиком Лужского уезда, чиновником 10-го класса Еремеевым (? – до 1876) [7, л. 62; 8, л. 24].

Анна Федоровна Мишагина (1813 – 28.11.1891) вышла замуж за дворянина Бельского уезда Смоленской губернии Илариона Николаевича Скрыдлова (1797/8 – 21.07.1853). Капитан 2-го ранга И.Н. Скрыдлов был весьма героическим морским офицером, удостоенным ордена Св. Владимира 4-й ст. «за спасение до 100 человек в Кронштадте во время наводнения и бури, бывших 7 ноября 1824 г.» и золотой сабли с надписью «За храбрость» за сожжение в 1829 г. турецкого военного корабля у крепости Пендераклии», под командованием капитана 1-го ранга И.С. Скаловского во время Русско-турецкой войны [9, л. 622]. Выйдя в отставку, был директором училищ Архангельской губернии (1834–1838) и директором училищ Псковской губернии (1838–1853). Умер от холеры в чине статского советника [10, л. 1–6]. В семье Скрыдловых родилось несколько детей, включая будущего члена Адмиралтейств-совета, адмирала Николая Илларионовича Скрыдлова (01.04.1844–14.10.1918) [11, с. 215–216].

Единственный сын Антон Федорович Мишагин родился 23 июня 1817 г., а через три дня был крещен в церкви Спаса Нерукотворного образа Господня, что в Лужском уезде в упраздненном Сяберском монастыре. Восприемниками выступали сын помещика усадьбы Пажино, коллежского ассессора Дмитрий Иванович Мормылев и жена помещика Наталья Ипполитовна Мормылева [4, л. 5–5 об.].

Рано лишившись отца, А. Ф. Мишагин по прошению матери был определен в Морской кадетский корпус [12], а затем в Горный кадетский корпус [13], но из-за проблем со здоровьем быстро оттуда выбыл.

Окончив школу гвардейских прапорщиков, А.Ф. Мишагин в службу вступил 16 ноября 1836 г. унтер-офицером Лейб-гвардии Павловский полк. 23 ноября 1836 г. переименован подпрапорщиком. 28 января 1839 г. по экзамену произведен в прапорщиком Тобольского пехотного полка (со старшинством с 1 октября 1838 г.). 6 апреля 1840 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам подпоручиком [4, л. 4–4 об.].

Определениями Санкт-Петербургского дворянского депутатского собрания от 13 мая 1844 г., 9 июня 1845 г. и 9 февраля 1846 г. был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги, что было утверждено указом Герольдии от 23 октября 1844 г. № 20787 [14, л. 471–473].

Благодаря капиталу, скопленному отцом, А. Ф. Мишагин совместно с матерью и сестрами владел землей с 300 крестьянами в Пошехонском уезде Ярославской губернии и Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии, деревянным домом по 15-й линии 4-го квартала Васильевской части Санкт-Петербурга и другой недвижимостью [6, с. 14–15]. Несложно предположить, что ранее завершение военной карьеры было связано с буйным характером молодого офицера, что подтверждают дальнейшие события.

Впервые молодой помещик привлек внимание властей в 1845 г., когда представил в Лужский земский суд своего крепостного человека Леонтия Васильева, до того находившегося в бегах и выглядевшего как нищий, и, по словам помещика, на вопрос о своем виде «с дерзостью отвечал, что одежду обязаны давать господа, за что он был им ударен в щеку, но Васильев, схватив со стола нож, замахнулся на него» [15, л. 1–1 об.]. Помещик также сообщал, что крепостной покушался и на жизнь прежней помещицы Екатерины Агапитовой. Однако проведенное следствие показало, что 70-летний Васильев был безжалостно избит своим господином, а обвинение в покушении на жизнь барина ложно. Тем не менее, по недостатку времени служения Лужского уездного предводителя дворянства на своем посту, тот не смог представить в уездный суд каких-либо суждений о помещике Мишагине и его управлении крестьянами [15, л. 2].

Другой эпизод был куда более резонансным и уездные власти не смогли от него отмахнуться. 23 марта 1846 г. Лужский земский суд донес Санкт-Петербургскому гражданскому губернатору о удавившемся дворовом человеке помещика подпоручика Антона Мишагина Тарасе Яковлеве:

«...означенный Тарас Яковлев, состоявший при господском дворе в деревне Стаи, излечившись от болезни, в которой он находился, спустя дня три или четыре, пришел в избу к дворовой женщине Агафье Федоровой и сказал: «Ну, Агафья, теперь, слава Богу, здоров – просил у барина, хлеба, но он не дал, а побил, и обещал ещё бить, – делать нечего, надо поднять на себя руки», а 9 числа марта утром усмотрен на доме Федоровой, высотой от земли 2 ½ саж., повесившимся, по средством веревки, привязанной к потолку дома ...» [4, л. 1–2].

По распоряжению начальства дело расследовалось членом Петербургского губернского правления, надворным советником Карамышевым вместе с подполковником Корпуса жандармов Назимовым. Прибыв на место происшествия,

в присутствии временного отделения Лужского земского суда следователи предполагали допросить 27 человек, из которых, по одобрению помещика, было выбрано 12 свидетелей и по желанию помещика добавлены еще десять. При эксгумации тела погибшего и освидетельствовании трупа врачом лужской городской больницы Лангом в присутствии лужского уездного врача Сухоцкого и самого помещика, выяснилось, что следов избиения на теле не было, а при вскрытии тела было определено, что сам Тарас Яковлев никакими болезнями не страдал и причиной смерти являлось «самовольное повешение».

Свидетели из числа крестьян показали, что умерший неоднократно был строго наказан помещиком, нередко по несколько раз в день и выслушивал «много оскорбительных и неприличных выражений». Крестьяне жаловались на жестокое обращение помещика, постоянных наказаниях палками, розгами и плетью, более других страдали крестьяне: деревни Бередникова Иван Михайлов, «по задним частям тела» которого для усиления наказания был посыпан солью, потом лежал на дороге без чувств и приходил в себя в течение 8 недель, деревни Усадища Семен Иванов и деревни Горненска Акинф Панкратьев, после жестокого наказания розгами первый из них «голыми коленями был поставлен на столб высотой от земли в 2 аршинах со связанными руками и привязанным к изгороди, ибо столб был врыт в землю около самой изгороди, второй же голыми коленями и с связанными назад руками поставлен был на мелкие камни, но по слабости держаться никак не мог, а стоял на земле, каковое наказание продолжалось более двух часов», деревни Горненска Терентий Васильев, Андреян Яковлев, Федор Сергеев, Никита Акинфиев, сверх жестокого наказания розгами были отправлены из деревни Стай на веревке под присмотром старухи через другие деревни на расстояние 14 верст в свою деревню, «где со снятыми портами водили их по деревне при собрании всех поголовно жителей оной», деревни Усадища Савелий Петров был наказан розгами так, что был не в силах добраться домой и был взят женой на телеге, заболел и умер в течение двух недель. Также крестьяне сообщали о жестоких побоях, нанесенных дворовому Леонтию Васильеву. Жаловались на непосильную работу по урокам и жестокие наказания в случае неповиновения, принуждение к работе в ночное время, даже в воскресные и праздничные, взимание оброка в размере 105 руб. в год с тягла, использование их труда при корчевании леса с нормой до четверти десятины с уборкой пней и кореньев, четверти десятины леса, выкапывании 50 сажень канав и требования господина являться на работу в любое время [16, л. 3–6 об.].

Лужский уездный предводитель дворянства Санкт-Петербургскому гражданскому губернатору 31 марта 1846 г., ранее за помещиком подобного обращения с крепостными не водилось, а 21 апреля 1846 г. помещик дал подписку в надлежащем обращении с крестьянами [16, л. 9–9 об., 11]. При этом отставной подпоручик просил 3 мая 1846 г. покровительства со стороны Лужского предводителя дворянства для оказания помощи своей 80-летней матери, оказавшейся после описания имения без средств существования и разрешения ей выезда в Санкт-Петербург. Дополнительно помещик сообщал, что все постройки в имении производились на ее деньги, он получил от матери займы в 1842 г. 21000

руб., которые были вложены в имение и фактически оказались конфискованными [16, л. 17–18]. Сама помещица просила назначить ее опекуной над имением [16, л. 19–20], однако эта просьба была отклонена 11 сентября 1846 г. петербургским гражданским губернатором по ее преклонным годам [16, л. 22] и назначенное 11 мая 1846 г. внешнее опекуное управление осталось в силе [17, л. 1].

Все обвинения в изуверствах были отрицаемы помещиком, который, впрочем, указал на некоторые случаи наказания и на отсутствие на него жалоб от крестьян и дворовых. В свою очередь, мать А. Ф. Мишагина, вдова коллежского асессора Аграфена Васильевна Мишагина обратилась 16 сентября 1846 г. на высочайшее имя о неправомерном назначении опекуного управления на имение, а также неправомерной реквизиции движимого имущества и господского рогатого скота в деревни Стаи [18, л. 1–3 об.]. Поскольку губернские и уездные власти находились под пристальным надзором со стороны императора, из вскрывшегося дела подпоручика А. Ф. Мишагина сделали весьма показательный процесс. Предложением Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора, генерал-адъютанта и генерал-лейтенанта Матвея Евграфовича Храповицкого помещик Мишагин должен был предстать перед уголовным судом, на что в 1846 г. последовало высочайшее соизволение, о чем было доведено до сведения всех уездных предводителей дворянства [17, л. 34; 19, л. 1–1 об.; 20, л. 1–1 об.].

Прошение помещика Мишагина от 21 мая 1846 г. в Санкт-Петербургское дворянское депутатское собрание, в котором он сообщал, что владел имением отца в деревнях Горничной и Бередникове и купил в 1842 г. соседнюю деревню Стаи у помещика Щукина, крестьян которой он обеспечил землей и отрезал земли от своих пустошей, но перевел их с оброка на барщину, было проигнорировано. Не были приняты во внимание обычные формулировки об ослушниках, порицателях, как среди крестьян, так и среди соседних помещиков, а также факты желания крестьян выйти на свободу по примеру наложение опеки на соседнее имение полковника Весселя за жестокое его обращение с крестьянами, жалоба Мишагина на соседнего помещика, графа Люксембурга, который давно покушался на его имение и следил за его управлением крестьянами. Помещик также не смог оправдаться по делу умершего Тараса Яковлева, заявляя, что он был на хорошем счету, находился безотлучно при господине в течение нескольких лет во время армейской службы и все обвинения в доведении дворового до самоубийства ложны, а сама смерть случилась в связи со свирепствовавшей эпидемией тифа [16, л. 10–12 об.].

С 1847 г. подпоручик Мишагин состоял под надзором Лужской городской полиции. Он подал прошение генерал-губернатору отдать его на поруки и тем дать возможность оправдаться перед Санкт-Петербургской уголовной палатой или, на крайний случай, разрешить содержаться в Санкт-Петербургской городской тюрьме, а также подал ходатайство на высочайшее имя о переводе в Отдельный Кавказский корпус [16, л. 18–19 об.].

В начале 1848 г. подпоручик Антон Мишагин обратился с прошением к министру внутренних дел Л. А. Перовскому, в котором жаловался на притеснения со стороны Лужского уездного предводителя дворянства, требовал прекратить

действия опекунского управления, приведшие к изгнанию из имения его матери, а также просил разрешения продать имение [21, л. 1–1 об.].

В ответном отношении предводитель дворянства сообщал, что опекунское управление было назначено и действует в установленном порядке, мать Мишагина никто из имения не выгонял, а она сама выехала к дочери своей в Псковскую губернию по собственному желанию для своего спокойствия. Также предводитель дворянства отрицал обвинения Мишагина в своем бездействии в 1845 г. по случаю неурожая, и отмечал, что движимое имущество помещика поступило в распоряжение его зятя, чиновника 10-го класса Еремеева, посему все обвинения помещика были отвергнуты [21, л. 2–3 об.].

К помещику была применена беспрецедентная мера, определением от 8 марта 1848 г. собрание предводителей и депутатов дворянства отставного подпоручика Мишагина, как «изобличенного в действиях необыкновенной жестокости с своими крестьянами и дворовыми людьми, и тем самым возбудившего справедливое к нему чувство негодования, на основании 120 ст. IX Т. Свода Законов (изд. 1842 г.), постановило исключить из общества Санкт-Петербургского дворянства, пока не оправдается». О содержании этого постановления были уведомлены Санкт-Петербургский гражданский губернатор 19 апреля 1848 г., Санкт-Петербургский губернский прокурор 9 февраля 1849 г. и Департамент Герольдии Правительствующего сената 30 января 1850 г., а «через Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора оно было доведено до Высочайшего Государя Императора сведения» [4, л. 21–22 об.].

Из Луги А. Ф. Мишагин был доставлен в Санкт-Петербургское исправительное заведение по решению Санкт-Петербургского губернского правления от 22 марта 1848 г. сроком на 3 года [22, л. 55]. По окончании срока заключения осужденный должен был быть отдан на год под надзор полиции [22, л. 32]. В связи с заключением он предполагал продать свое имение коллежскому советнику Александру Алексеевичу Бартеневу за 18100 руб. [22, л. 13]. В течение срока заключения подавал жалобы клеветнического характера на чинов исправительного заведения, угрожая им оружием, обличая их в краже 1315 руб., и пр., за буйный нрав и беспокойный характер четырежды подвергался штрафам [22, л. 42–45, 54.]. По окончании срока заключения 21 марта 1851 г. был направлен в Тулу под местный полицейский надзор [22, л. 49, 70–70 об.].

Получив спустя год отказ от возвращения в столичную губернию, А. Ф. Мишагин понял, что его высылка носит бессрочный характер. 25 июля 1852 г. с публичного торга он купил дворовое и огородное место с домом и строением, принадлежавшее мещанину Алексею Хомутильникову, в Туле, 2-й части, 3-м квартале, № 526 за 490 руб. серебром [23, с. 96].

Находясь в Туле, опальный помещик стал фигурантом нескольких судебных дел. 28 марта 1856 г. на него подал в Тульский уездный суд крестьянин князя Юсупова Антон Васильевич Лукьянов за неплатеж 11 руб. серебром за земельные работы в его доме. Рассмотрев дело, суд встал на сторону ответчика, определив, что Лукьянов должен взыскивать деньги с крестьянина Петра Акимовича Грачева,

которому уже была уплачена данная сумма [24, л. 1, 3 об.–4]. 14 января 1857 г. уже сам Мишагин выступал истцом в деле о взыскании с писца 2 разряда Александра Филипповича Щеглова денег по заемному письму 17 руб. 20 коп. серебром [25, л. 1, 6–7].

24 ноября 1860 г. Тульская палата уголовного суда проводила следствие по жалобе титулярного советника Федора Ивановича Любомудрова об обиде его отставным подпоручиком Мишагиным. Рассмотрев дело палата не нашла доказательств по обвинению Мишагина в причинении титулярному советнику Любомудрову и жене его «ругательством обиды» и закрыло дело [26, л. 3–4].

Пребывание в Туле, невозможность вернуться в родные места и управлять своим имением, тягостно сказывалось на душевном состоянии А. Ф. Мишагина. Он пил, играл в карты и наделал большое количество долгов в казенных учреждениях и у частных лиц. Их размер был столь велик, что после кончины в Туле в августе 1862 г. обе сестры А. Ф. Мишагина отказались от вступления в наследования домом и движимым имуществом не желая нести ответственность по долгам [7, л. 5, 67, 99, 144].

Так во втором поколении, во многом бесславно, прервался род дворян Мишагиных. Его последняя представительница, вдова статского советника Анна Федоровна Скрыдлова, умерла 28 ноября 1891 г. от общего воспаления правого легкого. 1 декабря 1891 г. была отпета в церкви Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка в Царском Селе и похоронена на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге [27, л. 352 об.–353]. Тем удивительнее, что это имя было искусственно легендировано её внуком Алексеем Николаевичем Мишагиным-Скрыдловым (1901 – 31.12.1966), который находясь во Франции, написал книгу воспоминаний «Россия белая, Россия красная» (1935). В ней в частности можно найти данную цитату:

«...Уже упомянутый титул князя Мишагина я должен был унаследовать через несколько лет в силу обычая, существовавшего тогда в русских аристократических семьях, от моей бабушки по отцовской линии, которая была последней княжной Мишагиной. Семья эта происходит со Смоленщины; мой дед Скрыдлов, муж княжны, был предводителем дворянства Смоленской губернии. В подобных случаях, чтобы не угасла фамилия, царь специальным указом разрешал передачу титула и фамилии по старшей мужской линии в потомстве последней в роду княжны» [28, с. 7–8].

Это чистой воды фальсификация и мифотворчество мемуариста. Во-первых, Ф. И. Мишагин происходил из «солдатских детей», а во-вторых, И. Н. Скрыдлов никогда не был предводителем дворянства Смоленской губернии.

Искренне ли заблуждался А. Н. Скрыдлов по поводу своего происхождения или сознательно пошёл на подлог, на данный момент установить сложно, но в русской диаспоре, где он занимался исполнением русских романсов, гордо именовался никогда не существовавшим титулом «князя Мишагина» и даже был с ним погребен [29, с. 601].

Любопытно, что в комментариях к дневнику за 1934 г. литератора и композитор Серебряного века М. А. Кузмина Алексей Скрьдлов назван «внебрачным сыном великого князя Алексея Александровича» [30, с. 367]. Сам мемуарист об этом нигде не пишет, но учитывая его склонность к мистификациям нельзя исключать, что в определенный период жизни А. Н. Скрьдлов распространял и подобную «версию» своего происхождения.

Дело подпоручика А. Ф. Мишагина хорошо иллюстрирует искреннюю озабоченность высших властей Российской империи и лично императора Николая I в вопросе пресечения крепостного насилия. Контроль со стороны губернаторов, полицейских властей и предводителей дворянства позволял не замолчать и не игнорировать проблему, а действительно реагировать на конкретные преступления, прежде всего в столичных губерниях. И хотя до отмены крепостного права оставалось полтора десятка лет, верховная власть пыталась наглядно продемонстрировать помещикам невозможность идти по укоренившемуся пути злоупотреблений, бытового насилия и фактической вседозволенности.

Список использованных источников и литературы

1. Долгих А. Н. Жалобы владельческих крестьян и система наказаний помещиков в законодательстве России конца XVIII-первой половины XIX в.: к постановке проблемы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8-3(58). – С. 95-100.

Dolghih A. N. Zhaloby vladel'cheskih krest'yan i sistema nakazaniy pomeshchikov v zakonodatel'stve Rossii konca XVIII-pervoj poloviny XIX v.: k postanovke problemy//Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 8-3(58). – S. 95–100.

2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 536. Оп. 9. Д. 6048.

Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPB). F. 536. Op. 9. D. 6048.

3. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 449.

CGIA SPB. F. 536. Op. 4. D. 449.

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 10 (1846 г.). Д. 941.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 1286. Op. 10 (1846 g.). D. 941.

5. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 122.

CGIA SPB. F. 19. Op. 111. D. 122.

6. Объявления к Сенатским ведомостям. – 1835. – 13 августа. – № 65.

Ob"yavleniya k Senatskim vedomostyam. – 1835. – 13 avgusta. – № 65.

7. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 22. Оп. 1. Д. 70.

Gosudarstvennyj arhiv Tul'skoj oblasti (GATO). F. 22. Op. 1. D. 70.

8. РГИА. Ф. 577. Оп. 35. Д. 505.

RGIA. F. 577. Op. 35. D. 505.

9. Русский биографический словарь: Сабанеев-Смыслов / Изд. под набл. председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. – Санкт-Петербург: тип. В. Демакова, 1904. – Т. 18. – 673 с.

Russkij biograficheskij slovar': Sabaneev–Smyslov / Izd. pod nabl. predsedatelya Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva A. A. Polovcova. – Sankt-Peterburg: tip. V. Demakova, 1904. – T. 18. – 673 s.

10. РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 5073.

RGIA. F. 1343. Op. 25. D. 5073.

11. Березовский Н. Ю., Доценко В. Д., Тюрин Б. П. Российский императорский флот. 1696–1917: военно-исторический справочник. – М.: Русский мир, 1993. – 272 с.
Berezovskij N. Yu., Docenko V. D., Tyurin B. P. Rossijskij imperatorskij flot. 1696–1917: voenno-istoricheskij spravochnik. – М.: Russkij mir, 1993. – 272 s.
12. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 432. Оп. 5. Д. 179.
Rossijskij gosudarstvennyj arhiv voenno-morskogo flota (RGAVMF). F. 432. Op. 5. D. 179.
13. ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 4470.
CGIA SPB. F. 963. Op. 1. D. 4470.
14. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 463.
RGIA. F. 1343. Op. 51. D. 463.
15. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2718.
CGIA SPB. F. 536. Op. 9. D. 2718.
16. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 352.
CGIA SPB. F. 536. Op. 4. D. 352.
17. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 7704.
CGIA SPB. F. 536. Op. 9. D. 7704.
18. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 7620.
CGIA SPB. F. 536. Op. 9. D. 7620.
19. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 9620.
CGIA SPB. F. 536. Op. 9. D. 9620.
20. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 6109.
CGIA SPB. F. 536. Op. 9. D. 6109.
21. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. Оп. 9. Д. 7693.
CGIA SPB. F. 536. Op. 9. D. 7693.
22. ЦГИА СПб. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1105.
CGIA SPB. F. 216. Op. 1. D. 1105.
23. Санкт-Петербургские сенатские объявления по судебным, распорядительным, полицейским и казенным делам. – 1852. – 25 сентября. – № 77. – Отдел XIII.
Sankt-Peterburgskie senatskie ob"javleniya po sudebnym, rasporyaditel'nym, policejskim i kazennym delam. – 1852. – 25 sentyabrya. – № 77. – Otdel XIII.
24. ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 456.
GATO. F. 22. Op. 1. D. 456.
25. ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 466.
GATO. F. 22. Op. 1. D. 466.
26. ГАТО. Ф. 51. Оп. 28. Д. 446.
GATO. F. 51. Op. 28. D. 446.
27. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 190.
CGIA SPB. F. 19. Op. 128. D. 190.
28. Мишагин-Скрьдлов А.Н. Россия белая, Россия красная. 1903–1927. – М.: Центрполиграф, 2007. – 260 с.
Mishagin-Skrydlov A.N. Rossiya belaya, Rossiya krasnaya. 1903–1927. – М.: Centrpoligraf, 2007. – 260 s.
29. Незабытые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917-1997 : в 6 т. / Российская гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья; сост. В. Н. Чуваков. – Т. 6, кн. 1: Пос-Скр. – Москва: Пашков дом, 2005. – 607 с.
Nezabytye mogily: rossijskoe zarubezh'e: nekrologi 1917-1997 : v 6 t. / Rossijskaja gos. b-ka. Otd. lit. rus. zarubezh'ja; sost. V. N. Chuvakov. – T. 6, kn. 1: Pos-Skr. – Moskva: Pashkov dom, 2005. – 607 s.
30. Кузмин М.А. Дневник 1934 года/под ред., со вступ. ст. и примеч. Г.А. Морева. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998. – 413 с.
Kuzmin M.A. Dnevnik 1934 goda/pod red., so vstup. st. i primech. G.A. Moreva. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Ivana Limbaha, 1998. – 413 s.

Mankov S.A. Mikhailov V. V. The reaction of the authorities to the violence of the landowners in the 1840s on the example of the case of podporuchik A. F. Mishagin

The broad power powers that the landowners had during the period of serfdom often led to abuses and acts of mutual violence in relations between the nobility and peasants. The period of the reign of Nicholas I is characterized by the attempts of the Emperor's personal intervention in the social position of the peasantry and the strengthening of strictness against the landlords, who used cruelty in managing their estates. Using the example of the case of podporuchik Alexei Fedorovich Mishagin (1817–1862), the article examines the reaction of the authorities of the St. Petersburg province to fanaticism against serfs. In the 1840s the sad facts of bullying and cruelty to the dependent population in most cases were not ignored, but entailed a legal assessment by the provincial authorities. Separately, facts from the biography of representatives of the Mishagin family are analyzed and some myths spread by the Russian emigrant and memoirist A. N. Mishagin-Skrydlov.

Keywords: serfdom, nobility, peasantry, suicide, violence, Luga uезд, St. Petersburg governorate, Tula, Russia in the XIX century.

УДК 86.38+297

ШИ'ИТСКАЯ ПОЛИТИКА УМАЙЙАДОВ

Спивак И. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: Ispivaq@mail.ru*

Анализируется ши'итская политика Умаййадов и эволюция ши'итского движения в период с 661 по 750 гг. Рассматриваются основные события, оказавшие влияние на взаимоотношения халифов правившей династии и лидеров различных ши'итских групп. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что ши'итская политика Умаййадов не включала в себя создание религиозной аргументации, призванной обосновать их господство. Выявлены основные методы осуществления этой политики: контроль за деятельностью ши'итских лидеров, покупка их лояльности, организация антиши'итской государственной пропаганды, подавление открытых ши'итских выступлений, расправы с их вождями и участниками. На основании различных свидетельств признается недоказанность обвинения Му'авийи б. Абу Суфйана в организации убийства ал-Хасана б. 'Али б. Аби Талиба. Рассмотрена проблема эволюции ши'итского движения под воздействием политики Умаййадов. Сделан вывод об окончательной трансформации этого движения из политического в религиозно-политическое.

Ключевые слова: ал-Мухтар, ал-Хасан б. 'Али б. Аби Талиб, ал-Хусайн б. 'Али б. Аби Талиб, ат-Табари, имам, Куфа, Му'авийа б. Абу Суфйан, Мухаммад ал-Бакир, Умаййады, ши'иты.

Мятеж, поднятый войсками против ал-Хасана б. 'Али б. Аби Талиба, не оставил ему шансов в борьбе с Му'авийей б. Абу Суфйаном. Как сообщает Мухаммад ат-Табари, взбунтовавшиеся войска, после того как распространился слух, что авангард разбит, обратились в бегство, во время которого разграбили шатер халифа, так, что даже подрались с ним за ковер, на котором он находился [1, р. 3]. В ходе мятежа сам ал-Хасан б. 'Али б. Аби Талиб получил ножевое ранение от одного из мятежников. Прощаясь с жителями Ирака, отрекшийся от власти халиф, по достоинству оценил их верность, обратившись к ним со словами: «О жители Ирака! Я рад избавиться от вас по трем причинам: вы убили моего отца, вы ударили меня ножом, и вы разграбили мое имущество» [1, р. 11].

Известно, что после «отречения» ал-Хасана б. 'Али б. Аби Талиба (ум. в 699 г.) от претензий на халифат, между ним и основателем династии Умаййадов Му'авией б. Абу Суфйаном было подписано примирительное соглашение, одним из условий которого была гарантия безопасности всем приверженцам 'Али б. Аби Талиба и его потомкам. Важнейшим положением соглашения было условие, касавшееся дальнейшего порядка передачи власти, которая должна была произойти после смерти Му'авии б. Абу Суфйана. Трудно доподлинно установить выдвигал ли на предварительной стадии переговоров ал-Хасан б. 'Али б. Аби Талиб условие, по которому после правления Му'авии б. Абу Суфйана власть должна была возвратиться к нему, как утверждают некоторые источники. Во всяком случае, в

окончательном варианте соглашения указывалось, что Му'авийа, не назначая приемника, передаст вопрос о власти в руки авторитетного совета.

Оставив Ирак, ал-Хасан б. 'Али б. Аби Талиб возвратился со своим младшим братом ал-Хусайном в Медину, где вел частную жизнь. Случилось так, что он заболел и скоропостижно скончался в возрасте 45 лет в апреле 669 г. Ши'итская традиция настаивает на том, что имам был отравлен по приказу Му'авии б. Абу Суфйана. Так, выдающийся ши'итский теолог, правовед и историк Мухаммад б. Мухаммад б. Ну'ман ал-Хариси, более известный как аш-Шайх ал-Муфид, или Ибн ал-Му'аллим (ум. в.1022 г.), в своем сочинении «Китаб ал-Иршад» говоря о смерти ал-Хасана б. 'Али б. Аби Талиба сообщает, что, когда прошло десять лет правления Му'авии б. Абу Суфйана, он решил, вопреки договоренности с ал-Хасаном, передать власть своему сыну Йазиду.

Одним из шагов на пути достижения этой цели стало убийство имама. Халиф вступил в сговор с одной из жен ал-Хасана – Джа'да бт. Аш'ас б. Кайс – пообещав ей 100 000 дирхемов и брак с Йазидом, если она отравит имама. «Она сделала это, она отравила ал-Хасана, мир ему. Му'авийа дал ей деньги, но не женил на ней на Йазиде...». Один из очевидцев свидетельствовал: «Я был с ал-Хасаном и ал-Хусайном, мир им обоим, в доме. Ал-Хасан, мир ему, вошел снаружи и затем вышел снова. Он сказал: «Мне дали яд, мне давали яд несколько раз, но мне никогда не давали яда как этот. Немного моей печени вышло через мой рот, и я начал переворачивать ее палкой, которая у меня была» [2, р. 261–262]. Разумеется, представители суннитской традиции ислама отрицали и продолжают отрицать причастность Му'авии б. Абу Суфйана к смерти имама [3, р. 427–429]. Дело в том, что умирающий ал-Хасан б. 'Али б. Аби Талиб, сомневаясь в справедливости обвинения, отказался назвать имя человека, отравившего его.

Если обвинение в организации убийства имама, выдвинутое в адрес Му'авии б. Абу Суфйана не соответствует действительности, то следует признать, что между халифом и ши'итским имамом с обеих сторон соблюдались условия соглашения, заключенного при «отречении» ал-Хасана б. 'Али б. Аби Талиба. Косвенно в пользу такого предположения может свидетельствовать тот факт, что имам ал-Хусайн б. 'Али б. Аби Талиб решился на открытое выступление только после смерти Му'авии б. Абу Суфйана, который нарушив условия соглашения, передал власть своему сыну. Но если это действительно так, тогда закономерен вопрос: проводил ли вообще Му'авийа б. Абу Суфйан какую-либо антиши'итскую политику и если да, то каково было ее содержание? На наш взгляд, ответ на первую часть этого вопроса должен быть, безусловно, утвердительным. Мухаммад ат-Табари передает содержание напутствия, полученного от Му'авии б. Абу Суфйана Муғирой б. Шу'бой (ум. в 670 г.) при назначении последнего наместником Куфы. Халиф, по словам ат-Табари, наставлял наместника следующим образом: «... не воздерживайся от поношения 'Али и порицания его, а также от призывов к Аллаху о милости к 'Усмани и о его прощении. Продолжай порочить сподвижников 'Али, держи их на расстоянии и не прислушивайся к ним. Восхваляй сторонников 'Усмана приближай и слушай их» [1, р. 123].

Следует отметить, что данное свидетельство получило неоднозначную оценку специалистов. Так, например, Фархад Дафтари не сомневается в его правдивости и утверждает, что Му'авийа приказал «ввести практику поношения 'Али с минбаров в ходе пятничной молитвы» [4, с. 52]. Напротив, О. Г. Большаков, говоря о достоверности сообщения Мухаммада ат-Табари, справедливо замечает, что: «...наставления подобного рода – наиболее ненадежная часть сведений средневековых источников, к тому же данный текст приводится без ссылки на информатора...» [5, с. 114–115]. Вероятно, исследователь был прав, когда предположил, что речь в данном случае может идти не о конкретном приказании произносить в адрес 'Али б. Аби Талиба и его сподвижников порицания во время хутбы, но об «общем направлении политики». Во всяком случае, оставаясь на должности наместника Куфы, Мугира б. Шу'ба, этой политики придерживался. Мухаммад ат-Табари передает слова одного из современников тех событий: «У нас никогда не было такого правителя, как он, даже если раньше были хорошие чиновники. Ал-Мугира оставался правителем Куфы от имени Му'авийи в течение семи лет и нескольких месяцев. Он вел себя лучше всех... несмотря на то, что он не переставал обвинять 'Али в том, что произошло, и в убийстве 'Усмана. Он продолжал проклинать тех, кто убил последнего, призывая к милосердию и прощению 'Усмана и оправданию его сподвижников» [1, р. 123].

Таким образом, одним из направлений антиши'итской политики Му'авийи б. Абу Суфьяна была организация на государственном уровне пропаганды, направленной на дискредитацию деятельности 'Али б. Аби Талиба. Важнейшей составляющей этой пропаганды следует признать обвинение 'Али в причастности к убийству третьего праведного халифа 'Усмана б. 'Аффана. Мы видели, что для Му'авийи б. Абу Суфьяна в этом не было ничего принципиально нового. Лозунг «мечь за 'Усмана» был провозглашен им с первых дней борьбы за власть с 'Али б. Аби Талибом. Однако теперь, после того как эта власть была достигнута, вести антиалидскую пропаганду стало возможным на территории всего халифата, в том числе и в таком ши'итском центре, каким являлась Куфа.

Другим, более очевидным проявлением антиши'итской политики Му'авийи б. Абу Суфьяна, как и Умайядов правивших вслед за ним, стало подавление открытых выступлений различных групп ши'итов, и казней их участников. Первым мучеником в этом ряду стал Худжр б. 'Ади ал-Кинди, присягнувший в свое время на верность 'Али б. Аби Талибу и поднявший восстание в Куфе в 671 г. Он был схвачен наместником Басры и Куфы Зийадом б. Абихой (б. Абу Суфьяном) (ум. в 673 г.), который и сам был в прошлом ши'итом. С группой его приверженцев Худжра б. 'Ади отправили к халифу. Зийадом б. Абихой было направлено в Дамаск соответствующее письмо и свидетельские показания против Худжра б. 'Ади. Содержание этих показаний представляет для нас определенный интерес, так как перечисленные в них преступления Худжра б. 'Ади позволяют отчетливее представить содержание антиши'итской политики Му'авийи б. Абу Суфьяна. Мухаммад б. Джарир ат-Табари сообщает: «Затем Зияд созвал лидеров четырех, сказав: «Свидетельствуйте против Худжра о том, что он сделал с вами». Там они

свидетельствовали, что Худжр собрал вокруг себя толпы, открыто оскорблял халифа и призывал к войне против повелителя правоверных. Они также клялись, что он утверждал, что все будет исправлено только от семьи Абу Талиба, что он напал на город и изгнал наместника повелителя правоверных, открыто простил Абу Тураба ('Али б. Аби Талиб – И. С.) и попросил у Бога милости к нему, и отрекся от врага Абу Тураба и людей, которые сражались с ним. Они также свидетельствовали, что те лица, которые были связаны с ним, были лидерами его товарищей и имели схожие с ним взгляды и заботы. Затем Зияд приказал им уйти» [1, р. 140–141]. Как видно, главные преступления Худжра б. 'Ади заключались в утверждении исключительного права рода 'Али б. Аби Талиба на верховную власть, бунт против халифа и его наместника, отказ от порицаний и восхваление 'Али б. Аби Талиба. Очевидно, что именно против подобных действий и убеждений была направлена политика Му'авии б. Абу Суфйана. По приказанию халифа, отказавшись отречься от своей верности 'Али б. Аби Талибу и его роду, Худжр б. 'Ади с небольшой группой своих сторонников был казнен.

На годы правления Йазид б. Му'авии (680–683 гг.) приходится трагическая гибель ал-Хусайна б. 'Али б. Аби Талиба и семидесяти двух его соратников, включая двадцать шесть родственников. Безусловно, жестокое убийство внука Пророка в ши'итской истории стало событием, которое имело наиболее далеко идущие последствия. Нельзя не согласиться с тем, что: «Гибель ал-Хусайна завершила кристаллизацию идеологии ши'изма, которому до сих пор не хватало мученика... Мученическая кончина ал-Хусайна стала для его почитателей примером, как надо бороться с безбожными правителями, не щадя жизни, и поставила его выше отца» [5, с. 205]. Вместе с тем, на наш взгляд, нет оснований подозревать Йазид б. Му'авийу в проведении какой-либо целенаправленной антиши'итской политики. Вынужденный реагировать на взрывоопасную ситуацию, сложившуюся в Куфе, он направил туда в качестве наместника 'Убайдуллаха б. Зийада (ум. в 686 г.), который получил от халифа приказ доставить в Дамаск голову Муслима б. Акила – двоюродного брата ал-Хусайна б. 'Али б. Аби Талиба и его эмиссара в Куфе. Приказ халифа был выполнен, а волнения ши'итов в Куфе временно подавлены.

В апреле 680 г. скончался Му'авийа б. Абу Суфйан. Нарушив заключенное с ал-Хасаном б. 'Али б. Аби Талибом соглашение, еще при жизни он назначил своим приемником сына – Йазид б. Му'авийу. Желая обеспечить безболезненный переход власти к своему сыну, Му'авийа нарушил не только соглашение с ал-Хасаном, но и сложившиеся традиции – он задумал привести мусульман к присяге Йазиду еще при своей жизни. Для осуществления задуманного Му'авийа лично прибыл в Медину, где, несмотря на некоторое сопротивление, привел мединцев к присяге. Главными противниками принесения присяги Йазиду, как повествуют источники, были: ал-Хусайн б. 'Али б. Аби Талиб, 'Абдаррахман б. Абу Бакр, 'Абдаллах б. 'Умар, 'Абдаллах б. аз-Зубайр. Смерть Му'авийи аннулировала соглашение, заключенное между ним и халифом ал-Хасаном б. 'Али б. Аби Талибом, что развязало младшему сыну 'Али б. Аби Талиба руки. По восшествии на

престол, Йазид б. Му'авийа послал гонца в Медину, с требованием к наместнику: во что бы то ни стало привести к присяге отказавшихся от нее, в том числе и ал-Хусайна. Получив послание, наместник Медины вызвал ал-Хусайна, с целью немедленно добиться от него принесения присяги. Ал-Хусайн, по сообщению источников, отказался присягать тайно, сказав, что, когда всех людей призовут к присяге, пусть призовут и его. Тем самым он зародил у наместника надежду на то, что не возражает против присяги, которую собирается принести публично. Арабский историк ал-Йа'куби (ум. между 897–905 гг.) передает описание этого события: «Была еще ночь, когда Валиду пришло письмо. Он отправил за ал-Хусайном и 'Абдаллахом б. Зубайром, сообщив им о случившемся. Они сказали, что утром придут к нему вместе с народом. Марван сказал ему: «Клянусь Аллахом, если эти двое выйдут отсюда, ты их больше не увидишь, а потому схвати их, чтобы они принесли присягу, а если они не согласятся, отруби обоим головы». Валид сказал: «Клянусь Аллахом, я не прерву с ними родственных связей» [6, с. 190–191].

Надо ли удивляться тому, что вскоре ал-Хусайн б. 'Али б. Аби Талиб покинул со своими сторонниками Медину и отправился в Мекку. Как известно, весть о смерти Му'авийи возродила у ши'итов Куфы надежду на восстановление власти «Дома Пророка». Ши'итские вожди Куфы подготовили послание ал-Хусайну б. 'Али б. Аби Талибу, которое он получил, находясь в Мекке. В одной из дошедших версий этого послания, в частности, говорилось: «Воистину, нет у нас имама. Приезжай, может быть, Аллах объединит нас с твоей помощью на пути истинном. Во дворце правления – ан-Ну'ман б. Башир, мы не молимся с ним в пятницу и не выходим на Праздник, а если мы узнаем, что ты прибываешь, то выгоним его и прогоним в Сирию, если захочет Аллах» [5, с. 186]. Вслед за первым посланием, последовали и другие, как индивидуальные, так и коллективные. После писем ши'итов Куфы, в Мекку прибыли представители ши'итской общины Басры с обещанием поддержки.

В ответ на неоднократные призывы, ал-Хусайн б. 'Али б. Аби Талиб отправил в Ирак своего двоюродного брата, с полномочиями принимать у ши'итов присягу на верность. Муслим б. 'Акил прибыл в Куфу, где фактически вспыхнуло восстание. Однако пассивность самого Муслима привела к тому, что властям удалось схватить его и казнить. Таким образом, на момент выступления ал-Хусайна б. 'Али б. Аби Талиба ши'итское восстание в Ираке было разгромлено. Историк Абу Михнаф (ум. в 774 г.) сохранил предание о том, что перед казнью Муслим б. 'Акил уговорил одного из арестовавших его сообщить о произошедшем ал-Хусайну б. 'Али б. Аби Талибу. Якобы содержание этого послания следующее: «Ибн. 'Акил отправил меня к тебе, будучи схвачен людьми и отправившись навстречу смерти. Он сказал: ал-Хусайн, возвращаясь к своим домочадцам. Берегись, чтобы куфийцы не обманули тебя, потому что они все еще остаются теми самыми сподвижниками твоего отца, который желал умереть или быть убитым, лишь бы избавиться от них. Куфийцы сказали мне и тебе неправду, а лжец лишен правильного мнения и намерения» [6, с. 254]. Ши'итская историческая традиция настаивает на том, что, отправляясь в Куфу, ал-Хусайн б. 'Али б. Аби Талиб был осведомлен о реальном положении дел,

и его поход, таким образом – беспримерный акт жертвенности. С уверенностью можно только сказать, что сведения о положении в Куфе дошли до ал-Хусайна, когда он находился уже в трехстах километрах от цели.

Суммируя сведения различных источников, можно вычлени́ть главные события, связанные с гибелью ал-Хусайна б. 'Али б. Аби Талиба. В пустыне, в месте под названием Кербела (в 44 км от Куфы) внук Пророка и его сподвижники были окружены войском Йазида б. Му'авийи. Восставшие были намеренно отрезаны от воды, не взирая на то, что среди них находились женщины и дети. Так, мучимые жаждой, они провели несколько дней. В ночь на десятое мухаррама имам ал-Хусайн б. 'Али б. Аби Талиб собрал своих сторонников и объявил, что их не ждёт ничего, кроме мученической смерти. Поэтому он погасил факелы и позволил всем, кто желал спастись, покинуть его лагерь под покровом ночи. К утру с ним остались только семьдесят два человека из числа его самых верных сподвижников и члены его семьи, восемнадцать из которых были боеспособными мужчинами. Всего же, по некоторым данным, с имамом Хусайном осталось сто двадцать человек, в то время как противостоящие им войска насчитывали до пяти тыс. человек. Противники ал-Хусайна б. 'Али б. Аби Талиба хотели начать бой девятого мухаррама, однако он попросил у них отсрочку до утра для того, чтобы со своими сторонниками совершить намаз. Роковое сражение состоялось на следующий день. По сложившейся у арабов традиции, сторонники имама выходили на бой один за другим. Они сражались пока хватало сил, но рано или поздно принимали мученическую смерть. В сражении погиб семнадцатилетний сын ал-Хусайна 'Али Акбар, на руках у имама был убит стрелой другой его сын, которому исполнилось всего шесть месяцев, погибли также сыновья его родной сестры. Самому ал-Хусайну б. 'Али б. Аби Талибу было нанесено множество ранений, одна из стрел попала ему в рот в тот момент, когда он пытался выпить воды. На ослабевшего от ран внука Пророка набросились одновременно трое его врагов. Смертельным оказался удар копьем, который нанес полусумасшедший поэт Синан б. Анас. Убийцы сняли с трупа одежды, отделили голову от тела и доставили ее наместнику в Куфу [7, р. 65–178].

Вину за мучительную гибель внука Пророка традиция возлагает на 'Убайдуллаха б. Зийада. Мухаммад ал-Муфид сообщает, что Шамир б. Зу-Джаушан, бывший соратником Му'авийи б. Абу Суфйана, внушил наместнику мысль требовать от ал-Хусайна б. 'Али б. Аби Талиба сдачи без всяких условий, после чего 'Убайдуллах б. Зийад написал командующему армией, задержавшей отряд ал-Хусайна письмо. По словам ал-Муфида его содержание было следующим: «Я послал тебя к ал-Хусайну не для того, чтобы ты воздерживался от борьбы с ним, или проводил с ним время без дела, или обещал ему мир и сохранение его жизни, или оправдывался... Поэтому смотри, чтобы, если ал-Хусайн и его последователи подчинились моей власти и сдались, ты послал их ко мне с миром. Если они откажутся, тогда выступите против них, чтобы сразиться с ними и наказать их; ибо они этого заслуживают. Если ал-Хусайна убьют, пусть лошади растопчут его тело спереди и сзади; ибо он – непослушный мятежник, и я не считаю, что это будет чем-

то неправильным после смерти его, но я считаю, что вы должны сделать это с ним, если убьете его. Если ты исполнишь приказ относительно него, мы дадим тебе награду, причитающуюся тому, кто внимателен и послушен. Если вы откажетесь, то мы забираем командование, провинцию и армию у тебя и оставляем армию Шамиру б. Зу-Джаушану. Мы передали ему нашу власть» [2, р. 317–318].

Возвращаясь к Йазиду б. Му‘авийи, следует отметить, что верный политике своего отца, он предпочитал поддерживать мирные отношения с Алидами, покупая различными способами их лояльность, когда это было возможно. Так, например, источники сообщают, что, получив информацию о гибели ал-Хусайна, халиф продемонстрировал искреннее раскаяние, плакал и говорил, что если бы он оказался на месте трагедии, то никогда не допустил бы смерти имама. Он освободил прибывших в Дамаск из Куфы пленных, в том числе единственного уцелевшего сына ал-Хусайна б. ‘Али б. Аби Талиба, четвертого имама ши‘итов-имамитов – ‘Али-Зайна ал-‘Абидина (658–712 гг.). После их непродолжительного пребывания в Дамаске, они были отправлены Йазидом б. Му‘авией с сопровождением в Медину. Многочисленные сообщения источников о раскаянии Йазид б. Му‘авии дают повод некоторым исследователям для обвинения его в лицемерии [6, с. 361]. В любом случае за этими сообщениями следует видеть, прежде всего, политику, проводимую халифом, а уже затем проявление его эмоций. В 682 г. на фоне событий развернувшегося восстания ‘Абдаллаха б. аз-Зубайра (ок. 624–692 гг.), стремясь обеспечить лояльность ши‘итов Йазид б. Му‘авийа пригласил в Дамаск Мухаммада б. ал-Ханафийу (ум. в 700 г.), стоявшего во главе рода Абу Талиба. Мухаммад б. ал-Ханафийа, принятый халифом с почетом, подтвердил ему свою присягу и получил 300 000 дирхемов на нужды своего клана [5, с. 208].

Независимо от проводимой халифом политики, брожение в ши‘итской среде Куфы продолжалось. Следует также отметить, что ни Мухаммад б. ал-Ханафийа, ни ‘Али-Зайн ал-‘Абидин не пытались организовать и возглавить вооруженную борьбу за права Алидов на власть, или отомстить за мученическую смерть ал-Хусайна б. ‘Али б. Аби Талиба. Однако и без их участия чувство вины среди ши‘итов Куфы, призвавших ал-Хусайна б. ‘Али б. Аби Талиба и оставивших его без поддержки, развиваясь, привело к появлению движения «раскаивающихся» (таввабуна), которое вылилось в очередное ши‘итское восстание под руководством Сулаймана б. Сурада ал-Хуза‘и в 684 г. Основная цель, которую преследовали восставшие – гибель в бою и искупление ценой собственной жизни греха, лежавшего на них из-за смерти ал-Хусайна б. ‘Али б. Аби Талиба. Здесь следует обратить внимание на то, как по мере развития событий ши‘итское политическое движение наполнялось религиозно-эмоциональным содержанием. Известно, что уже на стадии своего возникновения оно питалось почти религиозной надеждой на торжество социальной справедливости, понимаемой большинством рядовых участников как восстановление принципов организации общества, господствовавших при жизни Пророка. В годы противостояния ‘Али б. Аби Талиба и его сына ал-Хасана с Му‘авией б. Абу Суфйаном идея социальной справедливости была дополнена представлением о том, что ее торжество возможно только под властью человека из

рода Пророка. Наконец, с гибелью ал-Хусайна б. 'Али б. Аби Талиба в круг ши'итских идей проникло представление о сакральной жертвенности, ставшее основой для формирования в ши'итской среде культа мученичества, оборотной стороной которого являлось острое переживание собственной греховности и представление о самопожертвовании как единственно возможном средстве очищения. Нельзя не согласиться с мнением О. Г. Большакова о том, что: «Гибель ал-Хусайна завершила кристаллизацию идеологии ши'изма, которому до сих пор не хватало мученика... Мученическая кончина ал-Хусайна стала для его почитателей примером, как надо бороться с безбожными правителями, не щадя жизни...» [5, с. 205].

Событием, спровоцировавшим восстание под руководством Сулаймана б. Сурада стало появление в Ираке 'Убайдуллаха б. Зийада с армией, которая должен был вернуть провинцию под контроль умаййадского халифа Марвана б. ал-Хакама (683–685 гг.). Сулайману удалось собрать около пяти тысяч человек, но его отряд был разгромлен в январе 685 г., а большинство сторонников, включая самого Сулаймана, пали на поле сражения. Движение «раскаивающихся» стало знаковым в череде многочисленных ши'итских выступлений. Во-первых, оно ознаменовало собой окончание преимущественно арабского этапа развития ши'изма. Во-вторых, в выступлении Сулаймана б. Сурада в полной мере проявился присущий ши'изму культ мученичества, который окончательно сформировался спустя четыре года с момента гибели ал-Хусайна б. 'Али б. Аби Талиба.

Почти синхронно с этими событиями, в октябре 685 г. началось восстание ал-Мухтара б. Аби 'Убайда ас-Сакафи (622–687 гг.), действовавшего в Ираке от имени Мухаммада б. ал-Ханафийи. Следует отметить, что Мухаммад б. ал-Ханафийа не подтверждал и не опроверг полномочия ал-Мухтара, а его молчание трактовалось в пользу последнего. Впрочем, более поздняя доксографическая традиция сохранила сведения о том, что, когда Мухаммаду б. ал-Ханафийи стало известно о деятельности ал-Мухтара, он отрекся от него, о чем предупредил и своих приверженцев [8, с. 132]. Восставшим удалось добиться значительных успехов, был установлен контроль над Куфой и некоторыми другими городами и районами Ирака. Достижение этого стало возможным благодаря широкой социальной базе, на которую опирался ал-Мухтар. Среди движущих сил восстания значительная доля приходилась на отряды рабов и клиентов (мавали), в большинстве своем, имевших неарабское происхождение. Однако в этом же заключалась и слабая сторона восстания. Ал-Мухтар вынужден был лавировать между куфийской знатью и представителями социальных низов, влившихся в организованное им движение. Разумеется, их интересы в долгосрочной перспективе не могла примерить никакая религиозная идеология. В конечном счете часть куфийцев, после подавления их открытого мятежа против ал-Мухтара в 686 г., бежала в Басру, которая находилась под управлением Мус'аба б. аз-Зубайра (ум. в 691 г.), назначенного ее наместником халифом 'Абдаллахом б. аз-Зубайром (ок. 624–692 гг.). Важной победой восставших стал разгром в 686 г. неподалеку от Мосула отрядом под командованием Ибрахима б. ал-Аштара умаййадской армии. В этом сражении погиб 'Убайдуллах

б. Зийад, бывший, как мы отмечали, главным виновником гибели ал-Хусайна б. ‘Али б. Аби Талиба. Отряд Ибрахима б. ал-Аштара остался в Мосуле. Разделение сил пагубным образом отразилось на ходе восстания. Бежавшие от ал-Мухтара куфийцы, при поддержке басрийской знати, организовали поход на Куфу. В начале апреля 687 г., выдержавший четырехмесячную осаду в центре Куфы, ал-Мухтар с немногочисленными сторонниками дал бой осаждавшим, в котором, вероятно, был убит.

Восстание под руководством ал-Мухтара имело принципиальное значение для дальнейшего развития ши‘итского движения. Признание права на имапат за Мухаммадом б. ал-Ханафийей способствовало появлению еще одной, наряду с Хасанидами и Хусайнидами, линии передачи имапата. Таким образом, в результате деятельности ал-Мухтара возникла самостоятельная ветвь ши‘изма, получившая название «ал-кайсанийа», вероятно, по имени одного из сподвижников ал-Мухтара – Абу ‘Амра Кайсана, предводителя гвардии восставших, состоявшей преимущественно из мавали [9, с. 127–128]. Массовое участие в восстании представителей различных этносов открыло дорогу для распространения ши‘итских идей за пределами арабского мира. Это, в свою очередь, привело к «обогащению» ши‘итского ислама представлениями, которые были распространены в доисламских религиозных традициях. Неслучайно, именно кайсанитское направление ши‘изма стало источником, из которого черпали свои идеи основатели многочисленных направлений крайних ши‘итов, особенно подвергавшихся критике представителями формировавшейся суннитской ортодоксии.

Как свидетельствуют источники, уже ал-Мухтару для удовлетворения религиозных потребностей своей армии потребовалось прибегнуть к идеям и символам чуждым исламу. Так, выдающийся мусульманский историк религии и богослов Мухаммад б. ‘Абд ал-Карим аш-Шахрастани (1075–1153 гг.), говоря об ал-Мухтаре, сообщает: «К числу его выдумок относится старое кресло, бывшее у него, которое он покрыл парчой, украсил всевозможными украшениями и говорил: «Это – одна из реликвий эмира верующих ‘Али – да возвеличит его Аллах! – она у нас подобна ковчегу завета у израильтян. Когда он сражался со своими противниками, он ставил кресло на открытое пространство перед строем и говорил: «Сражайтесь, победа и успех за вами! Это кресло занимает среди вас место ковчег завета среди израильтян, в нем — присутствие божье и сохранность. Ангелы сверху спустятся в помощь вам». Известен рассказ о белых голубях, которые появились в небе: до этого он сообщил им, что ангелы спустятся в виде белых голубей» [8, с. 133].

Гибель ал-Хусайна б. ‘Али б. Аби Талиба, разгром движения «раскаивающихся», а вслед за ним и восстания под руководством ал-Мухтара, убедили многих из числа ши‘итских вождей в бесперспективности вооруженной борьбы за власть с Умайядами, во всяком случае, вплоть до 740 г. сколь-нибудь значимых вооруженных выступлений ши‘итов не было. Это, впрочем, не означало того, что активная деятельность ши‘итских лидеров прекратилась, как не означало и того, что представители правящей династии принципиально изменили свое

отношение к ши'итскому движению. Так, сын Мухаммада б. ал-Ханафийи Абу Хашим 'Абдаллах (ум. в 716 г.), признанный частью ши'итов-кайсанитов имамом, принимал активное участие в организации тайной сети своих сторонников, которые вели пропаганду на юге Ирака и в Хорасане [4, с. 60]. Спорным остается вопрос о том, чем являлась эта сеть. Некоторые исследователи полагают, что при жизни Абу Хашима она не представляла собой организации в подлинном смысле этого слова и характеризуют ее как группу «недовольных в Ираке» [10, 138]. Тем не менее, по доносу старшего из Хасанидов Зайда б. ал-Хасана, соперничавшего с Абу Хашимом, последний был арестован халифом ал-Валидом (705–715 гг.) и заключен в Дамаске в тюрьму. Позднее Абу Хашим был освобожден и некоторое время даже вел придворную жизнь, однако вступив в очередной раз в размолвку с халифом, решил вернуться в Медину. В пути Абу Хашим заболел и скончался в поместье правнука дяди Пророка ал-Аббаса Мухаммада б. 'Али (ум. в 743 г.), которого сопровождал по дороге из Дамаска. По сообщениям некоторых источников, Абу Хашим был отравлен по приказу халифа.

Независимо от того, явилась ли воля халифа причиной смерти Абу Хашима или нет, следует отметить то, что антиалидская пропаганда, в форме порицания 'Али б. Аби Талиба с минбаров мечетей, продолжала осуществляться непрерывно, как минимум, до времени правления 'Умара б. 'Абд ал-'Азиза (717–720 гг.). Анонимный автор XI в. в «Истории халифов», описывая правление 'Умара II, вслед за рассказами о добродетелях халифа, сообщает о том, что он «отменил публичные проклятия 'Али» [11, с. 45]. Однако, то ли указ халифа не возымел должного действия, то ли он был отменен последующими правителями династии Умаййадов, но источники свидетельствуют в пользу того, что поношение 'Али б. Аби Талиба с минбаров мечетей продолжалось и после правления 'Умара б. 'Абд ал-'Азиза. Так, Мухаммад ат-Табари, рассказывая о событиях накануне восстания внука ал-Хусайна б. 'Али б. Аби Талиба Зайда б. 'Али (694–740 гг.), сообщает об очной ставке, проведенной наместником Ирака Йусуфом б. 'Умаром между Зайдом и бывшим наместником Халидом б. 'Абдаллахом, находившимся в тюрьме по причине финансовой нехватки. Смещенный со своего поста в 737/38 г., Халид утверждал, что давал деньги Зайду б. 'Али. На очной ставке Зайд отверг это обвинение, его правоту вынужден был признать и Халид. Происходило это следующим образом: «Когда Зайд б. 'Али пошел к Йусуфу, Йусуф сказал ему: «Халид утверждал, что доверил тебе деньги». Зайд сказал: «Как может тот, кто проклинал моих предков с минбара, доверить мне деньги?» Затем Йусуф послал гонца к Халиду, и тот пришел к нему... Йусуф сказал: «Это – Зайд. Ты утверждал, что дал ему деньги, а он это отрицает». Халид посмотрел на них обоих, а затем сказал Йусуфу: «Ты хочешь добавить к своему преступлению против меня преступление против этого человека? Как я доверю ему деньги, когда я проклиная его и его предков с минбара? Юсуф проклял его и отослал» [12, р. 14].

С пребыванием Зайда б. 'Али в Ираке связаны события очередного ши'итского восстания, направленного против власти Умаййадов. Понимая опасность, которая исходила от ши'итов Куфы, Йусуф б. 'Умар требовал от Зайда скорейшего

возвращения в Медину. Пробыв в Куфе несколько месяцев, Зайд отправился домой, но в пути его догнали представители ши'итской общины Куфы, которые сообщили о том, что они готовы к восстанию, если Зайд его возглавит. Повторилась история ал-Хусайна б. 'Али б. Аби Талиба. Мухаммад ат-Табари в рассказе об этих событиях приводит диалог, состоявшийся между Зайдом, и одним из его сторонников, убеждавшим Зайда не поддаваться на провокацию жителей Куфы. «Он упомянул о родстве Зайда с Пророком Божьим и о его законных притязаниях... Салама сказал ему: «Позвольте мне говорить откровенно». Зайд сказал: «Не дай Бог, чтобы такие, как ты, просили разрешения говорить у таких, как я» ... Салама сказал: «Умоляю тебя, клянусь Аллахом, сколько человек присягнули тебе на верность?» Зайд ответил: «Сорок тысяч». Салама продолжил: «Сколько присягнуло на верность твоему деду?» И Зайд ответил: «Восемьдесят тысяч». Тогда Салама спросил: «Сколько осталось с ним?». Зайд сказал: «Триста». Тогда Салама сказал: «Заклинаю тебя Аллахом, ответь: ты или твой дедушка лучше?» И Зайд ответил: «Мой дедушка». Тогда Салама спросил: «Кто лучшие люди, те с которыми ты восстал, или соратники, с которыми восстал твой дед?» Зайд ответил: «Соратники, с которыми восстал мой дед». Салама сказал: «Ты ожидаешь, что эти люди будут хранить тебе верность, если они поступили вероломно с твоим дедом?». Зайд сказал: «Они дали мне присягу на верность, и клятва верности обязательна для меня и для них». Тогда Салама сказал: «Ты позволишь мне покинуть город?» Зайд спросил: «Почему?». Салама ответил: «Я не могу гарантировать того, что смогу сдерживать себя, если с тобой что-то случится». Зайд сказал: «Я даю тебе разрешение уйти» [12, р. 17].

Вернувшись в Куфу, Зайд б. 'Али разослал агитаторов в различные города Ирака. Сведения о готовящемся восстании дошли до Йусуфа б. 'Умара, который предпринял соответствующие меры, приведшие к провалу восстания: в момент выступления Зайда (6 января 740 г.) большая часть его сторонников была блокирована в мечети города Куфы. Выдержав несколько атак правительственных войск, небольшой отряд под командованием Зайда был разгромлен, а сам Зайд убит. Несмотря на предпринятые усилия, восставшим не удалось сохранить в тайне место погребения Зайда б. 'Али: его тело было вырыто, обезглавлено и распято, а голова отослана в Дамаск халифу Хишаму (723–743 гг.). Незначительному числу восставших, сплотившихся вокруг сына Зайда Йахьи, удалось уйти из Куфы в Хорасан. Йахья б. Зайд развернул здесь ши'итскую пропаганду, за что был арестован умаййадским наместником Насром б. Саййаром, затем освобожден и отправлен в Дамаск, но по пути, опираясь на присоединившихся к нему сторонников, вновь поднял восстание. Восставшие разгромили посланный против них отряд; в конечном же счете были разбиты умаййадскими войсками под Джузджаном в 743 г. Йахья б. Зайд погиб в сражении. Восстания Зайда б. 'Али и его сына стали отправной точкой истории ши'итов-зайдитов – одного из сохранившихся до настоящего времени течения в ши'итском движении [13, с. 73].

Принципиально иной по вопросу о борьбе за политическую власть была позиция брата Зайда б. 'Али – пятого имама ши'итов-имамитов Мухаммада б. 'Али

ал-Бакира (676–732 гг.), который отказался от вооруженного пути в пользу разработки религиозно-правовых основ ши'итской доктрины. Политическая пассивность Мухаммада ал-Бакира, позволившая ему сосредоточиться на разработке ши'итского вероучения, привела в годы его жизни к очередному расколу в ши'итском мире. Как мы видели, часть радикально настроенных ши'итов, недовольная прекращением вооруженной борьбы с Умайядами, сплотилась вокруг брата Мухаммада ал-Бакира Зайда б. 'Али, признав за ним право на имамат. Разрабатывая концепцию имамата, Мухаммад ал-Бакир, должен был, прежде всего, обосновать особую роль 'Али б. Аби Талиба при жизни Пророка Мухаммада. Это имело важное значение и для выявления необходимых качеств, которыми должен был обладать истинный имам. Самые весомые аргументы следовало искать в тексте Корана. В этом отношении, Мухаммад ал-Бакир обращал внимание на один из аятов пятой суры, в котором сказано: «Ваш покровитель – только Аллах и Его посланник и те, которые уверовали, которые выполняют молитву и дают очищение, и они преклоняются» (V: 60/55) [14]. Одна из версий предания о ниспослании этого аята гласит: когда Мухаммад получил его, 'Али б. Аби Талиб, совершая молитву, бросил кольцо нищему, который просил подавание, о чем Пророк узнал позднее. Таким образом, считал Мухаммад ал-Бакир, в своем откровении Аллах указал на Пророка и 'Али б. Аби Талиба как на покровителей верующих. Интерпретация этих и других преданий и коранических аятов позволила Мухаммаду ал-Бакиру, во-первых, обосновать, по крайней мере, для ши'итской части мусульманской уммы, особое положение 'Али б. Аби Талиба среди верующих, на которое, по его мнению, указывал как Аллах в своем откровении, так и Пророк, а во-вторых, выявить важнейшие признаки, по которым можно отличить подлинного имама.

По его мнению, Аллах наделил «людей дома Пророка» особыми знаниями, и способностью получать эти знания [15, с. 121–122]. Очевидно, что речь в данном случае идет о знаниях религиозного характера. Показателен в этом отношении следующий аят, на который ссылается ал-Бакир: «Мы дали писание в наследство тем из наших рабов, кого Мы избрали; из них есть несправедливые для самих себя, есть и умеренные, есть и опережающие благими деяниями по изволению Аллаха; это – великая милость!» (XXXV: 29/32) [14]. Все сказанное, привело Мухаммада ал-Бакира к выводу о том, что на религиозной общине лежит обязанность повиновения своим имамам, а те, кто эту обязанность игнорируют и являются «несправедливыми для самих себя». Как известно, в кораническом тексте достаточно распространенным является упоминание света (нур) Аллаха. Мухаммад ал-Бакир прямо говорит, что имамы – «свет Аллаха». Важно подчеркнуть, на чем настаивает ал-Бакир, что этот свет, как и особые знания, передаются по наследству. Иными словами, он формулирует наследственный принцип передачи имамата. Из этих положений прямо вытекает еще одно важнейшее качество, которым обладает подлинный имам – непогрешимость. С точки зрения Мухаммада ал-Бакира, Аллах управляет своими имамами и не допускает того, чтобы кто-либо из них совершил ошибку. В этой связи любопытно отметить, что в исламе получила распространение концепция «Божьего водительства». Так, например, и сунниты, и ши'иты считают,

что Пророк Мухаммад находился под постоянным водительством Аллаха. В отличие от суннитов, ши'иты распространяют это водительство и на своих имамов.

Еще одним важным положением в концепции имамата, разработанной Мухаммадом ал-Бакиром, является учение о заступничестве имамов. В соответствии с этим учением, имамы выступают заступниками верующих перед Аллахом. Основанием для такого вывода стал следующий коранический аят: «В тот день, когда Мы призовем всех людей с их имамом...» (XVII: 73/71) [14]. Как мы видели, после смерти Хусайна б. 'Али среди представителей ши'итской общины отсутствовала единая точка зрения по вопросу о том, кто конкретно из представителей «дома Пророка» должен наследовать имамат. При жизни Мухаммада ал-Бакира одновременно существовало несколько претендентов на роль имама. Вынужденный обезопасить выбор подлинного имама, ал-Бакир, считавший, что имама выбирает Аллах, формулирует принцип «ясного указания» (насс). По его мнению, в соответствии с этим принципом, пророк Мухаммад получил от Аллаха повеление назначить своим приемником 'Али б. Аби Талиба, что и было им сделано при Гадир Хумме. Точно также и каждый следующий имам объявляет своего приемника, в соответствии с волей Аллаха. Как известно, сам Мухаммад ал-Бакир назначил приемником своего сына Джа'фара ас-Садика (около 700–765 гг.). «Когда его дни подходили к концу, он попросил привести к себе свидетелей. Были собраны четверо человек из числа курайшитов, среди них Нафи, «освобожденный человек 'Абдаллаха б. 'Умара». Затем, как сообщают, ал-Бакир попросил их записать то, что пророк Йа'куб вверил своему сыну, и таким образом сделал насс в отношении своего сына Джа'фара ас-Садика» [16, с. 109]. Рассуждая о значении имамата, Мухаммад ал-Бакир, в конечном счете, приходит к выводу о том, что со времен Адама на Земле всегда существовали имамы. Имамы были и являются своеобразными вратами, через которые только и возможно прийти к Аллаху. Из этого с неизбежностью вытекает то, что имамат является не просто социальным институтом, или человеческим установлением, но своеобразной константой мироздания. По его мнению, имамы – поручители за людей перед Аллахом. Исчезновение имама привело бы к гибели мира. Таким образом, основным вкладом Мухаммада ал-Бакира в теорию имамата ши'итов-исна'ашаритов является разработка таких доктринальных положений, как: учение об особых знаниях имамов, их непогрешимости и божественном свете, передаваемых по наследству среди потомков 'Али б. Аби Талиба, онтологической обусловленности имамата, ясном указании (насс), как главном принципе передачи имамата.

Наряду с разработкой учения об имамате, ал-Бакир принимал деятельное участие и в спорах по другим богословско-правовым вопросам, волновавшим современников. В частности, он заложил основы ши'итской трактовки принципа «такийя» – «сокрытие из осторожности». Этот термин может быть расшифрован как «благоразумное скрывание своей веры», в том случае, когда жизни верующего угрожает опасность, самой вере, или общине может быть нанесен ущерб [15, с. 221–222]. Следует отметить, что упоминание о практике такийя встречается уже в кораническом тексте и на этом основании признается как суннитами, так и

ши'итами. Действительно, комментаторы Корана, в их числе и Мухаммад ал-Бакир, неоднократно обращали внимание на следующий коранический аят: «Кто отказался от Аллаха после веры в Него – кроме тех, которые вынуждены, а сердце их спокойно в вере – только тот, кто открыл неверию свою грудь, на них – гнев Аллаха, и им – наказание великое» (XVI: 108/106) [14]. Для понимания смысла этого аята приведем комментарий суннитского богослова Ибн Касира: «Что же касается слов «Не на тех, кто был принужден к этому, тогда как в его сердце покоилась твердая вера», то это исключение. Это те, кто вынуждено отрекался только на словах под пытками многобожников, но в душе оставался верующим в Аллаха и Его Посланника. Как отметил Ибн Аббас, ниспослание этого аята имеет отношение к Аммару б. Йасару, которого язычники подвергали истязаниям, пока он вынуждено не отрекся от Мухаммада... Потом он с извинениями пришел к Пророку и тогда был ниспослан этот аят... Исламские ученые единогласны в том, что если человека вынуждают отречься от веры, то он может это сделать, чтобы сохранить себе жизнь...» [17, с. 481]. Существует много преданий о том, что Мухаммад ал-Бакир практиковал принцип такийя. Одно из них, например, повествует, что однажды, отвечая на один и тот же вопрос двум разным людям, он дал им разные ответы. Когда один из его соратников поинтересовался, почему он так поступил, Мухаммад ал-Бакир, прямо сослался на принцип такийя, дословно сказав, что «это будет в большей степени способствовать нашему и твоему выживанию» [16, с. 123]. Отличительной особенностью его учения о такийя стало то, что в отличие от суннитских ученых, которые допускали использование принципа в качестве исключительной и вынужденной меры, ал-Бакир возвел эту практику в ранг обязательной. Если учесть подпольный характер ши'итского движения, надзор над деятельностью ши'итов со стороны Умаййадов, станет понятно, почему сокрытие своей веры имам считал обязанностью каждого верующего. Таким образом, были заложены основы ши'итского понимания практики такийя как религиозного долга.

Вместе с важностью вклада ал-Бакира в догматику и практику ши'итского ислама, общепризнанным является его вклад в правовую доктрину ши'изма. В правовых вопросах Мухаммад ал-Бакир исходил из того, что подлинным носителем религиозных знаний является только имам. На этом основании он делал вывод о том, что важнейшим источником мусульманского права, наряду с Кораном, должны быть предания, исходящие не от сподвижников Пророка, но переданные имамами, или подтвержденные имамами. Опираясь на это положение, сын ал-Бакира Джафар ас-Садик говорил, что до его отца верующие не знали ни правил совершения обрядов хаджа, ни того, что запретно, а что дозволено. Такая позиция привела к тому, что Мухаммад ал-Бакир отверг некоторые из методов, при помощи которых мусульманские ученые выводили правовые нормы из текста Корана и сунны Пророка. Он считал недопустимым использования суждения по аналогии (кийас). отвергал он и метод вынесения личного суждения (рай), когда мнение факиха по тому или иному вопросу возводилось в степень авторитетной правовой нормы. Несмотря на то, что ни одного сочинения ал-Бакира в сфере мусульманского права не существует, заложенные им принципы легли в основу правовых доктрин

зайдитов, исна'ашаритов и исма'илитов [18, с. 130]. Известно, что смерть имама привела к очередному расколу среди его сторонников. Догматические положения и принципы, сформулированные Мухаммадом ал-Бакиром, нашли свое развитие в деятельности его сына – шестого ши'итского имама Джафара ас-Садика, которого признало большинство последователей Мухаммада ал-Бакира. Часть его сторонников, заняв крайнюю позицию, признала Мухаммада ал-Бакира махди и стала ожидать возвращения имама. В источниках приверженцев этого направления, по имени имама, стали называть бакирийа. Другая часть его сторонников примкнула к движению правнука ал-Хасана б. 'Али б. Абу Талиба – Мухаммада ан-Нафса аз-Закийя.

Последним антиумаййадским восстанием ши'итов было выступление в Куфе в 744 г. 'Абдаллаха б. Му'авийи, который являлся правнуком брата халифа 'Али б. Аби Талиба Джа'фара б. Абу Талиба. Таким образом, уже в умаййадский период среди ши'итов Куфы был сформулирован тезис о том, что правом на верховную власть в мусульманской общине обладают не только потомки 'Али б. Аби Талиба, но и все представители рода Талибидов. Воспользовавшись смутой, вызванной смертью Йазида III (744 г.) и событиями, связанными с захватом власти Марваном б. Мухаммадом (744–750 гг.), а также вспыхнувшими в Куфе межплеменными распрями, 'Абдаллах б. Му'авийа, вероятно, уступив давлению со стороны ши'итов Куфы, провозгласил себя халифом, в мечети ему была принесена присяга. Потерпев поражение в сражении с войсками умаййадского наместника 'Абдаллаха б. Умара, который находился на тот момент в Хире, восставшие отступили в Куфу. После непродолжительной обороны Куфы 'Абдаллаху б. Му'авийи удалось уйти со своими сторонниками в Хамадан. Как свидетельствуют дошедшие до нас исторические источники, в какой-то момент под властью 'Абдаллаха б. Му'авийи оказался практически весь западный Иран, с провинциями Джибал, Ахваз, Фарс и Кирман. В конечном счете Марвану II удалось собрать армию и отправить ее на подавление восстания. Войска 'Абдаллаха б. Му'авийи были разбиты в 747 г., а сам он бежал в Хорасан, где, как сообщает ал-Хасан ан-Наубахти, был убит в темнице по приказу аббасидского полководца Абу Муслима (ум. в 755 г.) [19, с. 137].

Подводя итог антиши'итской политике Умаййадов, следует отметить то, что представители правящей династии, в отличие от пришедших им на смену Аббасидов, не стремились к поиску каких-либо религиозно-политических аргументов, при помощи которых можно было бы обосновать их права на халифат. Вместе с тем, начиная с Му'авийи б. Абу Суфйана, умаййадскими халифами последовательно проводилась антиши'итская политика. Основой этой политики Умаййадов в идеологической сфере являлась организация и осуществление соответствующей пропаганды, зримым воплощением которой было поношение 'Али б. Аби Талиба с минбаров мечетей. Не менее важным для умаййадских халифов был контроль за состоянием дел в роду Алидов, покупка лояльности их лидеров, поддержка духа соперничества между ними.

Спорным остается вопрос об организации Умаййадами физического устранения ал-Хасана б. 'Али б. Абу Талиба и сына Мухаммада б. ал-Ханафийи Абу Хашима.

Вместе с тем, Умаййады не могли не реагировать соответствующим образом на открытые ши'итские вооруженные выступления, разгром которых неизбежно сопровождался гибелью их участников. Оценивая значение и результативность ши'итских восстаний, нельзя не согласиться с высказыванием выдающегося немецкого востоковеда XIX в. Августа Мюллера: «Притязания на почитание правоверными семьи не были ими ни разу, правда, выпущены из рук. Но лишь только наступал в течении десятилетий благоприятный момент, представлявший для смелой и сильной личности повод к решительным действиям, обыкновенно не находилось никого среди них, кто бы сумел им воспользоваться. Если же какой-либо из необычайно отважных Алидов и решался, то это происходило постоянно в самое неподходящее время. Таким образом, за редкими исключениями, история этой семьи почти во все эпохи представляет печальное зрелище пропущенных моментов и бесцельных восстаний, бесполезного пролития крови, сопровождаемого глубоко проникающим потрясением всего исламского мира. Несчастный род!» [20, с. 625].

Систематический разгром ши'итский восстаний, история которых начинается в эпоху Умаййадов, не мог не оказать своего влияние на формирование особенностей ши'итского мировоззрения. В 2016 г. в Санкт-Петербурге вышло в свет учебное пособие, посвященное ши'итскому исламу, авторы которого сочли необходимым специально уделить внимание этим особенностям в одном из разделов своей работы [21, с. 21–24]. Противопоставляя суннитский и ши'итский взгляд на мир и историю мусульманской общины, авторы справедливо отмечают, что результатом неудачных попыток ши'итов поставить во главе уммы своих имамов, стало распространение в их среде религиозного пессимизма. При взгляде через призму этого пессимизма, мир представляется юдолью наполненной несправедливостью, а история цепью трагических событий, ответственность за которые лежит на суннитских халифах, начиная с Абу Бакра. «Сунниты представлялись им беспринципными оппортунистами, которые в погоне за собственной выгодой и благополучием отреклись от идеалов справедливости и благочестия, завещанных верующим в Коране и Сунне Пророка» [21, с. 22]. Восстановить эти идеалы, считают ши'иты, возможно только под руководством законного имама из рода Алидов, хотя, как показывает восстание 774 г. под руководством 'Абдаллаха б. Му'авийи, во времена Умаййадов круг претендентов на имамат мог расширяться до границ всех потомков Абу Талиба. Напряженное ожидание появления истинного имама стало характерной чертой ши'итского мировоззрения.

Гибель претендентов на роль имама, в свою очередь, оставляла различным группам ши'итов две возможности. Первая заключалась в том, что приверженцы того или иного имама попросту отказывались признавать факт его смерти. Так, например, часть ши'итов-кайсанитов верила в то, что Мухаммад б. ал-Ханафийа не умер, но пребывает в сокрытии, и ожидала его возвращения. «[Другая] секта говорила, что Мухаммад б. ал-Ханафийа – жив. не умер, что он пребывает в горах Радва, [расположенных] между Меккой и Мединой; он питается белоснежными газелями, которые с утра до вечера ходят около него; он пьет их молоко и ест их

мясо; справа от него – лев, и слева от него – лев, они будут охранять его до его выхода, его пришествия и его выступления. Кто-то из них сказал: «Справа от него – лев, а слева – леопард». Для них он – ожидаемый имам, которому Пророк возвестил, что он наполнит мир правосудием и справедливостью. Они продолжали придерживаться этого [мнения], пока не погибли и не исчезли, за исключением небольшого числа их потомков. Это – одна из кайсанитских сект» [19, с. 133].

Другая возможность предполагала передачу имамата по наследству – путь, по которому пошла, например, группа ши'итов-имамитов. Однако в этом случае опасность представляли династийные кризисы, когда после имама не оставалось наследников. Так случилось с двенадцатым имамом исна'ашаритов Мухаммадом б. ал-Хасаном ал-Махди, который, как верят исна'ашариты, ушел в сокрытие (тайнственно исчез) между 874 и 878 гг., будучи еще ребенком. Вера в остановку имамата приводила сторонников различных ши'итских групп к наделению ожидаемого имама мессианскими чертами и эсхатологическими функциями. Фигура имама сливалась с фигурой махди – «провозвестника близкого конца света...» [22, с. 163]. Таким образом, подводя итог эволюции ши'итского движения в эпоху Умаййядов, следует признать, что в этот период произошла его окончательная трансформация. Оно превратилось из движения преимущественно политического, связанного с борьбой за власть представителей семейства Талибидов, в движение религиозно-политическое, в котором институт имамата приобрел онтологическое значение.

Список использованных источников и литературы

1. The History of al-Tabari (Ta'rikh al-rusul wa 'l-muluk). – Vol. XXVIII: Abbasid Authority Affirmed / Translated and annotated by Jane Dammen McAuliffe. – Albany: State University of New York Press, 1995. – 326 p.
2. Shaykh al-Mufid. Kitab al-Irshad. The book of guidance into the lives of the twelve imams // Translated by: I. K. A. Howard. – London: Muhammadi Trust, 1981. – 524 p.
3. ас-Салляби 'Али Мухаммад. 'Али ибн Абу Талиб. Четвертый праведный халиф / Пер. с араб. Е. Сорокоумовой. – М.: Умма, 2013. – 768 с.
as-Sallyabi 'Ali Mukhammad. 'Ali ibn Abu Talib. Chetvertyi pravednyi khalif / Per. s arab. E. Sorokoumvoi. – М.: Умма, 2013. – 768 с.
4. Дафтари Фархад. История ши'итского ислама. – М.: Наталис, 2017. – 352 с.
Daftari Farkhad. Istoriya shi'itskogo islama. – М.: Natalis, 2017. – 352 s.
5. Большаков О. Г. История халифата в 4 т.– Т. III: Между двух гражданских войн (656–696). – М.: Наука, 1998. – 382 с.
Bol'shakov O. G. Istoriya khalifata v 4 t.– Т. III: Mezhdvu dvukh grazhdanskikh voin (656–696). – М.: Nauka, 1998. – 382 s.
6. Голамхосейн Заргаринежад. Движение Имама Хусайна и восстание Кербелы. – М.: ООО «Садра», 2015. – 596 с.
Golamkhosein Zargarinezhad. Dvizhenie Imama Khusaina i vosstanie Kerbely. – М.: ООО «Sadra», 2015. – 596 s.
7. The History of al-Tabari (Ta'rikh al-rusul wa 'l-muluk). – Vol. XXIX: Al-Mansur and al-Mahdi A.D. 763-786/A.H. 146-169 / Translated and annotated by Hugh Kennedy. – Albany: State University of New York Press, 1990. – 281 p.
8. Аш-Шахрастани Мухаммад 'Абд ал-Карим. Книга о религиях и сектах / Пер. с араб., введение и комментарий С. М. Прозорова. – М.: Наука, 1984. – 270 с.

- ash-Shakhrastani Mukhammad 'Abd al-Karim. Kniga o religiyakh i sektakh / Per. s arab., vvedenie i kommentarii S. M. Prozorova. – М.: Nauka, 1984. – 270 с.
9. Прозоров С. М. ал-Кайсанийя // Ислам: Энциклопедический словарь. — М.: Наука, 1991.– С. 127–128.
- Prozorov S. M. al-Kaisaniia // Islam: Ehntsiklopedicheskii slovar'. — М.: Nauka, 1991.– S. 127–128.
10. Большаков О. Г. История Халифата: в 4 т.– Т. IV: Апогей и падение арабского Халифата (695–750). – М.: Вост. лит., 2010.– 367 с.
- Bol'shakov O. G. Istoriya Khalifata: v 4 t.– Т. IV: Apogei i padenie arabskogo Khalifata (695–750). – М.: Vost. lit., 2010.– 367 s.
11. История халифов анонимного автора XI века. Факсимиле рукописи / Предисл. и крат. изложение содержания П. А. Грязневича. Указ. М. Б. Пиотровского и П. А. Грязневича. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1967.– 58 с.
- Istoriya khalifov anonimnogo avtora XI veka. Faksimile rukopisi / Predisl. i krat. izlozhenie sodержaniya P. A. Gryaznevicha. Ukaz. M. B. Piotrovskogo i P. A. Gryaznevicha. – М.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1967.– 58 s.
12. The History of al-Tabari (Ta'rikh al-rusul wa 'l-muluk). – Vol. XXVI: The Waning of the Umayyad Caliphate / Translated and annotated by Carole Hillenbrand. – Albany: State University of New York Press, 1989. – 300 p.
13. Прозоров С. М. аз-Зайдийя // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.– С. 73.
- Prozorov S. M. az-Zaidiia // Islam: Ehntsiklopedicheskii slovar'. – М.: Nauka, 1991.– S. 73.
14. Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. – Баку: Язычы, 1990. – 744 с.
- Koran / Per. I. YU. Krachkovskogo. – Baku: Yazychy, 1990. – 744 s.
15. Прозоров С. М. ат-Такийя // Ислам: энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991.– С. 221–222.
- Prozorov S. M. at-Takiiia // Islam: ehntsiklopedicheskii slovar'. – М.: Nauka, 1991.– S. 221–222.
16. Арзина Р. Л. Ранняя ши'итская мысль. Учение имама Мухаммада ал-Бакира. – М.: Наталис, 2015. – 240 с.
- Arzina R. L. Rannaya shI'itskaya mys'l'. Uchenie imama Mukhammada al-Bakira. – М.: Natalis, 2015. – 240 с.
17. Ибн Касир. Толкование Корана: в 4-х тт. – Т. II / Пер. с араб. А. А. Шипиловой. – М.: Аль-Китаб, 2015.– 656 с.
- Ibn Kasir. Tolkovanie Korana: v 4-kh tt. – Т. II / Per. s arab. A. A. Shipilinoi. – М.: Al'-Kitab, 2015.– 656 s.
18. Ньюман Э. Дж. Правовые традиции // Ши'итский мир. Традиции и современность. – М.: Наталис, 2018. – С. 111–131.
- N'yuman E.H. Dzh. Pravovye traditsii // ShI'itskii mir. Traditsii i sovremennost'. – М.: Natalis, 2018. – S. 111–131.
19. Ан-Наубахти ал-Хасан б. Муса. Ши'итские секты / Пер. с араб., введение и исследование С. М. Прозорова. – М.: Наука, 1973. – 255 с.
- An-Naubakhti al-Khasan b. Musa. ShI'itskie sekty / Per. s arab., vvedenie i issledovanie S. M. Prozorova. – М.: Nauka, 1973. – 255 s.
20. Мюллер А. История ислама: от доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2004.– 911 с.
- M'yuller A. Istoriya islama: ot doislamskoi istorii arabov do padeniya dinastii Abbasidov. – М.: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: «Izdatel'stvo AST», 2004.– 911 s.
21. Кныш А. Д., Маточкина А. И. Ши'итский ислам: учебное пособие. – СПб.: Президентская библиотека, 2016. – 183 с.
- Knysh A. D., Matochkina A. I. ShI'itskii islam: uchebnoe posobie. – SPb.: Prezidentskaya biblioteka, 2016. – 183 s.
22. Прозоров С. М. ал-Махди // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 163.
- Prozorov S. M. al-Makhdi // Islam: Ehntsiklopedicheskii slovar'. – М.: Nauka, 1991. – S. 163.

Spivak I. A. Shi'ite policy of the Umayyads

The article is devoted to the analysis of the Shi'ite policy of the Umayyads and the evolution of the Shi'ite movement in the period from 661 to 750. The text discusses the main events that influenced the relationship between the caliphs of the ruling dynasty and the leaders of various Shi'ite groups. The analysis carried out led to the conclusion that the Umayyad Shi'ite policy did not include the creation of a religious argument designed to justify their dominance. The main methods of implementing this policy were identified: control over the activities of Shiite leaders, buying their loyalty, organizing anti-Shiite state propaganda, suppressing open Shiite speeches, reprisals against their leaders and participants. On the basis of various testimonies, the accusation of Mu'awiyah b. Abu Sufyan in organizing the assassination of al-Hasan b. 'Ali b. Abi Taliba. The problem of the evolution of the Shi'ite movement under the influence of the policy of the Umayyads is considered. The conclusion is made about the final transformation of this movement from political to religious-political.

Keywords: Abu Ja'far Muhammad b. Jarir al-Tabari, Al-Hasan b. 'Ali, Al-Husayn b. 'Ali, Al-Kufah, Al-Mukhtar, Caliphate, Imam, Mu'awiyah b. Abu Sufyan, Muhammad al-Baqir, shi'a.

УДК 94(470)“16/18”

**Г. В. Ф. ЮНКЕР – ПОЭТ, ИСТОРИОГРАФ, СТРАНОВЕД
И НАДЗИРАТЕЛЬ СОЛЯНЫХ ЗАВОДОВ БАХМУТА И ТОРА**

Тарасенко Е. Н.

*Независимый исследователь,
г. Ступино Московской области, Российская Федерация
E-mail: tarasenko53evgeny@yandex.ru*

Рассматривается биография немецкого поэта и ученого Г. В. Ф. Юнкера, работавшего в России в первой половине XVIII в. Начав свою деятельность в России в 1731 г. как придворный поэт и адъютант Петербургской Академии наук, он позднее сосредоточился на естественных науках и истории. Во время Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Г. В. Ф. Юнкер состоял историографом при фельдмаршале Б. Х. Минихе и составил дневник его Крымского похода 1736 г. (позднее дневник был опубликован, но авторство приписывалось Б. Х. Миниху). Главный труд Г. В. Ф. Юнкера «Описание Украины» (1736–1737 гг.) до настоящего времени не опубликован полностью и не переведен на русский язык. Отрывок из него опубликовал в 1764 г. Г. Ф. Миллер в одном из томов «Собрания русской истории» на немецком языке, ограничившись естественно-исторической частью труда. С 1736 г. Г. В. Ф. Юнкер занимался вопросами совершенствования добычи соли в Торе и Бахмуте. Во время командировки в Германию он познакомился и плодотворно сотрудничал с М. В. Ломоносовым. Предложение Г. В. Ф. Юнкера по использованию на соляных варницах угля вместо дров имело огромную практическую ценность для Донбасса, где уже тогда было мало лесов. В статье отмечены вклад Г. В. Ф. Юнкера в развитие добычи соли в Донбассе, ценность его научного наследия для истории и краеведения Приазовья и Донбасса, а также желательность полного перевода трудов Г. В. Ф. Юнкера на русский язык и их публикации.

Ключевые слова: Юнкер, война с Турцией, описание Украины, памятники древности, добыча соли.

Ценным источником сведений о природе, населении и его ремеслах на территориях между реками Днепр и Дон во второй четверти XVIII в. являются дневниковые записи и ученые труды иностранцев на русской службе, в том или ином качестве участвовавших в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Особую ценность представляют их сообщения о древних руинах и каменных бабах на этих территориях, так как практически все эти памятники древности исчезли через несколько десятилетий, были разобраны на строительные материалы или перемещены при заселении Новороссии. Лишь часть этих ценных записок и трудов к настоящему времени опубликована и переведена на русский язык (как правило, они публиковались на немецком языке XVIII – XIX вв. с использованием готического шрифта), поэтому многое в их содержании остается практически недоступным отечественным исследователям.

Настоящая работа является попыткой обратить внимание историков и краеведов, занимающихся Северным Приазовьем и Донбассом, на творческое наследие Готтлоба Фридриха Вильгельма Юнкера (Gottlob Friedrich Wilhelm Juncker) (01.07.1703 – 10.11.1746) [2, с. 142, 157; 6, с. 201], весьма информативное в этом смысле

Г. Ф. В. Юнкер родился в Нижней Саксонии, в г. Шлейзингене (сейчас – земля Тюрингия в ФРГ) в семье известного ученого и директора гимназии Х. Юнкера. Яркий поэтический талант Г. Юнкера проявился еще в детстве. Когда в 1714 г. почти одновременно умерли его отец и мать, и восемь детей остались сиротами (Готлоб был старшим сыном в семье), он в 11 лет уже написал стихотворение на смерть отца. Точно не установлено, где Г. Юнкер окончил гимназию, но в 20-е годы XVIII в. он учился в Лейпцигском университете. Туда в 1724 г. поступил и Г. Ф. Миллер (позднее – известный российский историк, издатель многотомного «Собрания русской истории»), сыгравший существенную роль в судьбе Г. Юнкера в России. Знакомы они в университете не были, и годы спустя Г. Ф. Миллер в своих записках отметил лишь одаренность и поэтическую славу Г. Юнкера, а также его достаточно «прохладное» в юности отношение как к посещению лекций, так и к учебе [1, с. 10].

По окончании университета Г. Юнкер некоторое время работал как поэт, критик и издатель, но все его попытки завоевать статус придворного поэта и при дворе курфюрста в Лейпциге, и при королевском дворе в Берлине успеха не имели. Приехавший из России Г. Ф. Миллер застал его в Берлине летом 1731 г. в совершенно бедственном положении: оставив свои честолюбивые порывы, поэт просил Г. Ф. Миллера устроить его хотя бы домашним учителем в России [1, с. 14–19].

Г. Юнкер прибыл в С. Петербург осенью 1731 г., он произвел самое благоприятное впечатление на советника канцелярии Петербургской Академии наук И.-Д. Шумахера и был уже в ноябре назначен адъюнктом Академии. Дело в том, что в обязанности тогдашней Академии наук входила организация придворных празднеств, составление торжественных речей, од и стихов, рифмованных надписей для иллюминаций и фейерверков, что ставило порой «ученых мужей» в весьма затруднительное положение. Г. Юнкер с его поэтическим дарованием, способный написать на немецком языке неплохие стихи по любому поводу, стал для Академии и ее тогдашнего президента Л. Л. Блюментроста настоящей находкой. Уже 16 ноября 1731 г. Г. Юнкер предоставил заказанные ему сценарий и описание иллюминации к возвращению императрицы Анны Иоанновны из Москвы в С. Петербург. Его работа получила одобрение в Академии и понравилась при дворе. Она была напечатана в «Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям» и вышла отдельным изданием на немецком и русском языках. Так началась в России его слава придворного поэта, но при Академии положение Г. Юнкера было не очень прочным (профессором он стал только весной 1734 г. по именному императорскому указу). Поэтому Г. Юнкер с жаром и охотой брался за выполнение самых разнообразных обязанностей в Академии, а его бывшее «прохладное отношение» к наукам сменилось интересом и неутомимым прилежанием, что и отметил позднее Г. Ф. Миллер в своих воспоминаниях [2, с. 143; 6, с. 201]. Работая при Академии, поэт постепенно приобрел глубокие познания в истории, географии и естественных науках, и этот «научный багаж» он неутомимо пополнял до конца своей недолгой жизни.

В 1733–1735 гг. Г. Юнкер занимался составлением «Штатского и газетного лексикона» (словаря), читал лекции по истории Европы (по С. Пуффендорфу), перевел на немецкий язык известную оду В. К. Тредиаковского на взятие русской армией Данцига, подготовил весьма дельные и актуальные предложения по введению единых учебников во всех школах России [2, с. 144; 6, с. 201; 7, с. 84–106].

С началом в 1735 г. Русско-турецкой войны по ходатайству Б. Х. Миниха Г. Юнкер был определен историографом при фельдмаршале для ведения походного журнала. Журнал, как важный отчетный документ, посылался фельдмаршалом отдельными частями в Кабинет министров, для чего его переводили на русский язык (Г. Юнкер вел журнал на немецком языке, так как русским языком он практически не владел). Русский перевод журнала похода в Крым армии Б. Х. Миниха за 1736 г. отложился в архивных материалах Кабинета (Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 177, оп. 1, д. 9, 10а), он впервые был опубликован П. А. Аваковым в 2017 г. [5, с. 17–20, 57–107].

Рис. 1. Титульный лист дневника Б. Х. Миниха, опубликованного в Лейпциге в 1843 г. [22, с. 118] в виде приложения к «Истории русского государства» Е. А. Геррманна (дневник написан Г. Юнкером).

Используя исходный немецкий текст походного журнала, Г. Юнкер прибавил к нему пространную вступительную часть, посвященную истории русско-турецких отношений. Этот вариант журнала был опубликован в 1843 г. в Лейпциге на немецком языке [22, с. 119–243] (см. рис. 1), на русский язык он никогда не переводился. Журнал (Tagebuch, дневник) был напечатан в качестве одного из приложений к написанной проф. Е. А. Геррманном истории русского государства. Любопытно, что Е. А. Геррманн считал автором дневника самого Б. Х. Миниха, но в настоящее время общепризнано, что писал этот дневник Г. Юнкер, а фельдмаршал, в лучшем случае, следил за его содержанием и, возможно, что-то редактировал, а также заверял дневник своей подписью.

Дневник включает описание русско-турецких отношений, начиная с правления царя Алексея Михайловича. Описаны Азовские походы Петра I, война со шведами в Малороссии и неудачный Прутский поход. Приведено описание начала войны в 1735 г., действий войск П. П. Ласси под Азовом и Крымского похода Б. Х. Миниха в 1736 г. Дневник существенно дополняет известные записки Г. К. Манштейна и И. Я. Лерхе [11, 18], посвященные истории этой русско-турецкой войны. Кроме подробного описания военных действий, в дневниковой записи от 19 августа 1736 г. упомянуты южнее порогов Днепра руины татарского города: «При переходе нашей армии через устье реки Белозерка <...>, недалеко от этой реки еще виден остаток вала и рва бывшего там прежде татарского города, который до этого был занят татарскими князьями, но затем полностью превращен султаном Мамаем в развалины» [22, с. 240]. По нашему мнению, речь здесь идет о Каменском городище, хорошо известном и изученном археологическом памятнике скифского времени и Золотой Орды южнее г. Запорожье [4, с. 491–493, рис. 1].

Наиболее значимый труд Г. Юнкера – «Gegründeter Bericht von den gegenwärtiger Beschaffenheit der Länder und Völker zwischen und an dem Dniepr und Don und besonders dem hiesigen Cosackischen Wesen» («Обстоятельное описание современного состояния земель и народов между реками и по рекам Днепр и Дон и, особенно, состояния здешнего казачества»). Сейчас его принято кратко называть «Описанием Украины», это сокращенное название впервые было введено Г. Ф. Миллером в 1764 г. [20, с. 2, 3]. Такое краткое название труда без оговорок использовали О. М. Бодянский (1848), Е. Н. Соколов (1906) [17, с. 519], Я. Д. Исаевич (1969) [6, с. 206], оно стало общепринятым. Следует отметить, что введенное Г. Ф. Миллером название для 30-х гг. XVIII в. (когда Г. Юнкер писал свой труд) является не совсем корректным. Дело в том, что и сам Г. Юнкер, и его просвещенные современники, и официальная власть называли тогда Украиной только территории Малороссии (Гетьманщины) и Слобожанщины [19, с. 89]. Между Днепром и Доном за рамками тогдашнего топонима «Украина» оставались земли Запорожской Сечи, область донского казачества, степи южнее Днепровских порогов, где продолжали кочевать татары. Это прекрасно понимал Г. Юнкер, описывая территории между Днепром и Доном, он использовал выражение «вся Украина и прилегающие провинции» [20, с. 18, 58, 77]. Таким образом, мы отдаем себе отчет, что предложенное Г. Ф. Миллером краткое название главного труда

Г. Юнкера не совсем корректно, но оно сложилось исторически и общепринято. Поэтому этот труд в настоящей статье будем и далее называть «Описание Украины».

Следует также отметить, что в примечании к своей публикации [20, с. 1] (см. рис. 2) Г. Ф. Миллер ошибочно указал, что Г. Юнкер родился в 1702 г. Правильная дата его рождения (01.07.1703 г.) была установлена только в середине XX в. по метрическим книгам г. Шлейзингена [2, с. 142].

Г. Юнкер начал готовить свой труд, еще находясь при армии Б. Х. Миниха. Не полагаясь лишь на свои познания и наблюдения, он направил в Петербургскую Академию наук ряд вопросов по истории и физической географии Малороссии (Гетьманщины) и Слободской Украины, на которые с готовностью ответили профессора Г. З. Байер, Г. В. Крафт и Л. Эйлер [2, с. 145; 7, с. 202–203].

В конце декабря 1736 г. Г. Юнкер вернулся из армии в С. Петербург, а 28 декабря 1737 г. представил свое «Описание Украины» Академии и получил ее положительный отзыв. Летом 1739 г. профессор Я. Я. Штелин, по поручению президента Академии И. А. фон Корфа, готовил труд к публикации, но, по невыясненным причинам, публикация тогда так и не состоялась. Судя по более поздним описаниям, рукопись состояла из 6 глав (160 страниц), в ней имелись рисунки «каменных баб». Весьма подробно были описаны география (рельеф, речная сеть, города и селения), фауна и флора, полезные ископаемые, земледелие, промышленность (добыча соли), ремесла и торговля [2, с. 146; 6, с. 202–203].

Особый интерес для истории и археологии Северного Приазовья представляет имеющееся в этой работе Г. Юнкера упоминание о древних руинах в нижнем течении Кальмиуса: «При самом впадении Калмиуса в Меотическое озеро находятся занимающие большое пространство развалины древнего города, где, по преданиям, было главное пребывание известного татарского хана Султана Мамаю» (сообщение П. А. Авакова в личной переписке). Ряд письменных источников свидетельствуют о недолгом существовании в конце XVI в. в низовьях Кальмиуса татарского города Балысарай (Болы-Сарай) или Калмиус (не исключено, что это были два разных поселения). Город этот построил Адил-Гирей (сын Девлет-Гирея) около 1577 г., и просуществовал он не более 20 лет. Балысарай был уничтожен в ходе династического кризиса, разразившегося в Крымском ханстве после смерти Девлет-Гирея летом 1577 г. [10, с. 70, 71, 74; 13, л. 20 об.–21, 25 об., 37 об.–39; 14, л. 195 об.; 21, с. 106].

На раннем плане устья Кальмиуса, составленном П. Бергманом в 1702 г., также обозначен на коренном высоком правом берегу недалеко от моря некий «бывший город», т.е. какие-то древние руины [9, с. 140]. Упомянутые Г. Юнкером древние руины могут оказаться тем самым татарским городом Балысараем, существовавшим в конце XVI в. в низовьях Кальмиуса, место расположения которого давно уже пытаются установить историки и местные краеведы [8, с. 479–481, 484].

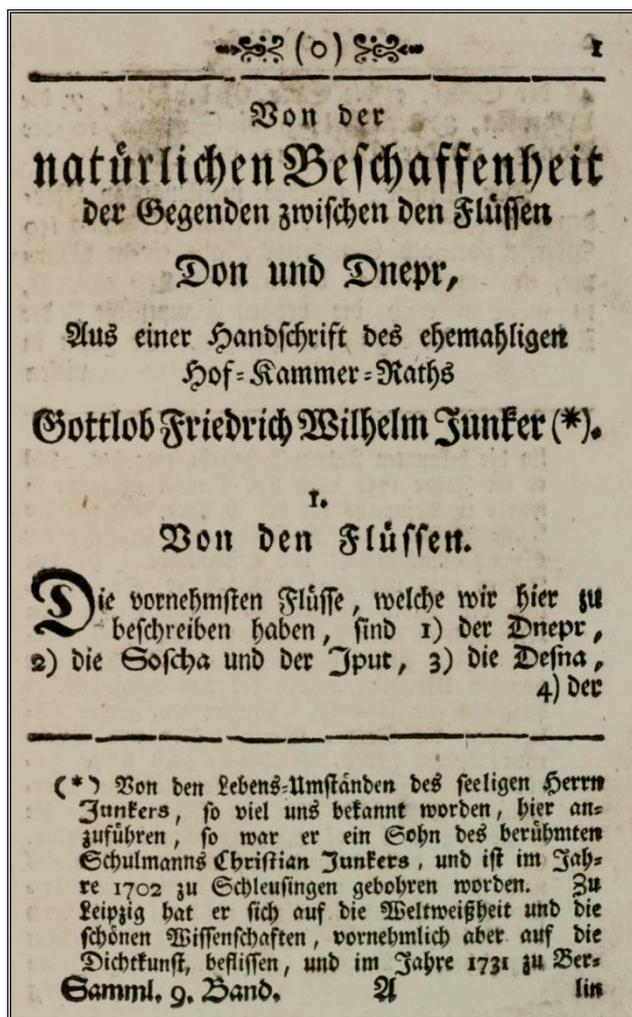

Рис. 2. Первая страница отрывка из сочинения Г. Ф. В. Юнкера «Описание Украины», опубликованного Г. Ф. Миллером в 1764 г. в «Собрании русской истории» [20, с. 1].

Дальнейшая судьба рукописи Г. Юнкера «Описание Украины» сложилась не очень удачно, до настоящего времени она полностью так и не была опубликована. Г. Ф. Миллер в 9-м томе «Собрания русской истории» за 1764 г. опубликовал на немецком языке лишь часть этой рукописи, оказавшейся в его знаменитых «портфелях» [20, с. 1–84]. В опубликованном Г. Ф. Миллером фрагменте описаны реки от Днепра до Дона, климат и почвы, сельское хозяйство и его продукты, тогдашняя фауна и флора края, минералы; почти треть фрагмента посвящена

месторождениям и добыче соли в Бахмуте и Торе. Упоминание руин древнего татарского города в низовьях Кальмиуса в опубликованном фрагменте отсутствует, публикация Г. Ф. Миллера до сих пор не переведена на русский язык.

Почти через столетие после написания Г. Юнкером рукописи «Описание Украины» на нее обратил внимание профессор-славист Московского университета О. М. Бодянский (1808–1877), секретарь «Общества истории и древностей российских». Он собирался опубликовать в 1848 г. рукопись полностью и организованный им ее перевод на русский язык в «Чтениях общества истории и древностей российских» (ЧОИДР). На свою беду, О. М. Бодянский опубликовал в 1848 г. сочинение британского дипломата Дж. Флетчера (ок. 1549–1611) «О государстве русском ...» (1591), вызвавшее крайне негативную реакцию российской власти. Секретарь Общества профессор О. М. Бодянский министром просвещения графом С. С. Уваровым был «отчислен от этого звания и переведен из Московского университета в Казанский», а издание выпусков ЧОИДР было временно приостановлено.

Неопубликованный перевод рукописи (объем – 83 страницы, автор перевода, скромно подписавший в 1848 г. свой труд сокращением «К.», пока не установлен) оказался в собрании рукописей Московского общества истории и древностей российских, в 60-е гг. XX в. перевод хранился в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в фонде «Общества истории и древностей российских» (ОИДР), ед. хранения 264 [6, с. 205–207; 17, с. 519–520]. В настоящее время найти эту рукопись перевода на русский язык главного труда Г. Юнкера «Описание Украины» в современном Отделе рукописей Российской государственной библиотеки пока не удалось.

В конце 1735 г. Б. Х. Миниху было поручено обследовать соляные заводы Бахмута и Тора с целью извлечения из них «большей пользы». Непосредственным исполнителем поручения генерал-фельдмаршал определил Г. Юнкера, и этот выбор, как показали дальнейшие события, оказался очень удачным. Г. Юнкер принялся за дело со свойственной ему энергией и основательностью: зимой 1735/1736 гг. он осмотрел соляные заводы Бахмута и Тора и собрал нужные сведения.

Уже 1 февраля 1736 г. Г. Юнкер написал из Изюма в Академию наук, что он готовит предложения по увеличению дохода соляных заводов с 500 тыс. до 1,5 млн. рублей в год без больших издержек. 20 февраля 1736 г. предложения Г. Юнкера в виде большой рукописи были представлены Б. Х. Миниху [2, с. 145]. Одновременно он написал небольшое сочинение «Известие об украинских соляных заводах» [16, л. 1–7 об.], в котором описывает производство соли в Бахмуте, Торе и Спиваковке, указывает срочные меры для его совершенствования и отмечает наличие в 20 верстах от Бахмута залежей каменного угля, слюды, алебастра и железной руды [2, с. 145–146].

В январе 1737 г. Г. Юнкер подал императрице описание соляных заводов и свои предложения по их совершенствованию, которые были одобрены при дворе, но указ о его назначении надзирателем над соляными заводами в Бахмуте и Торе и о получении им чина надворного камерного советника вышел только 30 июля 1737 г.

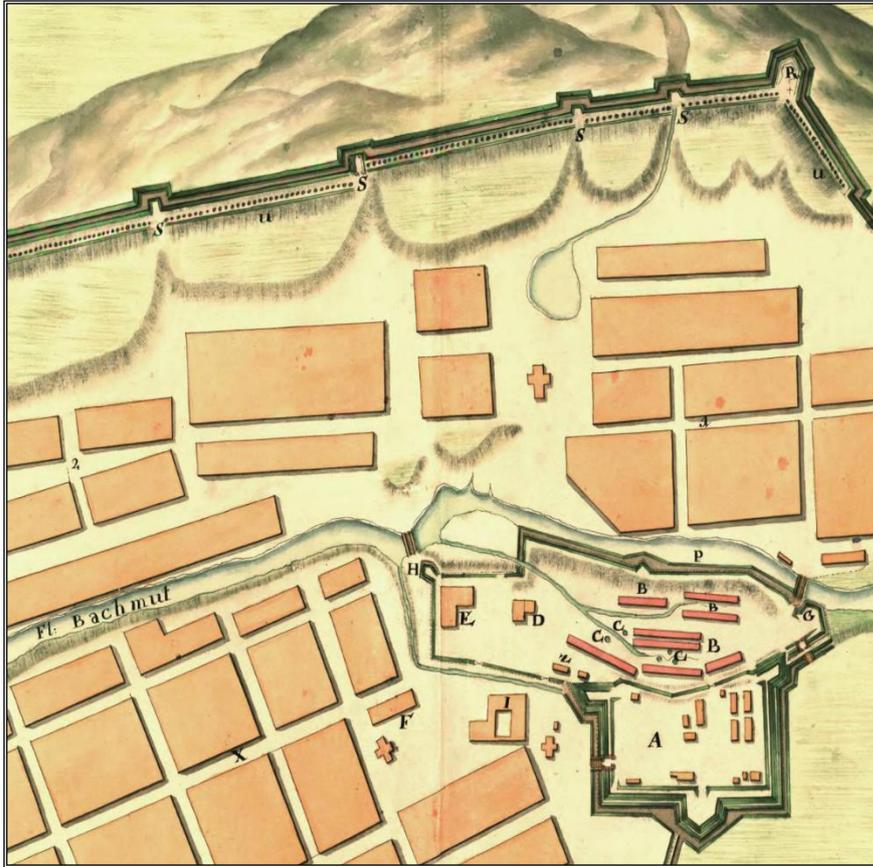

Рис. 3. «Соляная экономия» на плане г. Бахмут второй половины XVIII в. (фрагмент плана города) [12].

Обозначения: А – крепость, В – соляные варницы, С – соляные источники (колодцы), D – канцелярия, Е – соляной амбар, Z – мельница, I – жилища солеваров.

В связи с новым назначением Г. Юнкер был уволен с должности ординарного профессора Академии (но сохранил звание почетного профессора), теперь он оказался в подчинении Соляной конторы, которой руководил тогда граф Р. Г. Левенвольде. Осенью 1737 г. Г. Юнкер был командирован в Германию для изучения состояния тамошней «соляной экономии», заимствования богатого опыта, научно-технических наработок и найма специалистов. В «немецкой земле» он находился до 1740 г., а летом 1739 г. во Фрайберге состоялось его знакомство с М. В. Ломоносовым, приехавшим туда с двумя другими русскими студентами изучать химию и горное дело. Г. Юнкер деятельно способствовал качественному обучению русских студентов во Фрайберге, с М. В. Ломоносовым он делился

накопленными научными знаниями по добыче соли, а М. В. Ломоносов переводил по поручению Г. Юнкера собранные в Германии материалы «по соляной экономии» на русский язык [2, с. 148–150].

После возвращения из Германии указом от 11 августа 1740 г. Г. Юнкер был направлен на соляные промыслы Тора и Бахмута, 3 марта 1741 г. он прибыл в Тор.

Вместе с Г. Юнкером были командированы инженер-капитан И. Мазовский, 4 геодезиста и мельничник мастер. Экспедиция Г. Юнкера получила копии карт местности, инструменты и приборы, были направлены указы воеводам и губернаторам о содействии ей, а в мае 1741 г. Соляная контора выдала на реализацию проектов 10000 рублей [2, с. 151].

Несмотря на старание Г. Юнкера, дело об улучшении соледобычи двигалось туго, его переписка с С. Петербургом помогала мало, и в сентябре 1741 г. он выехал из Тора в столицу, чтобы «добиться резолюции». Там Г. Юнкер составил «Нижайший доклад и непредвзятое мнение императорскому Соляному комиссариату о соляных делах ...». Доклад был переведен на русский язык М. В. Ломоносовым, а его немецкий оригинал хранится в РГАДА (ф. 261, кн. 5458., л. 1–32). К настоящему времени убедительно доказано, что автором доклада был Г. Юнкер, но еще в середине XX в. были попытки приписать авторство М. В. Ломоносову [3, с. 91–92; 96–101].

После воцарения Елизаветы Петровны (ноябрь 1741 г.) состав двора кардинально обновился, вместо Кабинета министров появился Сенат, какой-то поддержки от высших инстанций Г. Юнкер теперь получить уже не мог. Его доношения о необходимости дополнительных вложений в совершенствование соледобычи в Торе и Бахмуте привели лишь к тому, что в 1743 г. Сенатом был направлен в Тор подполковник А. Глебов для проверки использования полученных ассигнований и оценки целесообразности дальнейших инвестиций. Положительное заключение А. Глебова (в 1744 г.) мало помогло делу, новых вложений не последовало, а работникам заводов (как и самому Г. Юнкеру) годами задерживали жалование. Летом 1746 г. Г. Юнкер доносил Сенату, что он завершает проект варки соли в Бахмуте с использованием каменного угля вместо дров [15, л. 831], что решало острейшую тогдашнюю проблему недостатка топлива из-за вырубки лесов в тех местах.

До практической реализации своего проекта Г. В. Ф. Юнкер уже не дождался, он умер от тяжелой болезни 10 ноября 1746 г. в С. Петербурге [2, с. 156–157]. Его научные труды и практическая деятельность создали основу для дальнейшего развития «соляного промысла» в Бахмуте и Торе во второй половине XVIII в. (см. рис. 3).

Автор признателен К. Ю. Лаппо-Данилевскому (С. Петербург, Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом)) за советы и полезные замечания при подготовке этой работы.

Список использованных источников и литературы

1. Алексеева Н. Ю. Петербургский немецкий поэт Г. Ф. В. Юнкер / Н. Ю. Алексеева // XVIII век. Сборник статей и материалов. – СПб.: Наука, 2002. – Вып. 22. – С. 8–27.
Alekseeva N. YU. Peterburgskii nemetskii poet G. F. V. Yunker / N. YU. Alekseeva // XVIII vek. Sbornik statei i materialov. – SPb.: Nauka, 2002. – Вып. 22. – С. 8–27.
2. Андреева Г. А. М. В. Ломоносов и Г. Ф. В. Юнкер / Г. А. Андреева // Ломоносов: сб. ст. и материалов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. IV. – С. 141–157.
Andreeva G. A. M. V. Lomonosov i G. F. V. Yunker / G. A. Andreeva // Lomonosov: sb. st. i materialov. – М.; Л.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – Т. IV. – С. 141–157.
3. Данилевский В. В. Ломоносов на Украине / В. В. Данилевский / Под ред. В. В. Мавродина. – Л.: Лениздат, 1954. – 136 с.
Danilevskii V. V. Lomonosov na Ukraine / V. V. Danilevskii // Pod red. V. V. Mavrodina. – L.: Lenizdat, 1954. – 136 s.
4. Ельников М. В. Памятники золотоордынского периода в Нижнем Поднепровье / М. В. Ельников // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Кишинев: Stratum plus, 2015. – С. 479–508.
El'nikov M. V. Pamyatniki zolotoordynskogo perioda v Nizhnem Podneprov'e / M. V. El'nikov // Genuehzskaya Gazariya i Zolotaya Orda. – Kishinev: Stratum plus, 2015. – С. 479–508.
5. Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг. / Сост., вступ. статья, археограф. введение, коммент. и указатели П. А. Авакова, отв. ред. И. О. Тюменцев. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. – 484 с.
Zhurnaly Krymskikh pokhodov rossiiskoi armii 1735–1738 gg. / Sost., vstup. stat'ya, arkeograf. vvedenie, komment. i ukazateli P. A. Avakova, otv. red. I. O. Tyumentsev. – Rostov n/D: Izd-vo YUNTS RAN, 2017. – 484 s.
6. Исаевич Я. Д. Г. Ф. В. Юнкер и его описание Украины / Я. Д. Исаевич // Германо-славянские культурные связи и отношения. – М.: Наука, 1969. – С. 201–208.
Isaevich YA. D. G. F. V. Yunker i ego opisaniye Ukrainy / Ya. D. Isaevich // Germano-slavyanskie kul'turnye svyazi i otnosheniya. – М.: Nauka, 1969. – С. 201–208.
7. Кирикова О. А. Предложение Г. Ф. В. Юнкера «касательно введения одинаковых книг во всех школах Российской империи» (1735 г.): к предистории школьных реформ в России / О. А. Кирикова, Т. В. Костина // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. IV: Педагогика. Психология. – 2020. – Вып. 58. – С. 84–106.
Kirikova O. A. Predlozhenie G. F. V. Yunkera «kasatel'no vvedeniya odinakovykh knig vo vsekh shkolakh Rossiiskoi imperii» (1735 g.): k predistorii shkol'nykh reform v Rossii / O. A. Kirikova, T. V. Kostina // Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Ser. IV: Pedagogika. Psikhologiya. – 2020. – Вып. 58. – С. 84–106.
8. LV. Двухвековое противостояние: татарско-казацкие времена на нижнем Кальмиусе / LV // Музейный вестник Республики. – Донецк, 2017. – С. 478–491.
LV. Dvukhvekovoe protivostoyanie: tatarsko-kazatskie vremena na nizhnem Kal'miuse / LV // Muzeinyi vestnik Respubliki. – Donetsk, 2017. – С. 478–491.
9. LV. Картографические съемки устья Кальмиуса в период до возникновения Мариуполя / LV // Мариупольский краеведческий сборник. 2020 г.: Материалы региональной научной конференции «Мариуполь в краеведческом измерении», посвященной 100-летию Мариупольского краеведческого музея. Мариуполь, 7 февраля 2020 г. – Херсон: Гельветика, 2020. – С. 140–143.
LV. Kartograficheskie s"emki ust'ya Kal'miusa v period do vzniknoveniya Mariupolya / LV // Mariupol'skii kraevedcheskii sbornik. 2020 g.: Materialy regional'noi nauchnoi konferentsii «Mariupol' v kraevedcheskom izmereni», posvyashchennoi 100-letiyu Mariupol'skogo kraevedcheskogo muzeya. Mariupol', 7 fevralya 2020 g. – Kherson: Gel'vetika, 2020. – С. 140–143.
10. Лашков Ф. Ф. Статейный список московского посланника в Крыму Ивана Судакова в 1587 – 1588 году / Ф. Ф. Лашков // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1891. – № 14. – С. 43–80.
Lashkov F. F. Stateinyi spisok moskovskogo poslannika v Krymu Ivana Sudakova v 1587 – 1588 godu / F. F. Lashkov // Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. – 1891. – № 14. – С. 43–80.

11. Манштейн К. Г. Записки о России / К. Г. Манштейн. – Ростов-на-Дону: Феникс. – 1998. – 448 с.
Manshtein K. G. Zapiski o Rossii / K. G. Manshtein. – Rostov-na-Donu: Feniks. – 1998. – 448 s.
12. План г. Бахмут. Национальный архив Швеции. [Электронный ресурс]. URL: https://sok.riksarkivet.se/bildvisning/K0004367_00001?c=0&m=0&s=0&cv=0#?cv=0&z=-2048.9304%2C-350.9444%2C12420.861%2C7018.8889&c=0&m=0&s=0 (дата обращения: 18.10.2020).
Plan g. Bakhmut. Natsional'nyi arkhiv Shvetsii. [Ehlektronnyi resurs]. URL: https://sok.riksarkivet.se/bildvisning/K0004367_00001?c=0&m=0&s=0&cv=0#?cv=0&z=-2048.9304%2C-350.9444%2C12420.861%2C7018.8889&c=0&m=0&s=0 (data obrashcheniya: 18.10.2020).
13. Российский государственный архив древних актов (далее, РГАДА), ф.123, оп. 1, д. 15.
Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (dalee, RGADA), f.123, op. 1, d. 15.
14. РГАДА, ф.123, оп. 1, д. 21.
RGADA, f.123, op. 1, d. 21.
15. РГАДА, ф. 248, кн. 1604.
RGADA, f. 248, kn. 1604.
16. РГАДА, ф. 375, оп. 1, д. 62.
RGADA, f. 375, op. 1, d. 62.
17. Соколов Е. Н. Библиотека императорского общества истории и древностей российских / Е. Н. Соколов // Чтения общества истории и древностей российских. – 1906. – Кн. 1. – С. 519–520.
Sokolov E. N. Biblioteka imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh / E. N. Sokolov // Chteniya obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh. – 1906. – Кн. 1. – С. 519–520.
18. Тарасенко Е. Н. И. Я. Лерхе и его «История жизни и путешествий ...» о Северном Приазовье в 1738–1739 гг. / Е. Н. Тарасенко. – Нижневартовск: НВГУ, 2019. – 118 с.
Tarasenko E. N. I. YA. Lerkhe i ego «Istoriya zhizni i puteshestvii ...» o Severnom Priazov'e v 1738–1739 gg. / E. N. Tarasenko. – Nizhnevartovsk: NVGU, 2019. – 118 s.
19. Тарасенко Е. Н. Украина, украинские и запорожские казаки в дневниковых записях военного врача И. Я. Лерхе за 1736–1739 гг. / Е. Н. Тарасенко // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Т. 7: Социально-политические и исторические науки. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – С. 88–91.
Tarasenko E. N. Ukraina, ukrainskie i zaporozhskie kazaki v dnevnikovykh zapisyakh voennogo vracha I. YA. Lerkhe za 1736–1739 gg. / E. N. Tarasenko // Donetskie chteniya 2018: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Donetsk, 25 oktyabrya 2018 g.). – Т. 7: Sotsial'no-politicheskie i istoricheskie nauki. – Donetsk: Izd-vo DoNNU, 2018. – С. 88–91.
20. Juncker, G. F. W. Von der natürlichen Beschaffenheit der Gegenden zwischen den Flüssen Don und Dnepr aus einer Handschrift des ehemaligen Hof-Kammer-Raths G. F. W. Juncker / G. F. W. Juncker // Sammlung Russischer Geschichte. – St. Petersburg, 1764.– Bd IX.– S. 1–84.
21. Listy Stanisława Zolkiewskiego. 1584–1620. – Krakow: Druk. Univ. Jagiellońskiego, 1868. – 152 s.
22. Tagebuch des Generalfeldmarschalls Grafen von Münnich, mit 2 Beilagen und Einleitung / Beiträge zur Geschichte des russischen Reichs von E. A. Herrmann. – Leipzig : Verlag der J. C. Hinrichsen Buchhandlung, 1843.– 246 s.

Tarasenko E. N. G. V. F. Junker – poet, historiographer, country scientist and supervisor of the salt factories of Bakhmut and Tor.

The article examines the biography of the German poet and scientist G. V. F. Junker, who worked in Russia in the first half of the XVIII century. Having started his activity in Russia in 1731 as a court poet and adjunct of the St. Petersburg Academy of Sciences, he later focused on natural sciences and history. During the Russian-Turkish War of 1735–1739, G. V. F. Junker was a historiographer under Field Marshal B. H. Minikh and compiled a diary of his Crimean campaign in 1736 (later the diary was published, but the authorship was attributed to B. H. Minikh). The main work of G. V. F. Junker's «Description of Ukraine» (1736–1737) has not been published in full and has not been translated into Russian to date. An excerpt from it was published in 1764 by G. F. Miller in one of the volumes of the "Collection of Russian History" in

German, limiting himself to the natural-historical part of the work. Since 1736, G. V. F. Junker has been engaged in improving the extraction of salt in the Tor and Bakhmut. During a business trip to Germany, he met and fruitfully collaborated with M. V. Lomonosov. Proposal by G. V. F. The Junker on the use of coal instead of firewood on salt cookers was of great practical value for Donbass, where there were already few forests at that time. The article highlights the contribution of G. V. F. Junker to the development of salt mining in the Donbass, the value of his scientific heritage for the history and local history of the Azov region and Donbass, as well as the desirability of a complete translation of G. V. F. Junker's works into Russian and their publication.

Keywords: Junker, the war with Turkey, description of Ukraine, monuments of antiquity, salt extraction

УДК 94(47).048

ПОХОДУ ПЕТРА БЕКЕТОВА В ЗАБАЙКАЛЬЕ 370 ЛЕТ: НОВЫЕ ШТРИХИ К ИЗВЕСТНЫМ СОБЫТИЯМ

Трухин В. И.

*Фонд поддержки социально-ориентированных проектов и программ
«Петропавловск», Москва, Российская Федерация*

E-mail: tru_vi@mail.ru,

Багрин Е. А.

*Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

E-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Изучена большая часть известных на данный момент опубликованных и неопубликованных источников XVII века, в которых нашли отражение события, связанные с походом отряда Петра Бекетова в Забайкалье в 1652–1654 гг. Авторам удалось более детально представить хронологию похода, уточнить сведения касающиеся состава экспедиции, постройки острогов и зимовий. В приложение к исследованию представлен именной список большинства участников похода, а также, впервые полностью опубликованы три отписки, отправленные Бекетовым из Иргенского острога.

Ключевые слова: история, Сибирь, Забайкалье, Даурия, казаки, Петр Бекетов, р. Шилка, оз. Иргень, XVII век

В 2022 г. исполнилось 370 лет начала похода в Забайкалье под руководством енисейского сына боярского Петра Ивановича Бекетова, одного из самых известных первопроходцев Сибири. Эта экспедиция привлекала внимание многих исследователей [1–3; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 17–19; 22; 37 и др.]. Вероятно, первое и наиболее подробное ее описание дал И. Э. Фишер в «Сибирской истории», изданной в России еще в 1774 г. [37]. Однако в дальнейшей историографии, посвященной этой экспедиции, она описывалась весьма поверхностно. Как правило, авторы ограничивались изложением общей канвы событий или заостряли свое внимание на узких проблемах, упуская из виду многие важные детали. Кроме того, основой для большинства исследований стали только несколько документов, опубликованных в разное время. Это отписки П. Бекетова, А. Пашкова и О. Степанова, изданные в «Дополнениях к актам Историческим» и «Сборнике документов по истории Бурятии» [9, с. 343–345, 390–396, 523–528; 33, с. 203–208]. Новые сведения, появлялись довольно редко. Например, в книге Г. А. Леонтьевой «Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров» был опубликован «Послужной список казаков,

защищавших Кумарский острог», включивший в себя значительную часть участников экспедиции П. Бекетова [22, с. 134–140].

В то же время, комплекс источников, относящихся к этому походу, значительно богаче. Еще в 1974 г. известный исследователь истории Забайкалья В. Г. Изгачев в цикле статей «Иргенские отписки Петра Бекетова», напечатанных в газете «Забайкальский рабочий», ввел в научный оборот¹ три отписки П. Бекетова, написанные в Иргенском остроге [14; 15; 16]. К сожалению, В. Г. Изгачев допустил достаточно вольную интерпретацию этих документов, не опубликовав полностью их текст. Кроме того, ряд источников по этой же теме был выявлен им в центральных архивах в 1973 г. Изгачев получил их архивные копии и передал в краеведческий музей Нерчинска, где они и хранятся, оставаясь по-прежнему не опубликованными (номер в Госкаталоге: 20010569)².

«Иргенские отписки» привлекались к работе М. П. Крадиным и М. Ю. Тимофеевой, однако авторы ограничились цитированием информации, касающейся только градостроительных вопросов [8; 19]. Одна из отписок П. Бекетова в 1983 г. была частично опубликована В. Ф. Балабановым и стала широко известна в среде забайкальских историков и краеведов [24]. В 2003 г. она была переиздана, а ее данные легли в основу дискуссии о том, можно ли П. Бекетова считать основателем города Читы [8; 19; 25]. Однако эту публикацию нельзя считать полноценной, поскольку она представляет из себя компиляцию из двух «Иргенских отписок» П. Бекетова. В то время как третья отписка осталась вне фокуса внимания исследователя. В данной статье мы привели полные тексты всех трех отписок (См. Приложение).

Еще одним значимым для изучаемой темы документом является «скаска» П. Бекетова, составленная в Якутском остроге в 1657 г. Впервые, она опубликована Г. Б. Красноштановым в 2009 г. в книге «Ерофей Хабаров». Однако самую поврежденную часть этого документа, относящуюся к забайкальскому этапу похода, Красноштанов не привел [21, с. 556–557].

Для написания данного исследования нами была привлечена значительная часть из известных на данный момент опубликованных и неопубликованных документов, относящихся к походу П. Бекетова в Забайкалье. Главным образом, это копийные материалы XVIII в., входящие в собрание Г.Ф. Миллера, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Несмотря на то, что эти копии содержат пропуски, искажения наименований и т. п., что уже неоднократно отмечалось в литературе, они несут в себе информацию, содержащуюся в материалах, которые к настоящему времени уже утрачены. Другая половина источников представляет собой оригинальные документы XVII в., хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фондах 214 и 1177. Внимательное изучение всего комплекса источников, а также,

¹ По всей видимости, часть из этих документов использовал Фишер.

² Государственное учреждение культуры «Нерчинский краеведческий музей» (ГУК «НКМ»).

сведений, приведенных в научных работах, позволило нам более детально восстановить историю и хронологию этого похода.

1649 г. когда приказной человек Баргузинского острога енисейский сын боярский Иван Галкин послал на р. Шилку 3-х служилых людей «Завьялка Андреева с товарищи», чтобы привести князца Лавкая и других иноземцев к «государской милости», можно считать точкой отсчета проникновения русских в Восточное Забайкалье [9, с. 221]. С этого момента Баргузинский острог стал центром разведки восточной части Забайкалья. В 1650/1651 (7159) году баргузинские служилые люди Якунко Софонов, Ивашко Герасимов Чебычаков, Максимко Уразов, Кирилко Емельянов, Матюшка Сауров совершили туда успешный поход «для государева ясачного сбора». Кроме того, они собрали сведения о тунгусах, живущих в районе Беклемишевских¹ озер, описали сами озера, указав возможные пути следования на оз. Иргень, р. Шилку и «стороннюю» от нее р. Нерчу. Казаки предлагали поставить остроги на оз. Иргень и р. Шилке в устье р. Нерчи. Из Баргузинского острога до оз. Иргень можно было дойти на лошадях за 6 дней, а водным путем через оз. Байкал и затем по рекам Селенге и Килке² малыми дощаниками за 3 месяца. Осуществить строительство крепостей в Забайкалье по их расчетам можно было в течение «одного лета». Однако самостоятельно осваивать этот новый, огромный по размерам регион, баргузинский гарнизон, в которой входили всего 70 чел., не имел возможности. Приказной человек Баргузинского острога енисейский сын боярский Василий Колесников сообщил об этом енисейскому воеводе Афонасию Пашкову, который, получив эти сведения, решил направить в Забайкалье большой отряд для закрепления этих земель за Россией [9, с. 343–345; 33, с. 190–191; 37, с. 558–559; 6, с. 41].

Пашков доложил о своем решении Томскому разрядному воеводе Михаилу Вольнскому. Эта отписка Пашкова, датируемая 11 апреля 1652 г., подробно повествует о его планах отправить «на великую реку Шилку и Иргень озеро» отряд из 100 енисейских служилых людей³. Личность служилого человека, который должен был возглавить этот отряд, в этом документе еще не была определена [9, с. 343–345].

Руководство экспедицией Пашков поручил енисейскому сыну боярскому П. Бекетову, имевшему огромный опыт присоединения новых сибирских территорий к России. Основными целями экспедиции были заявлены: строительство одного острога на озере Иргень, а другого на реке Шилке «в самых крепких и в угодных местах». Отсюда предстояло привести в российское подданство «немирных

¹ Современное название Ивано-Арахлейской группы озёр, расположенных на высоком (до 1000 м) заболоченном плоскогорье, служащем водоразделом между бассейнами Витима и Селенги.

² Река Хилок.

³ Интересно, что в бюджете Енисейска не было средств для выплаты жалованья вперед на 2 года для служилых людей, отправлявшихся в дальний забайкальский поход, что было обычной практикой в Сибири. Для того чтобы изыскать средства, Пашков в 2 раза увеличил стоимость «горячего вина», доходы от продажи которого должны были направляться в Якутск. Полученная сверхприбыль осталась в Енисейске для выплаты необходимых окладов [9, с. 345].

землиц людей» и собирать с них ясак, а также начать поиск месторождения серебряной руды [35, л. 326; 14, с.4].

Отряд, возглавляемый П. Бекетовым, был сформирован из 120 чел. служилых людей Енисейского острога, в т.ч. двух пятидесятников и не менее одиннадцати десятников. Часть служилых людей отправила вместо себя казачьих наемщиков из числа родственников, гулящих или промышленных людей, отдав им выделенные для похода средства. Кроме того, к ним присоединились охочие люди (добровольцы, изъявившие желание участвовать в походе). Также, в состав экспедиции вошли несколько человек, вероятно, ссыльных, которых планировалось «посадить на пашню» в качестве пашенных крестьян [26, л. 2]. Нам удалось установить имена большинства участников экспедиции (См. Таблица).

В запас отряду П. Бекетова выдали только 10 мушкетов, 7 пудов пороха, 6 пудов свинца и 115 пик, хотя енисейский воевода Пашков считал, что для присоединения Забайкалья к России в регионе нужно иметь гарнизон, имеющий в своем распоряжении как минимум 10 пушек полковых, 500 пудов пороха, 500 пудов свинца и 500 мушкетов [28, л. 580; 27, л. 33]. Все служилые люди получили денежное и хлебное жалованье, свинец и порох из расчета на два года [26, л. 2].

В целом задачи, стоящие перед отрядом, были стандартными. Вместе с тем, в ходе его формирования возникли проблемы, которые своевременно не были выявлены. В 50-е годы XVII столетия русское население Восточной Сибири, по меткому замечанию Е. В. Вершинина, было охвачено «даурской лихорадкой». К торговым, промышленным и гулящим людям, стремившимся попасть в Даурию, присоединялись и служилые люди, бросавшие свою службу [6, с. 43]. Часть из них, войдя в состав, отряда П. Бекетова, вероятно, изначально планировала использовать поход как возможность за счет государства попасть в Забайкалье, а затем уйти на Амур. Подтверждением этого служит отписка илимского воеводы Богдана Оладьина в Сибирский приказ: «А в Верхоленском, ..., остроге, идучи в Даурскую землю, енисейские служилые люди с сыном боярским, с Петром Бекетовым, прислали подговорную грамотку к служилым людям. И та грамотка в Ылимском остроге в Съезжей избе. А в ней писано, чтоб они из Верхоленского шли с ними в Даурскую землю. И по их подговору побежали из Верхоленского с ними служилые люди Петрушка Ульянов да Федка Львов, да Гришка Вьюхин, Федотко Васильев, покиня Верхоленской острог, и твоё государево денежное жалованья и ружьё, и порох, и свинец снесли». Как видим, енисейские служилые люди не только сами планировали побег на Амур, но призывали служилых людей Илимского воеводства присоединиться к ним [31, л. 426-425; 20, с. 160].

Поход начался 2 июня 1652 г. Точная дата известна благодаря первой «Иргенской» отписке П. Бекетова [35, л. 326; 37, с. 559; 14, с. 4]. Кроме того, эту дату может частично подтвердить и «скаска» П. Бекетова, написанная им в Якутском остроге в июне 1657 г. Число в ней, к сожалению, прочитать невозможно из-за частичной утраты этого документа, но месяц и год читаются отчетливо [26, л. 2].

Сведения о начальном этапе экспедиции подробно изложены в отписке П. Бекетова, датируемой июлем 1653 г. [33, с. 190–197]. По рекам Тунгуске и Ангаре отряд двигался на дощаниках, представлявших собой суда длиной девять сажень, а шириной три сажени. На каждом дощанике находилось до тридцати человек. Первым промежуточным пунктом по пути в Забайкалье стал Братский острог. Расстояние до него от Енисейского острога отряд преодолел за восемь недель. Стремясь максимально использовать теплое время года, служилые люди шли «спешно добре, не мешкав нигде». Однако уже в этот период П. Бекетов понял, что баргузинские разведчики «ложно» известили Пашкова о возможности дойти из Енисейска до оз. Иргень за одно лето [35, л. 326об; 33, с. 191, 194; 37, с. 559]. Здесь же появляется первая нестыковка в документах. Если экспедиция вышла из Енисейска 2 июня 1652 г., то достичь Братского острога она должна была в начале августа. Однако в «скаске», составленной П. Бекетовым в 1657 г., отмечено, что отряд прибыл в него только в сентябре 1652 г. [26, л. 2].

Из Братского острога П. Бекетов отправил «налегке» 12 казаков во главе с казачьим пятидесятником Иваном Максимовым. Пройдя через Баргузинский острог, они должны были выйти на оз. Иргень и на р. Шилку «для заимки острожнаг(о) ставленья и для [ясачнаго сбора] и вновь землиц приводу под ... ц(а)рьскую [руку и] серебряные руды проведывания». Добравшись до озера Иргень, Максимов должен был сделать «добрые гребные струги» и послать по реке Хилок навстречу основному отряду «служилых людеи для тово чтоб ... с Килки реки не зайти в быные стороны». С ним пошли прежде уже бывшие на Иргене и Шилке Я. Софонов и И. Чебычаков [26, л. 2; 33, с. 191; 37, с. 559; 6, с. 41].

По пути к Байкалу отряд П. Бекетова неоднократно вступал в вооруженные столкновения с бурятами на реках Осе, Белой и Голоустной, что существенно замедлило темпы его продвижения. По данным Фишера, стычка с братскими людьми на р. Осе заняла 4 дня. Один из казаков был ранен [23, с. 364; 37, с. 560, 6, с. 41]. Отсутствие попутных ветров и осеннее похолодание также не сопутствовали быстрому продвижению экспедиции. П. Бекетов отметил, что суда передвигались «своею силою, а парусного погодыя было нам мало». Пересечь Байкал отряд смог только 1 октября 1652 г. Во время перехода у «десятника казачьего Фетки Торопченина с товарищи розбило судно со всеми запасы». Бекетов отметил, что: «И я тово судна ждал на Прорве неделю. И в те поры стал замороз». В итоге, позднее прибытие на восточный берег Байкала и эта задержка вынудили Бекетова встать в устье р. Прорвы на зимовку. [35, л. 326об.; 26, л. 2].

Вероятно, П. Бекетов заранее знал об удобной бухте в устье р. Прорвы и поэтому вел свои дощаники именно сюда. Здесь могли быть и какие-то строения промысловиков, но для размещения отряда численностью более 120 чел. их вряд ли было достаточно. Готовясь к зимовке, служилые люди срубили «новое государево зимовье». Из более поздней отписки П. Бекетова известно, что в Иргенском остроге для размещения отряда было построено 6 изб, значит и здесь должно было быть не меньше. Кроме того, оно должно было включать амбары для хранения «государевой казны», пороха, зерна. Была в зимовье и «съезжая изба». Во время встречи казаков с

монгольским царевичем Кунтуцином казаки назвали построенное зимовье «государевым новым острожком». Безусловно, это было сделано для того, чтобы повысить статус своего отряда и показать, что данная территория за столблена за Россией. Однако, на наш взгляд, эти постройки строились только как временное, сезонное сооружение, которое не планировалось постоянно использовать в будущем [33, с. 192–193; 35, л. 331].

Мнение о том, что Култукский острог, поставленный Иваном Похабовым в 1647 г., и это зимовье являются одним и тем же объектом вряд ли имеет под собой какие-либо основания [34, с. 48]. Острог, поставленный пять лет назад, вряд ли бы назвали «новым». Приказ П. Бекетова И. Максимову, написанный в Братском острожке, о том, что ему необходимо дойдя оз. Иргень идти на встречу к нему в «новое» зимовье на Байкале, не свидетельствует о том, что оно там уже существовало. Вероятно, Бекетов, исходя из темпов продвижения экспедиции, заранее наметил для Максимова только точку зимней стоянки в устье р. Прорвы.

14 марта 1653 г. (по другим данным 11 марта 1653 г.) в «новое государево зимовье» приехал казачий десятник Енисейского острога Якунка Похабов, посланный енисейским сыном боярским Иваном Похабовым, который возглавлял поход к южной оконечности Байкала и, вероятно, находился относительно не далеко от П. Бекетова. Гонец привез переданные из Енисейска копию «государевой» грамоты, новую наказную память и образец шертоприводной памяти для принятия в русское подданство иноземцев. Эти документы требовали от него: «про все отписать подлинно про весь свой дорожной ход и про Селенгу реку и про Килку реку и про иные сторонные реки и озера и про ... остроги про Ергенской и про Шилской как у меня ... остроги поставятца которого году и которого числа и чертежи ... новым острогам велено присылать, И про Волок Ергенской сколь велик и про пашни ... и про всякие ... дела против списка г(о)с(у)д(а)р(е)вы грамоты и Наказные памяти...». Кроме того, ему предписывалось сообщить о судоходности р. Килка и наличие волоков от нее к оз. Иргень, а от озера к р. Ингода: «и те же Енисейские суды через тот волок можно ли от Ергеня озера служилым людям переволочь можно ли, что б новых судов не делать, а для поспешенья переволочь суды от Ергеня озера за волок на Онгиду реку лошадьми или пешими людьми мочно же ль. И лес на Ергенском волоку есть ли из чево суды делать и лошади у тунгусов в подводы взять можно ли». Очевидно, что царская грамота поступила в Енисейск уже после того, как П. Бекетов его покинул. Поэтому ее копия немедленно была ему доставлена, а он сразу после получения документов 18 марта 1653 г., направил их список и новую наказную память через Баргузинский острог на оз. Иргень к И. Максимову. Документы повезли служилые люди Ивашко Томский Мунтицов, Мишка Марков и Стенька Хозиков. В результате исполнения этого наказа И. Максимов сделал «роспись и чертеж Иргеню озеру и иным озерам, и Килке реке, которая пала из Иргень озера, и Селенге реке, и волоку, Ингоде реке, и Шилке реке, и иным рекам, которые пали в Витим реку из Иргеня озера и из иных озер». [35, л. 331, 333об.-334; 33, с. 196].

Часть отряда была разослана по окрестным местам для ясачного сбора. Наиболее подробно в отписке П. Бекетова была описана встреча ясачных сборщиков А. Афанасьева, Л. Пермитина, Ф. Васильева¹ с монгольским царевичем Кунтуцином, будущим Алтын-ханом Лубсан-сайн Эринчин-хунтайджи. Сведения, полученные от него, оказались очень важными и, прежде всего то, что он не претендует на братских и тунгусских людей, которые живут около оз. Байкал и Баргузинского острожка. Весьма полезными были данные о забайкальских реках и их судоходности. В частности, о реке Килка Кунтуцин сказал, что по ней дойти до оз. Иргень на имевшихся у казаков судах невозможно – «Килка де река мелка и узка» [32, с. 389; 33, с. 192, 194; 37, с. 562–563; 6, с. 42].

10 марта 1653 г. служилые люди во главе Иваном Котелниковым отправились для ясачного сбора с тунгусов и бурят в поход на реки Иркут и Ангару. В устье р. Голоустной казаки встретились с братскими людьми, которые отказались дать с себя ясак и вступили с казаками в бой. В результате столкновения четверо бурят были убиты, а четверо попали в плен. На Иркуте они также разгромили бурятские улусы. Здесь они убили еще двух человек, а в качестве ясыря забрали четырех. Уцелевшие дали с себя ясак. [23, с. 82–83; 37, с. 562].

Не дождавшись прибытия казаков передового отряда И. Максимова 11 июня (по другой отписке 16 июня) 1653 г., П. Бекетов на дощаниках от устья р. Прорвы пошел по оз. Байкал к устью р. Селенги. Преодолев путь за половину дня, экспедиция стала подниматься вверх по течению р. Селенги. Время, потраченное на продвижение до устья р. Килка, в разных отписках П. Бекетова отличается. В одной из них он указал, что шел по р. Селенге 8 дней, в другой 9 (6 дней до устья р. Уды и 3 до р. Килка). В устье р. Килка отряд сделал остановку и ждал прибытия И. Максимова еще 6 дней. Служилые люди использовали эту остановку для заготовки рыбы. Однако, как отмечал П. Бекетов, река оказалась «не рыбна». Опасаясь, что И. Максимов и его отряд погиб, П. Бекетов отправил на их поиски «коньми» четырех человек во главе с Онтипкой Черкашенином [35, л. 326 об.; 33, с. 192, 196; 37, с. 563].

Войдя в р. Килка, П. Бекетов еще две недели с большим трудом продолжал движение по реке на тех же дощаниках, на которых отряд отправился в поход из Енисейска. Однако из-за низкого уровня воды в реке подняться выше экспедиция не смогла. В виду того, что дальнейшее продвижение на тех же судах было невозможно, П. Бекетов принял решение построить новые, меньшего размера. На это потребовалось три недели. Всего было изготовлено 11 барок и 2 шитых карбаса. Размер барок был разный: от «полушесты» (5 ½) сажени печатных в длину и 3 аршин в ширину у самых больших и до 4 сажений в длину и «полутретья» (2½) аршина в поперечнике у самых маленьких. В дальнейшем П. Бекетов в одной из отписок в Енисейск рекомендовал «в Прорву или в Селенгу вошед делать дощеники

¹ Интересно, что этот отряд, отправленный в апреле 1652 г., передвигался пешком по снежному насту, имея также в своем распоряжении верблюда [33, с. 193].

малые в длину полушесты сажени печатных, а поперек трех аршин» [35, л. 327; 14, с. 4; 37, с. 564].

2 июля 1653 г. к основному отряду присоединился И. Максимов. Вместе с ним в двух стругах приплыли 12 человек служилых и 9 «охочих» людей. С собой они привезли ясак (шесть сороков четыре соболя), а также, составленные в соответствии с данной И. Максиму наказной памятью «роспись и чертеж Иргеню озеру, и иным озерам, и Килке реке, которая пала из Иргень озера, и Селенге реке, и волоку, Ингоде реке, и Шилке реке, и иным рекам, которые пали в Витим реку из Иргеня озера и из иных озер». И. Максимов объяснил, что не смог прибыть раньше, т.к. служилые люди, разосланные зимой для сбора ясака, поздно вернулись к месту сбора. Кроме того, оз. Иргень и р. Килка поздно освободились ото льда [33, с. 196–197; 37, с. 564]. По приказу П. Бекетова И. Максимов в сопровождении 35 служилых и охочих людей отправился в Енисейск с ясачной и десятинной казной, отпиской и чертежом [6, с. 42]¹.

На путь от места изготовления новых судов до озера Иргень отряд П. Бекетова потратил еще 7 с половиной недель. В одной из своих отписок П. Бекетов указал, что пришел на оз. Иргень за неделю до праздника Покрова пресвятой Богородицы. Более точно он указал дату своего прибытия на Иргень в «скаске», записанной с его слов в Якутском остроге – 26 сентября 1653 г. То есть на весь путь от устья реки Прорвы он потратил чуть больше ста дней (102–107 дней). П. Бекетов отметил, что к концу пути люди его отряда были в значительно степени измождены: «все одва дошли до Иргеня озера теми барками со всеми своими запасы все обезножели и без рук и без грудей стали и опухли все потому што Килка река мелка и кривлевата, и быстра добре ... а служилые люди шли без перемены все на барках ч(е)л(о)в(е)к по семи на судне и по шти было ... а бечевников по Килку реке мало до Кила реки. А от Кила реки по Килку и до Иргеня озера з бечевою вытить негде, все шестовой ход. А в кривлеках извороты лихи, все рычагами изворачивают мало не во всяком плесе. А волоку до Иргеня озера никакова нет». По пути отряд наблюдал много жилья вдоль рек, но не встретил никого из местных жителей: бурятов, монголов или тунгусов. Все они оставили свои дома и бежали в безопасные места [35, л. 327–327об, 328; 26, л. 3; 14, с.4; 37, с. 564].

На следующий день после прибытия на оз. Иргень П. Бекетов с четырьмя наиболее опытными служилыми людьми пятидесятником казачьим Ивашкою Котелниковым, десятником казачьим Ивашкою Герасимовым Чебучаковым, Якунькою Ивановым Поповым и Феткою Семеновым Мантуровым в течение трех дней на конях проводил осмотр окружающей местности. [35, л. 328–328 об.; 14, с. 4].

По результатам этой разведки были составлены описания близлежащих Беклемишевских озер (Иргень Шакша, Арахлей). Одной из задач было определить

¹ По данным Е. В. Вершинина отряд И. Максимова, не смотря на схватки с бурятами на Ангаре, где он потерял 2 чел. убитыми и 7 чел. ранеными, уже 22 августа 1653 г. привез ясачную казну в Енисейск, а 10 января 1654 г. она была отправлена в Москву [6, с. 42].

«каковы оне в длину и по перег и как из них истоки текут и каковы волоки от тех озер на Онгиду реку сколь велики и не грязны ли, и не гористы ли». От тунгусов П. Бекетов узнал, что «всех озер рыбнее Ёргень озеро». Здесь же было выбрано и место для строительства острога, а также, определен наиболее удобный и легкий для преодоления водораздела волок.¹ Иргенский острог решили разместить «по нижнюю сторону Ергенсково истоку к Ирьюню озеру в стрелке вверх идучи по Килку реке на левой стороне против самово волоку Онгиндинсково» [35, л. 328об.; 14, с. 4].

В большинстве исследований датой начала строительства Иргенского острога названо 24 сентября 1653 г. Однако это неверно, поскольку к озеру Иргень отряд прибыл только 26 сентября 1653 г. Три дня потребовалось на выбор места для острога. Какое-то время было потрачено на заготовку леса, поэтому реально первые работы по возведению острога могли начаться только в начале октября 1653 года.

Для строительства острога П. Бекетов отобрал 72 чел. «служилых людей и казачьих наемщиков и гулящих охочих людей» под руководством казачьего десятника Дружинки Васильева Попова Даурского. В остроге, который, вероятно, имел традиционную тыновую конструкцию стен, сделали шесть изб казачьих жилых с нагородни, двое ворот с караульней над воротами и государев казенной анбар. Вокруг острога были установлены «надолопы». О размерах укреплений никаких сведений нет. Кроме того, в отписках П. Бекетова сообщается о том, что среди построек была «съезжая изба» и иные «всякие острожные крепости» [35, л. 328 об.-329; 14, с. 4]². Возможно, что в этот же период в остроге была построена и часовня. Ее наличие отмечено 10 октября 1656 года перед тем, как Иргенский острог, был уничтожен тунгусами. По свидетельству казаков в часовне были: икона «Спас», икона «Пречистая Богородица», икона «Ивана предтечи», а также, казна: книги и свечи. [29, л. 343].

Незадолго до начала строительства П. Бекетов отобрал 30 чел. служилых людей и казачьих наемщиков из состава своего отряда и поручил им перейти вместе со своими запасами за волок на реку «Онгиду»³ для строительства плотов, на которых планировалось осуществить передвижение по рр. Ингода и Шилка до устья р. Нерча. Здесь важно отметить, что средства сплава были выбраны не случайно. Казаки знали, что в устье р. Нерча нет леса, пригодного для возведения острога. Можно предположить, что материал плотов они планировали использовать для возведения укреплений и хозяйственных построек. Возглавил этот отряд казачий пятидесятник Ивашка Котелников. Кроме того, для «поспешения» этой работы, служилым людям, отряженным на возведение Иргенского острога, также было поручено перенести за волок хлеб, из расчета 2 пуда хлеба на каждого человека отряда И. Котелникова. Об Ингодинском волоке Бекетов писал: «тово Волоку меньше и глаже и сушае и всем угоднее нигде нет. А величиною Волок от

¹ Яблонево хребет.

² Под ними можно подразумевать верхний и нижний бой в стенах, облам, на внешнем периметре стен ров и «чеснок».

³ Современная река Ингода.

Ергенсково острогу до Онгиды реки по смете верст з дватцать есть. А от Ергеня озера до половины волоку лес есть всякой. А с половины волоку к Ингиде реке степь лесу нет никакова лише край Онгиды реки где Волок лес есть бор большой суды мошно делать. А больших судов дощеников через волок от Ергеня озера на Онгиду реку переволочь не мошно. А малые лотки мошно добыть за Волок». Плоты были готовы к 19 октября 1653 г. Погрузив все перенесенное за волок имущество, П. Бекетов начал сплав по р. Ингоде на р. Шилка «для острожново ставленья и для г(о)с(у)д(а)р(е)ва ясачново збору и вновь землиц приводу под ево г(о)с(у)д(а)р(е)ву ц(а)рьскую высокую руку». Однако далеко продвинуться они не смогли. Проплыв «во льду» по реке Ингода полдня, и преодолев расстояние примерно десять верст, плоты наткнулись на ледовый затор: «Онгида река давно стоит ден з десять и болши». Убедившись, что дальнейший сплав невозможен, П. Бекетов принял решение о строительстве здесь укрепленного зимовья («а в зимовье и около зимовья велел крепости учинить») [35, л. 329об., 332; 37, с. 566; 14, с. 4; 19].

В комплекс построек «нового государева зимовья» на р. Ингоде вошли «государев амбар» и 3 казачьих избы. Вне всякого сомнения, это было временное сооружение, также как и подобная же постройка на р. Прорве. Можно предположить, что эти постройки образовывали прямоугольник, где в трех углах находились избы, а в четвертом амбар, в который были помещены государева казна и казачьи «запасишки». Старшим в «новом государеве зимовье» на период зимовки был назначен И. Котелников [35, л. 329об.; 19; 17, с. 7].

Сразу после окончания строительства П. Бекетов отправил на р. Шилка отряд из 10 чел., возглавляемый казачьим десятником М. Уразовым «к нелюдскому князю Гентамуру на усть Нерчи реки для заимки острожново поставленья и для ... ясачного збору и вновь землиц приводу под ... г(о)с(у)д(а)р(е)ву ... руку». Конным путем с вьюками этот путь предстояло пройти за 8 дней. Коней пришлось покупать у «иноземцев» по 10 и 15 руб. П. Бекетов в наказе М. Уразову отметил: «велел спросить у Нелюдского князя Гентамура где место угоднее, по тому тот князец радеет г(о)с(у)д(а)рю и прямит со всеми своими улусными людьми». Сам П. Бекетов вернулся зимовать в Иргенский острог [35, л. 330; 15, с. 4; 19].

20 января 1654 года в Иргенский острог с реки Шилки с отписками от М. Уразова прибыл служилый человек Поздейко Яковлев Шанов. Он сообщил, что «служилые люди на великой реке Шилке, против устья Нерчи реки, Шилкою рекою на низ пловучи на правой стороне, приискав крепкое и угоднее место где быть ... большому острогу, у рыбных ловель и у пашенных мест, для заимки поставили малой острожек, а в нем одна изба с нагороднею». Построив укрепления, М. Уразов разослал людей собирать ясак с тунгусов по «сторонным рекам». Получив эти сведения, П. Бекетов написал в Енисейск «А как б(о)г даст на весну лед скроется и я на великой реке Шилке на усть Нерчи реки с служилыми людьми большой острог поставлю». Позднее этот острожек он называл «Шилской» [35, л. 330 об., 334; 15, с. 4; 6, с. 42; 19; 17].

Из Иргенского острога П. Бекетов отправил казачьего десятника И. Чебучакова «призывать тунгусских князцей и их улусных людей з ... ясаком в новой ...

Ерьгенской острог». На призыв откликнулись князцы Карбаин и Иживца, приехавшие в сопровождении 60 чел. П. Бекетов привел их по шертоприводной памяти к шерти и взял с них ясак по два соболя с человека¹. Князцы, напоенные, накормленные и одаренные подарками, были отпущены к местам их кочевий. Не смотря на этот успех, Бекетов не был склонен преувеличивать свои достижения. Он писал в Енисейск: «А лошадей купить и нанять не у ково, потому что блиско Ергеня озера и Онгиды реки ... ясачных людей тунгусов нет, живут все по сторонным рекам к степям для зверовья. А хотя б и были ... ясачные люди тунгусы поблиску и оне не скотны и у лут чево ч(е)л(о)в(е)ка лошади три или четыре, а рогатого скота у них нет. А только у ясачных людей имать куды ни есть лошади в подводы и их тем от г(о)с(у)д(а)рьской м(и)л(о)сти отгонить. А вверх по Шилке реке пашенных мест нет. И тунгусы пашни не пашут никакова хлеба не сеют ..., а покупают де они хлеб у тергечинов крупу овсяную и просяную и гречюшную, да и то не дешевою ценою. По русскому пуда три дадут десять соболей уловных в косках. А хлеб у них у тергечинов кроме ржи всякой есть, а к ним тунгусам цельем не привозят семенново хлеба никакова тергечины продавать не привозят. А ... служивым людям у них у тергечинов хлеба купить много немощно, потому што на наши руские товары на сукна на красные, и на котлы на зеленую медь и на красную, и на олово, и на одекуй, и на железо походу нет ни на что. Добре у них много своих товаров ... и серебро есть ... оне тергечины полны всякими товары. А сказывают, что де к ним все идет ис Китаисково». [35, л. 330–330 об., 332–332об., 333; 15, С. 4].

4 декабря 1653 г. из Баргузинского острога приехали казачьи наемщики Стенка Тимофеев и Микишка Марков. В 1652 г. они были оставлены на оз. Иргень И. Максимовым для «ясачнова недобору у тунгусских людей. И оне ... прокормитца у тунгусов не могли и съехали ... осеновать в Баргузинской острог к Ъвану Похабову». Они привезли П. Бекетову «любительную» грамоту от приказного человека Баргузинского острога И. Похабова с просьбой «неведомо для какова дела ... припасти седел и потников и платья цветново». В съезжей избе они рассказали, что И. Похабов собирается приехать в Иргенский острог, взяв «с собою ссыльных людей плутов. А хочет де итти в Китаиское г(о)с(у)д(а)рство к китайскому царю, взять с собою всю ... соболиную казну ясачную». Намерения Похабова подтверждали и другие источники «да иноземцы тунгусы ездили на Баргузин к своим родникам с Ъргеня озера ясачные люди. Слышали на Баргузине у своих родников что он Иван покупил кони многие А наряжаетца в Китаиские г(о)с(у)д(а)рство х китайскому царю подлинно». Осознавая важность такого похода и, видимо не собираясь уступать И. Похабову пальму первенства в установлении отношений с Китаем через Забайкалье, П. Бекетов попытался повлиять на это решение, написав воеводе А. Пашкову, что «как только он Иван поидет в Китаиское г(о)с(у)д(а)рство х китайскому царю и он идучи на Ергене озере и на великой реке Шилке в ... ясачном зборе учинит большую поруху да и

¹ Князцы объяснили, что не могут давать больше 2-х соболей с человека, т.к. живут в степях, а соболей выменивают на скот у «оленных людей» [35, л. 330 об.].

изгонение ясачным людям от нево Ивана в вожах и в подводах немалое будет. А земля новая люди иноземцы дикие тем их иноземцев ясачных людей от г(о)с(у)д(а)рьской м(и)л(о)сти отгонит ...и ... от ево Ивановы всякие плутни мне от г(о)с(у)д(а)ря в опале не быть». Сам же он намеревался после постройки большого острога на р. Шилка «ехать сам взяв с собою служилых добрых лутчих людей человек пять или шесть в Китайское г(о)с(у)д(а)рство для проведыванья серебряные руды и для всякого разсмотренья» [35, л. 333, 335 об.-336].

В это же время, в своей отписке, адресованной А. Пашкову, П. Бекетов определил особенности комплектования военного контингента, которому предстоит контролировать Восточное Забайкалье: «А без конных служилых людей в Ыргеньском остроге и на Великой реке Шилке отнюдь на ... службе нельзя быть впредь потому что земли прилегли к Иргенскому острогу и к Великой реке Шилке многие розные и многолюдные. Да и приудалели. Пешую ногою не дойти потому что лыжново ходу нет никуда. Снегов мало живет. Везде степи голые. А иноземцы все люди конные. Пешими за ними не уходить». В будущем эти сведения имели важное значение для формирования гарнизона, контролирующего Нерчинский уезд [35, л. 333 об.].

Интересно, что с оз. Иргень П. Бекетовым было отправлено как минимум три отписки. Вполне вероятно, что все они, несмотря на то, что были написаны в разное время, были отправлены в Енисейский острог одновременно «зимним путем» не ранее 25 января 1654 г. Причину этому П. Бекетов подробно описал: «А за вожами ... служба немалое время промешкалась потому что поблиску ... ясачных людей тунгусов нет... А хотя б оне ясашные люди и поблиску были и им вести ... служилых людей в Баргузинской острог в ту пору зимним путем нельзя, бывает бездорожица потому что камень. Ехать нельзя камень велик от Иргенсково острогу к Баргузинскому острогу залег. А на камени снеги болшие живут пядей в пять и болши. А оне тунгусы люди конные на лыжах мало ходят. ... А иное тот отпуск за тем замешкался долго отписки не бывали с великие реки Шилки от служилых людей от десятника казачья от Максимки Уразова с товарищи». [35, л. 334 об.-335]. Вместе с отписками П. Бекетов так же направил в Енисейский острог «чертежи Байка[лу озеру и сторонним] рекам которые впади в Байкал озеро [Селенге и Килке рекам] и Иргеню озеру и Шапше и Раклею и Тасею [и про]чим озерам и рекам которые ис тех озер вышли и во[локу Ирген]скому и иным волокам которые волоки и с ыных [покатеи ле]жат на Ингоду реку и великой реке Шилке и Нерчи и иным [всяк]им сторонним рекам и г(о)с(у)д(а)р(е)ву новому острогу Иргенскому [и острогу на реке Шил]ке ж и росписи всем озерам и рекам» [26, л. 3]. Причем, важно отметить, что, не найдя в отписке М. Уразова чертежа самого острога, П. Бекетов подробно расспросил прибывшего оттуда казака Поздейку Яковлева Шанова, и «тот ... острог ввел в чертеж». В Енисейск все отписки и чертеж были отправлены лыжным ходом через «Баргузинской острог и Верхоленской и на [И]лимской волок» с отрядом из восьми служилых людей, трех казачьих наемщиков и одного охочего человека: «служилых людей Енисейского острогу Оксенка Варламова Шаидура, Треньку Захарова, Офонку Жукова, Ивашка Белозера, Безсонка Матвеева,

Оску, да Якунку Михайловых ..., Ивашку Мутинцева, да казачьих наемщиков Микишку Маркова, Елизарка Чижева, Демку Федорова, да охочева ч(е)л(о)в(е)ка Овдосимка Федотова Опару». Провести отряд через «камень» вызвались И. Мунтицов и М. Марков [35, л. 334-334 об., 335; 15, с. 4].

Из Иргенского острога П. Бекетов разослал по округе отряды для сбора ясака, о чем упомянул в одной из отписок: «А с осени де ... ясак нескоре збираетца. А збираетца де ... ясак под весну». К маю 1654 года в Иргенский острог вернулись ясачные сборщики и приехали казаки из Шилского острожка. Они привезли ясак и десятинную меховую казну. 9 мая 1654 г. меховая казна была отправлена в Енисейский острог с отрядом в составе 31 служилого человека под командованием пятидесятников Дружинки Васильева сына Попова, Максимка Уразова и десятников Ондрюшки Гусева, Панки Клементьева. В Енисейский острог они шли по реке Килке¹ и через озеро Байкал. Доставив ясак 12 июня 1654 г., служилые люди сообщили, что осенью и зимою 1653–1654 гг. они привели в русское подданство 6 «немирных землиц князцов»: Какагильсково рода князя Бабуга, Намятцково рода князя Тякша, Баягирсково рода князя Кагила, Почегирсково рода князя Топука, Чамамагирсково рода князя Болдоноя, Екокогирсково рода улусново лутчево человека Индака. Кроме того, ясак дал ранее принявший русское подданство нелюдский князец Гантимур. Всего отрядом П. Бекетова на 7162 (1653/1654) год было собрано ясака девятнадцать сороков пять соболей с хвостами и семнадцать сороков два пупка собольих. Цена этой меховой казны, по Енисейской оценке, составила 3728 руб. 6 алт. 4 денг [28, л. 583–584; 35, л. 333; 15, с. 4; 6, с. 42–43].

Здесь важно отметить, что всего с ясачной и десятинной казной и отписками в Енисейский острог ушло 73 служилых человека. В их число входили пятидесятник и не менее девяти десятников. То есть, фактически, экспедицию покинул весь командный состав, состоящий из наиболее опытных служилых людей. Такое положение дел можно объяснить тем, что к весне 1654 г. в отряде заканчивались запасы провизии. Большая часть кадровых казаков постаралась под благовидным предлогом вернуться в Енисейск. Первопричиной этой ситуации, безусловно, стала задержка с проведением ротации служилых людей, а вместе с ней, и пополнения отряда боезапасами и продовольствием. На перемену отряду П. Бекетова из Енисейского острога были отправлены служилые люди под командованием енисейского сына боярского Василия Колесникова, но сделано это было только летом 1654 г. Казаки этого отряда, возглавляемые сыном боярским Никифором Кольцовым, добрались до Иргенского острога только осенью 1655 г. Весной же 1654 г. с П. Бекетовым большей частью остались только те, кто планировал уйти на Амур.

Отправив ясачную и десятинную казну, П. Бекетов разделил людей, оставшихся в отряде, на две части. Группу из 18-ти служилых людей он оставил в Иргенском остроге, а с остальными 47-ю перешел через волок на р. Ингоду и,

¹ Е. В. Вершинин не приводя ссылку на источник, отметил, что на Хилке отряд М. Уразова подвергся нападению братских людей Тарукай Табунана (Вершинин, с. 43).

сделав плоты, стал сплаваться к устью р. Нерча на р. Шилке. По пути он присоединил к своему отряду казаков, зимовавших в «государевом» зимовье на р. Ингоде. Для того, чтобы облегчить себе размещение на р. Шилке и снизить трудозатраты на изготовление плотов зимовье и избы могли быть разобраны и связаны в плоты, так как разместиться в Шилском острожке, состоящем из одной избы, всему отряду было невозможно. На этом зимовье на р. Ингоде прекратило свое существование и в более поздних документах не упоминается [26, л. 3; 37, с. 567; 15, с. 4].

Однако на р. Шилке экспедиция П. Бекетова распалась. Большая часть отряда – 33 чел. (служилые и гулящие люди и казацкие наемщики) во главе с Онтипкой Черкашенином и Савкой Кочиным бежали с устья р. Нерча. П. Бекетов пытался отговорить их от этого поступка, но беглецы, в свое оправдание сказали: «мы де поплыли [от го]лоду а не побегом искать корму а ни от чьево насилства [и нало]ги а буде де мы найдем корму чем сытым быть и мы де на ... [сл]ужбу воротимся и служить ... службу станем [снова]» [26, л. 3–4]. Эти служилые люди, сплавились вниз по р. Амур, и влились в Амурское войско, возглавляемое Онуфрием Степановым в период между 6 июня и 4 июля 1654 г.

Оставшись с 14 служилыми людьми, и понимая, что источником пищи для них может быть только пашня, П. Бекетов приказал всем заняться подготовкой земли под нее. Вероятно, из числа ссыльных людей еще во время зимовки в Иргенском остроге П. Бекетов определил в пашенные крестьяне двух человек «купил им на свои денги, а не из г(о)с(у)д(а)р(е)вы казны по ясырю им по жонке¹, и по две лошади дал и всем их сподобил. Оне заводные люди з добрую их пашню будет». В его отписке они названы «бенгинины». Сложно сказать, что это фамилия, прозвище, народность? Но и в настоящее время такая фамилия встречается. Важно отметить, что зная о малой вероятности заинтересовать таргачинов русскими товарами П. Бекетов, посылая на р. Шилку «сукна летчины красные» медь и олово, приказал М. Уразову купить у них семена ярового хлеба через тунгусов, расплатившись шкурками соболей. Подготовка пашни весной 1654 г. и посев яровых занял более четырех недель. Всего было посеяно 20 пудов ярового хлеба для государственных нужд и еще 10 пудов пашенные крестьяне посеяли для себя [35, л. 332 об.; 26, л. 4; 14, с. 4; 15, с. 4].

После сева П. Бекетов планировал поставить на усть Нерчи реки новый большой острог. Однако тунгусы «многие люди», прежде платившие ясак, не позволили ему это сделать². Возможно, это была ответная реакция за погром какого-то рода. Видя, что после побега части отряда на р. Шилке осталось совсем мало русских, они неожиданно («изгоном») атаковали острожек и, обстреливая его, отогнали из-под острога казачьих лошадей, вытоптав взошедшие посевы. Казаки

¹ Женщины (ясырь), вероятно, попали в отряд Бекетова во время столкновений с бурятами по пути на оз. Байкал весной 1653 г.

² По данным Фишера, к этому времени Гантимур от Шилкского острога ушел на р. Аргунь. М. Уразов пытался вернуть его но, дойдя до рек Ган и Хайлар, вернулся ни с чем. П. Бекетов послал к Гантимуру И. Котельникова и еще 1 казака, но они пропали без вести [37, с. 568].

отбили нападение. Однако «иноземцы» осадили крепость, не позволяя служилым людям выходить из укрепления для поиска пищи «ни по рыбу, ни по траву, ни по кореньи», «морили нас холопей твоих голодною смертью» [26, л. 4; 30, л. 44–45]. В некоторых исследованиях говорится, что осадой Шилского острожка руководил нелюдский князец Гантимур. Однако прямого указания на то, что это был именно он в документах, составленных П. Бекетовым, нет [10; 11, с. 144; 12, с. 94, 97–98; 19; 20, с. 493; 37, с. 568].

П. Бекетов не мог рассчитывать на помощь из Иргенского острога из-за малочисленности его гарнизона. Ситуацию осложняла государственная казна, находившаяся в острожке, которую нельзя было бросить. П. Бекетов решил оставить Шилкский острожек и спуститься вниз по Амуру в надежде найти ушедший из острога отряд О. Черкашенина и С. Кочина, чтобы уже вместе с ними вернуться назад. Беглецов он нашел в рядах Амурского войска. Наиболее вероятная дата прибытия П. Бекетова к амурским казакам 2 августа 1654 г. В этот день он передал О. Степанову ясак, собранный в ходе сплава по реке Амур с даурского князца Цыбы (10 соболей). Согласно отписке О. Степанова, служилые и охочие люди из отряда П. Бекетова прибыли к нему тремя группами. Первая, возглавляемая О. Черкашенином, состояла из 34 чел. Вторая во главе с П. Бекетовым из 20 чел. Последняя насчитывала 9 чел. Всего 63 чел. [36, л. 79–81; 26, л. 4–5; 30, л. 44–45; 21, с. 492–493, 525, 556; 4].

Имена служилых людей из отряда П. Бекетова, присоединившихся к Амурскому войску, перечислены в послужным списке участников обороны Усть-Кумарского острога. Всего 58 чел. Однако, как отмечал Г. Б. Красноштанов, этот список был не полным [30, л. 49–72, 81; 22; 21, с. 176].

Все служилые люди, казахи наемщики и охочие и промышленные люди из отряда П. Бекетова подали О. Степанову челобитные о поверстании в службу на реке Амур. Не подал челобитную, оставаясь верным своему служебному долгу, только П. Бекетов. О своей службе в Амурском войске он писал так: «А я, Петр, без челобитной служил г(о)с(у)д(а)рю [на Шилк]е на Амуре реке с амурскими и с якуцкими и своево полку служилыми [в]месте заедин человек». Весной 1655 г. П. Бекетов сделал попытку вернуться к порученным ему делам в Забайкалье: «[из Комарс]кова хотел я Петр своево полку служилыми [людьми итти] вверх по Амуру на усть Нерчи реки [для государева] ясашого збору и острожнаго поставленья. [И амурские] служилые люди Онофрей с товарищи меня и служилых людей моево полку на ту г(о)с(у)д(а)р(е)ву службу не отпустили. И за то меня под знамя в круг выводили и бити хотели. И я, видя то, что меня не отпустили и служил с ними вместе». В отписке указано, что П. Бекетов ходил в походы на дючеров на реках Амур и Сунгари и на гиляков в низовьях Амура «у моря» [26, л. 5–6; 21, с. 492–493, 525, 556].

В 1657 г. после зимовки в «Косогольском остроге в Гиляцкой земле у моря» П. Бекетов и 2 человека (Матюшка Кочин, Оска Сорчиков) из его отряда вышли с Амура в Якутский острог с ясачной казной Амурского войска. Среди сопровождавших ясак были и другие «бекетовцы», но они умерли от голода на

Тугирском волоке. На этом его поход в Забайкалье завершился. В 1658 г. Амурское войско было разгромлено маньчжурами. Оставшиеся в живых служилые и охочие люди, бывшие с П. Бекетовым в Забайкалье, так же смогли выбраться в Якутский острог и другие сибирские города [21, с. 555, 557; 4].

Осенью 1655 г. в Иргенский и Шилкский остроги пришел отряд, возглавляемый енисейским сыном боярским Никифором Кольцовым. Однако судьба этих острогов была предрешена. Не получив серьезного подкрепления оба острога были уничтожены тунгусами, а находившиеся в них казаки были убиты. Иргенский острог просуществовал до 10 октября 1656 г. [29, л. 334, 343].

Подводя итог, следует отметить, что на начальном этапе похода отряду Бекетова удалось выполнить часть поставленных перед ним задач. Были построены Иргенский и Шилкский остроги, часть коренных жителей Забайкалья, живущих рядом с ними, стала платить ясак, формально подтверждая свое подчинение правительству России. Не были реализованы планы по возведению большого острога на р. Шилке, поиску серебряной руды, установлению контактов с китайским государством. Осуществлению этих замыслов помешали несвоевременная ротация служилых людей, отсутствие снабжения отряда продовольствием и боеприпасами, а также, бегство значительной части экспедиции на Амур. Итогом ослабления позиций отряда П. Бекетова стало уничтожение поставленных острогов и их гарнизонов коренными жителями. Достигнуть присоединения Забайкалья к России на этом этапе не удалось. В тоже время информация, переданная П. Бекетовым в Сибирский приказ, способствовала дальнейшему освоению Забайкалья русскими.

Таблица. Именной список служилых людей, казачьих наемщиков, охочих людей, участвовавших в походе в Забайкалье в составе отряда П. Бекетова в 1652–1654 гг.

Фамилия	Имя	Отчество	Должность, звание
Бекетов	Петр, Петрушка		Сын боярский
Котелников ¹	Ивашка		Пятидесятник
Максимов ²	Иван		Пятидесятник
Попов ³ Даурский, Васильев	Дружинка	Васильев	Десятник; пятидесятник
Уразов ⁴ , Урасов	Максимко	Степанов	Десятник; пятидесятник
Гусев ¹	Ондрюшка		Десятник

¹ [35, л.328–331; 28, л. 582].

² [33, с. 191–197; 26, л. 2].

³ [28, л. 582, 585, 587, 591, 593, 597; 26, л. 3; 35, л.328об.].

⁴ [33, с. 190–191; 35, л. 329об., 330 об., 332об., 333 об., 335; 28, л. 579 об., 581 об, 582, 585, 587, 591, 593, 597].

**ПОХОДУ ПЕТРА БЕКЕТОВА В ЗАБАЙКАЛЬЕ 370 ЛЕТ:
НОВЫЕ ШТРИХИ К ИЗВЕСТНЫМ СОБЫТИЯМ**

Иванов ²	Стенка		Десятник
Ипатов ³	Стенька		Десятник
Клементьев ⁴	Панка		Десятник
Крохалев ⁵	Левка		Десятник
Мальшов ⁶	Первушка		Десятник
Онтонов ⁷	Ивашка		Десятник
Горопченин ⁸	Фетка		Десятник
Чебычаков ⁹ , Чебучаков, Чабучаков	Ивашко	Герасимов	Десятник
Бархат ¹⁰ , Яковлев	Митька, Дмитрейка	Яковлев	Служилый
Белозер ¹¹	Ивашко		Служилый
Домошонкин ¹² , Домошекин	Парша, Парфенко	Назаров	Служилый
Донщина ¹³ , Васильев	Федоско, Федосеико	Васильев	Служилый, беглый верхоленский служилый
Жуков ¹⁴	Офонка		Служилый
Захаров ¹⁵	Тренька		Служилый
Львов ¹⁶	Федька	Афонасье в	Служилый, беглый верхоленский служилый
Мантуров ¹⁷ , Семенов	Фетка, Федка	Семенов	Служилый

¹ [28, л. 582, 585, 587, 597].

² [28, л. 582, 597].

³ [28, л. 582, 598].

⁴ [28, л. 582, 587, 598].

⁵ [28, л. 582, 597, 598].

⁶ [28, л. 582, 597].

⁷ [28, л. 582, 598].

⁸ [35, л. 326 об.].

⁹ [33, с. 190, 191; 35, л. 328, 330; 28, л. 582; 30, л. 44, 49–72, 81].

¹⁰ [30, л. 44, 44 об., 49–72, 81].

¹¹ [35, л. 334].

¹² [30, л. 44, 44 об., 49–72, 81].

¹³ [33, с. 195; 30, л. 44, 44 об., 49–72, 81; 31, л. 426–425].

¹⁴ [35, л. 334].

¹⁵ [35, л. 334].

¹⁶ [33, с. 192, 195; 31, л. 426–425].

¹⁷ [35, л. 328; 30, л. 44, 44 об., 49–72, 81].

Марков ¹	Мишка		Служилый
Матвеев ²	Безсонко		Служилый
Михеев ³	Якунка		Служилый
Михеев ⁴	Оска		Служилый
Оленев ⁵ , Лукин	Васка	Лукин	Служилый
Ощепков ⁶ , Иванов	Ивашко	Иванов	Служилый
Павлов ⁷	Любимко		Служилый
Пермитин ⁸	Любишка		Служилый
Попов ⁹	Якунька	Иванов	Служилый
Смольянинов ¹⁰ , Смоленинов, Никитин	Нифантейко, Нифантко	Никитин	Служилый
Софонов ¹¹	Якунко		Служилый
Томский ¹² , Мунтицов	Ивашко		Служилый
Хиценков ¹³ , Иванов	Осташка	Иванов	Служилый
Хозиков ¹⁴	Стенька		Служилый
Черкашенин ¹⁵	Онтипка		Служилый
Шаидура ¹⁶	Оксенка	Варламов	Служилый
Шанов ¹⁷	Поздейка	Яковлев	Служилый
Берметин ¹⁸ , Бермятин	Семеика	Давыдов	Наемщик казачий
Дуброва ¹⁹ , Астафьев	Давыдко, Давытка	Остафьев	Наемщик казачий
Марков ²⁰	Микишка		Наемщик казачий

¹ [33, с. 196].

² [35, л. 334].

³ [35, л. 334 об.].

⁴ [35, л. 334 об.].

⁵ [30, л. 44, 44 об., 49–72, 81].

⁶ [30, л. 44, 44 об., 49–72, 81].

⁷ [30, л. 44, 44 об., 49–72, 81].

⁸ [33, с. 192].

⁹ [35, л. 328].

¹⁰ [30, л. 44, 44 об., 49–72, 81].

¹¹ [33, с. 190, 191].

¹² [33, с. 196; 35, л. 334 об.].

¹³ [30, л. 44, 44 об., 49–72, 81].

¹⁴ [33, с. 196].

¹⁵ [33, с. 196; 30, л. 49–72, 81; 26, л. 4].

¹⁶ [35, л. 334].

¹⁷ [35, л. 335].

¹⁸ [30, л. 44, 44 об., 49–72, 81].

¹⁹ [30, л. 44, 44 об., 49–72, 81].

²⁰ [35, л. 334 об., л. 335 об.].

ПОХОДУ ПЕТРА БЕКЕТОВА В ЗАБАЙКАЛЬЕ 370 ЛЕТ:
НОВЫЕ ШТРИХИ К ИЗВЕСТНЫМ СОБЫТИЯМ

Мергень ¹	Якунька, Якимка, Яков	Иванов	Наемщик казачий
Носко ² , Носько, Петровской	Ивашко	Петров	Наемщик казачий
Тимофеев ³	Стенка		Наемщик казачий
Федоров ⁴	Демка		Наемщик казачий
Чижев ⁵	Елизарко		Наемщик казачий
Безотцов ⁶	Ганька	Иванов	
Волынкин ⁷	Елизарко		
Горбун ⁸ , Кирилов	Васка	Кирилов	
Григорьев ⁹	Офонка		
Давыдов ¹⁰	Мишка		
Елфимов ¹¹	Дорошка		
Емельянов ¹²	Ивашко		
Ефимов ¹³	Гаврилко		
Ефимов ¹⁴	Митка		
Иванов ¹⁵	Ивашко		
Иванов ¹⁶	Оска		
Иванов ¹⁷	Петрушка		
Кочин ¹⁸	Матюшка		
Кочин ¹⁹	Савка		
Кузнец ¹	Ивашко	Тимофеев	

¹ [30, л. 44, 44 об., 49–72, 81].

² [30, л. 44, 44 об., 49–72, 81].

³ [35, л. 335 об.].

⁴ [35, л. 334 об.].

⁵ [35, л. 334 об.].

⁶ [36, л. 77–81 об.].

⁷ [30, л. 49–72, 81].

⁸ [30, л. 49–72, 81].

⁹ [30, л. 49–72, 81].

¹⁰ [30, л. 49–72, 81].

¹¹ [30, л. 49–72, 81].

¹² [30, л. 49–72, 81].

¹³ [30, л. 49–72, 81].

¹⁴ [30, л. 49–72, 81].

¹⁵ [30, л. 49–72, 81].

¹⁶ [30, л. 49–72, 81].

¹⁷ [30, л. 49–72, 81].

¹⁸ [30, л. 49–72, 81; 26, л. 6].

¹⁹ [30, л. 49–72, 81; 26, л. 4, 5].

Леонтьев ²	Ивашко		
Леонтьев ³	Васка		
Литвинов ⁴	Ивашко		
Лукьянов ⁵	Гришка		
Насонов ⁶	Оска		
Олень ⁷	Гришка	Олексеев	
Омельянов ⁸	Волотка		
Осипов ⁹	Ондрюшка		
Осипов ¹⁰	Лаврушка		
Петров ¹¹	Сергушка		
Савин ¹²	Омелька		
Семенов ¹³	Олешка		
Спиридонов ¹⁴	Фомка		
Сырников ¹⁵	Оска		
Тимофеев ¹⁶	Сидорко		
Титов ¹⁷	Ивашко		
Фефилятьев ¹⁸	Гаврилко		
Емельянов ¹⁹	Кирилко		Выборный целовальник
Фомин ²⁰	Ивашка		Выборный целовальник

¹ [30, л. 49–72, 81].

² [30, л. 49–72, 81].

³ [30, л. 49–72, 81].

⁴ [36, л. 77–81 об.].

⁵ [30, л. 49–72, 81].

⁶ [30, л. 49–72, 81].

⁷ [30, л. 49–72, 81].

⁸ [30, л. 49–72, 81].

⁹ [30, л. 49–72, 81].

¹⁰ [30, л. 49–72, 81].

¹¹ [30, л. 49–72, 81].

¹² [30, л. 49–72, 81].

¹³ [30, л. 49–72, 81].

¹⁴ [30, л. 49–72, 81].

¹⁵ [26, л. 6]. Возможно Иванов или Насонов.

¹⁶ [30, л. 49–72, 81].

¹⁷ [30, л. 49–72, 81].

¹⁸ [30, л. 49–72, 81].

¹⁹ [33, с. 196].

²⁰ [33, с. 196].

**ПОХОДУ ПЕТРА БЕКЕТОВА В ЗАБАЙКАЛЬЕ 370 ЛЕТ:
НОВЫЕ ШТРИХИ К ИЗВЕСТНЫМ СОБЫТИЯМ**

Вьюхин ¹	Гришка	Иванов	Охочий, беглый верхоленский служилый
Григорьев ²	Терешка		Охочий
Данилов ³	Федка		Охочий
Иевлев ⁴	Ивашко		Охочий
Колмак ⁵	Логинко	Никитин	Охочий
Костянтинов ⁶	Мишка		Охочий
Мантуров ⁷	Офонко		Охочий
Михайлов ⁸	Ивашко		Охочий
Опара ⁹	Овдосимко	Федотов	Охочий
Петров ¹⁰	Левка		Охочий
Семенов ¹¹	Ивашко		Охочий
Ульянов ¹²	Пятунка		Охочий, беглый верхоленский служилый
Яковлев ¹³	Поздейко		Охочий
Бенгинины ¹⁴			Возможно ссыльные, пашенные крестьяне

Список использованных источников и литературы

1. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.

Aleksandrov V. A. Rossija na dal'nevostochnyh rubezhah (vtoraja polovina XVII v.). Nabarovsk: Nabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 272 s.

2. Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. / В. К. Андриевич. СПб., 1887. 249 с.

¹ [30, л. 49–72, 81; 31, л. 426–425].

² [30, л. 49–72, 81].

³ [30, л. 49–72, 81].

⁴ [30, л. 49–72, 81].

⁵ [30, л. 49–72, 81].

⁶ [30, л. 49–72, 81].

⁷ [30, л. 49–72, 81].

⁸ [30, л. 49–72, 81].

⁹ [35, л. 334 об.].

¹⁰ [30, л. 49–72, 81].

¹¹ [30, л. 49–72, 81].

¹² [30, л. 49–72, 81; 31, л. 426–425].

¹³ [30, л. 49–72, 81].

¹⁴ [35, л. 332 об.].

Andrievich V. K. *Kratkij ocherk istorii Zabajkal'ja ot drevnejshih vremen do 1762 g.* / V. K. Andrievich. SPb., 1887. 249 s.

3. Артемьев А.Р. *Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII в.* Владивосток. 1999. 335 с.

Artem'ev A.R. *Goroda i ostrogi Zabajkal'ja i Priamur'ja vo vtoroj polovine XVII–XVIII v.* Vladivostok. 1999. 335 s.

4. Багрин Е. А. Полк О. Степанова: к вопросу о составе и численности Амурского войска 1653–1658 гг. // *Известия лаборатории древних технологий.* 2021. Т. 17. № 4(41). С. 103–118.

Bagrin E. A. Polk O. Stepanova: k voprosu o sostave i chislennosti Amurskogo vojska 1653–1658 gg. // *Izvestija laboratorii drevnih tehnologij.* 2021. T. 17. № 4(41). S. 103–118.

5. Васильев А. П. *Забайкальские казаки: исторический очерк.* В 3 т. / Чита: Тип. войскового хоз. правления Забайк. казачьего Войска, 1916. Т. 1. 232 с.

Vasil'ev A. P. *Zabajkal'skie kazaki: istoricheskij ocherk.* V 3 t. / Chita: Tip. vojskovogo hoz. pravlenija Zabajk. kazach'ego Vojska, 1916. T. 1. 232 s.

6. Вершинин Е. В. *Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история.* 2003. № 5. С. 35–49.

Vershinin E. V. *Zemleprohodec Petr Ivanovich Beketov // Otechestvennaja istorija.* 2003. № 5. S. 35–49.

7. Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. *Материалы.* СПб.: Гос. тип., 1898. Вып. 5. 472 с.

Vysochajshe uchrezhdennaja pod predsedatel'stvom stats-sekretarja Kulomzina komissija dlja issledovanija zemlevladienija i zemlepol'zovanija v Zabajkal'skoj oblasti. *Materialy.* SPb.: Gos. tip., 1898. Vyp. 5. 472 s.

8. *Градостроительство Сибири.* СПб.: Коло, 2011, 784 с.

Gradostroitel'stvo Sibiri. Sankt-Peterburg: Kolo, 2011, 784 s.

9. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. В 12 т. СПб., 1846–1872; т. 3, 1848, 572 с.

Dopolnenija k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arheograficheskoj komissiej. V 12 t. SPb., 1846–1872; t. 3, 1848, 572 s.

10. Зуев А. С. *Богдойский боярин Гантимур: рождение и развенчание мифа // Вестник НГУ. Серия: История, филология.* 2020. Т. 19. № 8. История. С. 9–34.

Zuev A. S. *Bogdojskij bojarin Gantimur: rozhdenie i razvenchanie mifa // Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija.* 2020. T. 19. № 8. Istorija. S. 9–34.

11. Зуев А. С. *Гантимур и русские землепроходцы: из истории русско-тунгусских отношений в Забайкалье в середине XVII в. // Сибирь в империи – империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVIII – начале XX вв.* Иркутск, 2013. С. 134–152.

Zuev A. S. *Gantimur i russkie zemleprohodcy: iz istorii russko-tungusskih otnoshenij v seredine XVII v. // Sibir' v imperii – imperija v Sibiri: imperskie processy na okrainah Rossii v XVIII – nachale XX vv.* Irkutsk, 2013. S. 134–152.

12. Изгачев В. Г., 1959. *Русский землепроходец П. И. Бекетов // Ученые записки Читинского гос. пединститута.* Чита. Вып. 4. С. 79–100.

Izgachev V. G., 1959. *Russkij zemleprohodec P. I. Beketov // Uchenye zapiski Chitinskogo gos. pedinstituta.* Chita. Vyp. 4. S. 79–100.

13. Изгачев В. Г., 1966. *Читинское плотбище в XVII веке (Исторический очерк) Общественные и исторические науки.* Чита. Вып. 3. С. 55–69.

Izgachev V. G., 1966. *Chitinskoe plotbishhe v XVII veke (Istoricheskij ocherk) Obshhestvennye i istoricheskie nauki.* Chita. Vyp. 3. S. 55–69.

14. Изгачев В. Г., Терентьев Л. С. *Иргенские отписки Петра Бекетова (К истории основания Иргенского острога, Читы и Нерчинска) // Забайкальский рабочий.* 1974. 26 апреля № 99 с. 4;

Izgachev V. G., Terent'ev L. S. *Irgenskie otpiski Petra Beketova (K istorii osnovanija Irgenskogo ostroga, Chity i Nerchinska) // Zabajkal'skij rabochij.* 1974. 26 aprelja № 99 s. 4;

**ПОХОДУ ПЕТРА БЕКЕТОВА В ЗАБАЙКАЛЬЕ 370 ЛЕТ:
НОВЫЕ ШТРИХИ К ИЗВЕСТНЫМ СОБЫТИЯМ**

15. Изгачев В. Г., Терентьев Л. С. Иргенские отписки Петра Бекетова (К истории основания Иргенского острога, Читы и Нерчинска) // Забайкальский рабочий. 1974. 9 мая № 107 с. 4;
Izgachev V. G., Terent'ev L.S. Irgenskie otpiski Petra Beketova (K istorii osnovanija Irgenskogo ostroga, Chity i Nerchinska) // Zabajkal'skij rabochij. 1974. 9 maja № 107 s. 4;
16. Изгачев В. Г., Терентьев Л. С. Иргенские отписки Петра Бекетова (К истории основания Иргенского острога, Читы и Нерчинска) // Забайкальский рабочий. 1974. 22 мая № 117 С. 4.
Izgachev V. G., Terent'ev L.S. Irgenskie otpiski Petra Beketova (K istorii osnovanija Irgenskogo ostroga, Chity i Nerchinska) // Zabajkal'skij rabochij. 1974. 22 maja № 117 S. 4.
17. Константинов М. В., Т. А. Константинова Т. А. История Читы: в преддверии города. Известия Иркутского государственного университета. 2014 Т. 7. Серия «История». С. 6–24.
Konstantinov M. V., T. A. Konstantinova T. A. Istorija Chity: v preddverii goroda. Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014 T. 7. Serija «Istorija». S. 6–24.
18. Коchedамов В. И. Первые русские города Сибири. М. Стройиздат, 1977. 190 с.
Kochedamov V. I. Pervye russkie goroda Sibiri. M. Strojizdat, 1977. 190 s.
19. Крадин Н. П., Тимофеева М. Ю. О дате основания Нерчинского острога // Вопросы истории. М., 1988. № 1; с. 171–174.
Kradin N. P., Timofeeva M. Ju. O date osnovanija Nerchinskogo ostroga // Voprosy istorii. M., 1988. № 1; s. 171–174.
20. Красноштанов Г. Б. На ленских пашнях в XVII веке (документальное повествование) [в 3 ч.]. Ч. 2. М.: Древлехранилище, 2013. 1006 с.
Krasnoshtanov G. B. Na lenskih pashnjah v XVII veke (dokumental'noe povestvovanie) [v 3 ch.]. Ch. 2. M.: Drevlehranilishhe, 2013. 1006 s.
21. Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск: Приамурское географическое общество, изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 2008. 752 с.
Krasnoshtanov G. B. Erofej Pavlovich Habarov. Habarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obshhestvo, izd-vo «RIOTIP» kraevoj tipografii, 2008. 752 s.
22. Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М.: Просвещение, 1991. 144 с.
Leont'eva G. A. Zemleprohodec Erofej Pavlovich Habarov. M.: Prosveshhenie, 1991. 144 s.
23. Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Изд. 2. Бурятский государственный университет. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. 390 с.
Okladnikov A. P. Ocherki iz istorii zapadnyh burjat-mongolov (XVII–XVIII vv.). Izd. 2. Burjatskij gosudarstvennyj universitet. Ulan-Udje: Izdatel'stvo Burjatskogo gosuniversiteta, 2013. 390 s.
24. Отписка Петра Бекетова, посланная им из Иргенского острога после 20 января 162 /1654 года // Библиографический указатель к знаменательным и памятным датам по Читинской области на 1983 год. Чита, 1982. Приложение. С. 75–78.
Otpiska Petra Beketova, poslannaja im iz Irgenskogo ostroga posle 20 janvarja 162 /1654 goda // Bibliograficheskij ukazatel' k znamenatel'nym i pamjatnym datam po Chitinskoj oblasti na 1983 god. Chita, 1982. Prilozhenie. S. 75–78.
25. Пора исправлять допущенные ошибки в истории Забайкалья. Сборник очерков и статей об походе Петра Бекетова в Даурский край и основании Читы. Научное издание. Чита, «Экспресс-издательство», 2021
Pora ispravljat' dopushhennye oshibki v istorii Zabajkal'ja. Sbornik ocherkov i statej ob pohode Petra Beketova v Daur'skij kraj i osnovanii Chity. Nauchnoe izdanie. Chita, «Jekspress-izdatel'stvo», 2021
26. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 2. Ед. хр. 1191. Л. 2-6.
RGADA. F. 1177. Op. 3. Ch. 2. Ed. hr. 1191. L. 2-6.
27. РГАДА. Ф. 214. Кн. 317. Л. 33.
RGADA. F. 214. Kn. 317. L. 33.
28. РГАДА. Ф. 214. Ст. 344. Ч. II. Л. 579-598.
RGADA. F. 214. St. 344. Ch. II. L. 579-598.
29. РГАДА. Ф. 214. Ст. 508. Л. 334, 343.
RGADA. F. 214. St. 508. L. 334, 343.

30. РГАДА. Ф. 214. Ст. 556. Л. 4–45, 49–72, 81.
RGADA. F. 214. St. 556. L. 4–45, 49–72, 81.
31. РГАДА. Ф. 214. Ст. 586. л. 426–425.
RGADA. F. 214. St. 586. l. 426–425.
32. Русско-монгольские отношения 1636–1654. Сборник документов. М. Изд. вост. литературы. 1974, 469 с.
Russko-mongol'skie otnoshenija 1636–1654. Sbornik dokumentov. M. Izd. vost. literatury. 1974, 469 s.
33. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / Сост. Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. – Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. 493 с.
Sbornik dokumentov po istorii Burjatii. XVII vek / Sost. G. N. Rumjancev, S. B. Okun'. – Ulan-Udje, 1960. Вып. 1. 493 с.
34. Снопков С. В. Култукский острог. Факты и гипотезы// Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 1 (14). С. 44–52.
Snopkov S. V. Kultukskij ostrog. Fakty i gipotezy// Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij. 2015. № 1 (14). S. 44–52.
35. СПбФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д. 22. Л. 326–336.
SPbF ARAN. F.21. Op.4. D. 22. L. 326–336.
36. СПбФ АРАН. Ф.21. Оп.4. Д. 31. Л. 77–81 об.
SPbF ARAN. F.21. Op.4. D. 31. L. 77–81 ob.
37. Фишер, И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на Немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санктпетербургской Академии наук и Профессором древностей и истории, так же членом исторического Геттингского собрания Иоганном Еберггардом Фишером – СПб.: При Императорской Академии наук, 1774. 631 с.
Fisher, I.Э. Sibirskaja istorija s samogo otkrytija Sibiri do zavoevanija sej zemli rossijskim oruzhiem, sochinennaja na Nemeckom jazyke i v sobranii Akademicheskome chitannaja chlenom Sanktpeterburgskoj Akademii nauk i Professorom drevnostej i istorii, tak zhe chlenom istoricheskogo Gettingskogo sobranija Iogannom Ebergardom Fisherom – SPb.: Pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1774. 631 s.
38. Ципоруха М.И. Покорение Сибири. От Ермака до Беринга.– М.: Вече, 2004. – 400 с.
Ciporuha M.I. Pokorenie Sibiri. Ot Ermaka do Beringa.– M.: Veche, 2004. – 400 s.

Приложения.

«Иргенские» отписки Петра Бекетова

1. 1654 г. не ранее января 20. – Отписка Енисейскому воеводе Афанасью Пашкову сына боярского Петра Бекетова о продвижении его отряда по рекам Селенге и Килке, строительстве Иргенского острога, зимовья на реке Онгиде и острожка на реке Шилка.

(л. 326) Г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря и великого князя Алексея Михайловича всея Руси воеводе Афонасью Филиповичю Енисейского острогу с(ы)н боярской Петрушка Бекетов челом бьет. В прошлом во 160 году июня в 2 де(нь) по г(о)с(у)д(а)р(е)ву ц(а)р(е)ву и великого князя Алексея Михайловича всея Руссии указу посылан я из Енисейского острогу с служилыми людьми на г(о)с(у)д(а)р(е)ву [цареву]¹ службу на Иргень озеро и на великую реку Шилку. А пришед велено мне поставить два острога в самых в крепких и в угрожих местах. А поставя по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу

¹ Слово заключено в квадратные скобки в рукописи.

остроги велено ис тех г(о)с(у)д(а)р(е)вых новых острогов посылать служилых людеи для г(о)с(у)д(а)р(е)ва ц(а)р(е)ва и великого князя Алексея (л. 326 об.) Михайловича всеа Русии ясачново збору и вновь землиц приводу под г(о)с(у)д(а)р(е)ву ц(а)рьскую высокую руку. А как иноземцы под г(о)с(у)д(а)р(е)вою ц(а)рьскою высокою рукою учинятца и мне велено к ним иноземцам привет и ласка держать и ясак с них на г(о)с(у)д(а)ря збирать з болшим раденьем как м(и)л(о)с(е)рдый Б(о)г помощи подаст. Да мне же велено проводывать по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу про серебряную руду. И в прошлых во 160 и во 161 годах я служилыми людми шел из Енисеисково острогу по Тунгуске и по Ангаре реке с великим раденьем неоплошно все блиско своею силою а парусного погодыя было нам мало. И за Байкал озеро перешел октября в 1 де(нь) И по Байкалу дошел до Прорвы пониже Селенги реки за д(е)нь. Да судом б(о)жиим на Байкале озере на парусном погодые у служилых людей у десятника казачья у Фетки Торопченина с товарищи розбило судно со всеми запасы. И я тово судна ждал на Прорве н(е)д(е)лю. И в те поры стал замороз. И я с служилыми людми по нуже зимовал на Прорве. А зимовав на весну как лед скрылся на Байкале озере в прошлом же во 161 году июня в 16 де(нь). От усть Прорвы шел по Байкалу озеру к Селенге реке парусным погодыем неусильчивым. После обеда до вечера в Селенгу реку в устье за сонца дошел. А по Селенге реке вверх от устья до Уды реки шел шесть дней. А Уда впала вверх идучи по Селенге с левою сторону. А от устья Уды реки (л. 327) до Килка реки шел по Селенге реке три дни. А Килка река впала в Селенгу реку с левою сторону. А дошед в Килку реку шел по Килку реке болшими судами в которых из Енисеисково острогу отпущен. Шел з болшею нужею две н(е)д(е)ли. А дале в дощениках по Килке реке итти нельзя¹ и простыми дощениками потому што мелко стало гораздо. И служилые люди били челом г(о)с(у)д(а)рю ц(а)рю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии а мне подали челобитную. А в челобитной их пишет чтоб их г(о)с(у)д(а)рь пожаловал велел бы им² на Килке реке поделать малые суды барки в каких мошно итить по Килку реке до Иргеня озера. И я служилым людем по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу велел делать барки видя то что болшими судами по Килку реке итить стало нелзя нисколко. И служилые люди барки делали на Килке реке три н(е)д(е)ли. А всех барок зделали в три н(е)д(е)ли одинатцать барок да два карбаса шитые. А барки болшие полушесты сажени печатных в длину а поперег трех аршин. А иные барки пяти сажен и четырех а поперег полутретья аршина. А как зделали служилые люди барки и яз служилыми людми по Килку реке барками до Кила реки шесть н(е)д(е)ль шол. А Кила река впала вверх идучи в Килку реку с левую сторону. А от Килы реки вправую (л. 327 об.) сторону к Ыргеню озеру пошла Килко³ река. А от Кила реки теми ж барками по Килку шел до Иргеня озера десять дней. А пришел на Иргень озеро служилыми людми со всеми запасы на всех барках до Покрова с(вя)тей Б(огоро)д(и)цы за

¹ Слово вписано над строкой.

² Здесь слова «им на» зачеркнуты, а слово «им» вписано над строкой.

³ В этом слове буквы «лка» зачеркнуты, а буквы «лко» вписаны над строкой.

н(е)д(е)лю. А служилые люди все одва дошли до Иргеня озера теми барками со всеми своими запасы. Все обезножели и без рук и без грудей стали и опухли все потому што Килка река мелка и кривлевата и быстра добре до Иргеня озера. А служилые люди шли без перемены все на барках ч(е)л(о)в(е)к по семи на судне и по шти было. А Килка река не рыбна. А бечевников по Килку реке мало до Кила реки. А от Кила реки по Килку и до Иргеня озера з бечевою вытить негде все шестовой ход. А в кривлеках извороты лихи все рычагами изворачивают мало не во всяком плесе. А волоку до Иргеня озера ни какова нет по Килку реке. А впредь хто будет отпущен из Енисеисково острогу по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу на ту г(о)с(у)д(а)р(е)ву службу на Иргень озеро и на великую реку Шилку для г(о)с(у)д(а)р(е)ва ясачново збору и вновь землиц приводу приказной ч(е)л(о)в(е)к с служилыми людми и ему до Селенги реки или до Прорвы болшими дошениками дойти мошно. А в Прорву или в Селенгу вошед делать дощеники малые в длину полушесты сажени печатных (л. 328) а поперег трех аршин. А больши тех судов до Килку реке до Иргеня озера иными судами доитить¹. А людей иноземцев всяких мунгалских и брацких и тунгуских идучи я с служилыми людми по Селенге реке и по Килку реке до Иргеня озера не видали нигде ни одново ч(е)л(о)в(е)ка. А житья было гораздо много возле реки. И слыша войское г(о)с(у)д(а)р(е)вых служилых людей бегут все прочь от реки. А пришед я на Иргень озеро с служилыми людми на завтрее² взяв с собою служилых людей четырех ч(е)л(о)в(е)к пятидесятника казачья Ивашка Котелникова да десятника казачья Ивашка Герасимова Чебучакова да Якуньку Иванова Попова, да Фетку Семенова Мантурова ездил на конех проведывать Иргеня озера и Шапши и Яракля каковы оне в длину и поперег и как из них истоки текут и каковы волоки от тех озер на Онгиду реку сколь велики и не грязны ли и не гористы ли. И по смете Ирґеня озеро в длину верст спять а поперег три версты. А в нево речек и из иных озер истоков нет. А из нево один исток. А Шапша озеро выше Иргеня озера верст з десять. А в длину Шапша озеро верст з двадцать а поперег верст с шесть. А рек в нево никаких нет. А исток в него есть из Яракля озера. А Яраклей озеро кругло в длину и поперег ровно. (л. 328об.) Верст есть в одну сторону пятнатцать. А из Шапши и из Яракля озера исток пал в Ыргенской исток вверх идучи с правою сторону. А как те истоки сошлись вместе ис тех мест словет Килко река. А выше Ергеня озера к Шапше и к Яраклю озерам словет Исток. А Килку реке слава до Ергеня озера от устья. А Ирґеня озеро и Шапша и Яраклей летом рыбно а зимою менши рыбы. А тунгусы сказывают что всех озер рыбнее Ергеня озеро. А пашенных мест круг Ергеня озера иных всех озер на сеи стороне волоков нигде нет. Места мокрые около тех озер. А где и сухие места ино земля с мелким камешником. И ездил я сам с служилыми людми дозоирать озер и волоков три дни. И приехав на Ирґеня озеро отобрав служилых людей и казачьих наемщиков и гулящих охочих людей семьдесят два человека десятника казачья Дружинку Васильева Попова Даурсково с товарищи и велел им служилым людем и казачьим

¹ Вероятно, здесь пропущено слово «нельзя».

² В этом слове буквы «за» вписаны над строкой.

наемщиком и охочим гулящим людем по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу поставить на усть тех истоков г(о)с(у)д(а)р(е)в Ергенской острог по нижнюю сторону Ергенсково истоку к Ирғыгеню озеру в стрелке вверх идучи по Килку реке на левой стороне против самово волоку Онгиндинсково. А в остроге поставлено (л. 329) г(о)с(у)д(а)р(е)в казенной анбар да шесть изб казачьих жилых с нагородни. В остроге двой ворота караулня над вороты и всякие острожные крепости в остроге и за острогом и надолопы кругом острогу поделаны. А хто служилых людей и казачьих наемщиков и охочих служилых людей с казачьим десятником з Дружинкою Васильевым по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу г(о)с(у)д(а)р(е)в острог ставили на Ергене озере и тем служилым людем и казачьим наемщиком имянная роспись послана к тебе г(о)с(у)д(а)р(е)ву воеводе Афонасью Филиповичю под сею отпискою. А преж острожно ставленья радеючи я Петрушка г(о)с(у)д(а)рю послал за Волок служилых людей и казачьих наемщиков пятидесятника казачья Ивашка Котелникова а с ним с Ывашком служилых людей и казачьих наемщиков тритцать ч(е)л(о)в(е)к с ношами з запасенки своими кроме тех ¹ служилых людей семидесят(и) ч(е)л(о)в(е)к Дружинки Васильева с товарищи которые ставили по г(о)с(у)д(а)р(е)ву [ц(а)р(е)ву]² указу г(о)с(у)д(а)р(е)в Ергенской острог. Да и тех же служилых людей на тритцать человек велел перенести за волок на Онгиду реку по два пуда муки тем служилым людем семидесят человеком которые ставили г(о)с(у)д(а)р(е)в Ергенской острог для поспешенья г(о)с(у)д(а)р(е)вы службы. А как служилые люди запасы перенесли (л. 329об.) за волок на Онгиду реку и я перешел с теми служилыми людами с тритцатью ч(е)л(о)в(е)ки с Ывашком Котельниковым с товарищи за волок и велел служилым людем на Онгиде реке поделать плоты. И как плоты поделали служилые люди и яз с служилыми людами поклатчи на плоты свои запасишка октября в 19 де(нь) поплыл по Онгоде реке на великую реку Шилку для острожно ставленья и для г(о)с(у)д(а)р(е)ва ясачново збору и вновь землиц приводу под ево г(о)с(у)д(а)р(е)ву ц(а)рьскую высокую руку. И плыл по Онгиде реке во льду половина дни. От Волоку Ергенсково верст з десять отплыл. И наплыли на запор. Онгида река давно стоит ден з десять и болши. И я служилым людем велел срубить зимовье. А в зимовье анбар г(о)с(у)д(а)р(е)в да три избы казачьи. А в зимовье и около зимовья велел крепости учинить. И велел казну г(о)с(у)д(а)р(е)ву в г(о)с(у)д(а)р(е)в анбар сносить да и свои казачьи запасишка велел в том в новом г(о)с(у)д(а)р(е)ве зимовье устроить. А поставя зимовье и казну г(о)с(у)д(а)р(е)ву вынося в анбар и свои запасишка устроя послал служилых людей на Великую реку Шилку десять человек десятника казачья Максимка Уразова с товарищи к нелюдскому князю Гентамуру на усть Нерчи реки для заимки острожно поставленья и для государева ясачново збору и вновь землиц приводу под ево г(о)с(у)д(а)р(е)ву ц(а)рьскую руку конным путем. (л. 330) А служилые люди покупали кони у иноземцов дорогою ценою рублев по десяти и по пятнатцати и дороже должася друг у друга. А от зимовья до усть Нерчи реки конным путем со

¹ Здесь «же» вписано над строкой и зачеркнуто.

² Слово заключено в квадратные скобки в рукописи.

вьюками дней восемь. А пришед им служилым людем на великую реку Шилку на усть Нерчи реки велел приискать крепкое и угожее место где быть г(о)с(у)д(а)р(е)ву острогу штоб к тому острогу по блиску были пашенные места и рыбные ловли. А сверх своево разсмотренья велел спросить у нелюдсково князца Гентамура где место угожее потому тот князец радеет г(о)с(у)д(а)рю и прямит со всеми своими улусными людами. А отпустя я тех служилых людей Максимка Уразова с товарищи приказал на Онгиде реке в зимовье быть пятидесятинику казачью Ивашку Котелникову с товарищи. А сам зимую н(ы)не в г(о)с(у)д(а)р(е)ве Ерьгенском остроге с служилыми людами. И из Ерьгенсково острогу посылал я служилово ч(е)л(о)в(е)ка десятника казачья Ивашка Чебучакова посылал призывать тунгуских князцев и их улусных людей з г(о)с(у)д(а)р(е)вым ясаком в новой г(о)с(у)д(а)р(е)в Ерьгенской острог под ево г(о)с(у)д(а)р(е)ву ц(а)рьскую высокую руку и к ево г(о)с(у)д(а)рьской м(и)л(о)сти. А как оне иноземцы тунгусы приехали в новой г(о)с(у)д(а)р(е)в Ерьгенской острог з г(о)с(у)д(а)р(е)вым ясаком ко мне князец Карбаин да Иживца а с ними улусных людей шестьдесят ч(е)л(о)в(е)к и яз¹ и их тунгусских князцев и с их улусными людами князца Карабаина Иживцу по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу против шертоприводные памяти привел их (л.330 об.) к шерти и взял с них г(о)с(у)д(а)р(е)в ясак по два соболя с ч(е)л(о)в(е)ка на нынешней на 162 год. А болши двух соболей положить на них не уметь потому што живут оне на степях лесов блиско нет. И те оне соболи отъежжая на иные реки покупают на скот у оленных мужиков. А взяв с них г(о)с(у)д(а)р(е)в ясак и к шерти приведши велел их иноземцов напоить и накормить доволно г(о)с(у)д(а)р(е)выми запасы. И дав им г(о)с(у)д(а)р(е)во жалованье подарки и отпустил их по своим местам. Да в нынешнем во 162 году генваря в 20 де(нь) писали ко мне с Шилки и с усть Нерчи реки служилые люди Максимко Уразов с товарищи что оне служилые люди на великой реке Шилке против устья Нерчи реки Шилкою рекою на низ пловучи на правой² стороне приискав крепкое и угожее место где быть г(о)с(у)д(а)р(е)ву большому острогу у рыбных ловль и у пашенных мест для займки поставили малой острожек а в нем одна изба с нагороднею. А об ясачном он зборе³ Максимко Уразов с товарищи пишет что у них по се число г(о)с(у)д(а)р(е)ва ясаку сорока з два есть в зборе. А служилых людей а иных служилых он Максимко розослал для г(о)с(у)д(а)р(е)ва ясачново збору по сторонным рекам к тунгуским людем. А чае де Б(о)жиею м(и)л(о)стию г(о)с(у)д(а)рским счастьем г(о)с(у)д(а)р(е)в ясак будет в зборе перед прошлым 161 годом на нынешней на 162 год с прибылью. Да и на Ерьгене озере в новом г(о)с(у)д(а)р(е)ве Ерьгенском остроге будет г(о)с(у)д(а)р(е)в ясак перед прошлым 161 годом на нынешней на 162 год с прибылью ж. А которые служилые люди зимуют (л. 331) на Онгиде реке в новом г(о)с(у)д(а)р(е)ве Зимовье у г(о)с(у)д(а)р(е)вы казны и у своих запасишков с пятидесятиником казачьим с Ъвашком Котелниковым и которые посланы на Великую реку Шилку для

¹ Здесь слова «и яз» вписаны над строкой.

² Слово исправлено. Первоначально было написано «на правом».

³ Здесь зачеркнуто слово «анбаре», вместо него над строкой вписано «он зборе».

осторожные заимки и для г(о)с(у)д(а)р(е)ва ясачново збору и вновь земель приводу под ево ц(а)рьскую высокую руку и тем служилым людем имена под сею ж отпискою послан¹ к тебе г(о)с(у)д(а)р(е)ву воеводе Афонасью Филиповичю в Енисейской острог. А как Б(о)г даст не весну лед скроется и я на великой реке Шилке на усть Нерчи реки с служилыми людами большой острог поставлю.

СПбФ АРАН, ф.21, оп.4, ед. хр. 22, лл. 326–331. Копия XVIII в. Частично опубликована: Библиографический указатель к знаменательным и памятным датам по Читинской области на 1983 год. С. 75–78.

2. 1654 г. январь 25.² – Отписка Енисейскому воеводе Афанасью Пашкову сына боярского Петра Бекетова из Иргенского острога о волоке на реку Онгиду, устройстве государственной пашни и ясачном сборе.

(л. 331) Г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси воеводе Афонасью Филиповичю Енисейского острогу с(ы)н боярской Петрушка Бекетов челом бьет. В прошлом во 161 году прислана ко мне на Прорву реку из Енисейского острогу по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу от тебя г(о)с(у)д(а)р(е)ва воеводы Афонасья Филиповича наказная память да з г(о)с(у)д(а)р(е)вы грамоты список да шертоприводная память иноземцам. А подал наказную память и з г(о)с(у)д(а)р(е)вы грамоты список и шертоприводную память в съезжей избе мне на Прорве реке Енисейского острогу десятник казачей Якунка Похабов в прошлом во 161 году марта в 11 день. А в наказной памяти писано по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу от тебя г(о)с(у)д(а)р(е)ва воеводы ко мне велено мне проведать (л. 331 об.) и отписать в Енисейской острог к тебе г(о)с(у)д(а)р(е)ву воеводе Афонасью Филиповичю против списка г(о)с(у)д(а)р(е)вы грамоты и наказной памяти про Килку реку которая течет от Ергеня озера в Селенгу реку. Проведать подлинно всякими мерами накрепко мочно ли Килкою рекою дойти судами до Еръгеня озера и мелей нет ли и от той реки Килки до Ергеня озера волоку не будет ли. И яз писал н(ы)не к тебе г(о)с(у)д(а)р(е)ву воеводе Афонасью Филиповичю в Енисейской острог против г(о)с(у)д(а)р(е)вы грамоты списка и наказной памяти подлинно как я дошел до Еръгеня озера и каков мой был ход и что у меня Б(о)жиею м(и)л(о)стию и г(о)с(у)д(а)рьским счастием зделалось здесь на г(о)с(у)д(а)ре службе про все подлинно в osobной отписке писано. Да мне же велено проведать каков волок от Ергеня озера до реки Онгиды сколь велик волок и те же Енисейские суды через тот волок мошно ли от Еръгеня озера служилым людем переволочь. Мошно ли что б новых судов не делать а для поспешенья переволочь суды от Еръгеня озера за волок на Онгиду реку лошадьми или пешими людами мочно же ль. И лес на Еръгенском волоку есть ли из чево суды делать. И лошади у тунгусов в подводы взять мошно ли. И хлеб всякой родитца ли. А проведав до пряма про то про все велено мне

¹ Так в тексте.

² Отписка датируется на основании указания в отписке «Отписка Енисейскому воеводе Афанасью Пашкову сына боярского Петра Бекетова из Иргенского острога об отправке в Енисейский острог отписок и чертежа Иргенского острога ...» о том что П. Бекетов «во 162 году генваря в 25 де(нь) писал ... в Енисейской острог ... про все подлинно обо вся ких г(о)с(у)д(а)р(е)вых делах».

отписать к тебе г(о)с(у)д(а)р(е)ву воеводе Афонасью Филиповичю. А Волок што против Ерьгенсково острогу на Онгиду реку и тово (л. 332) волоку меньше и глаже и сушае и всем угоднее нигде нет. А величиною волок от Ерьгенсково острогу до Онгиды реки по смете верст з дватцать есть. А от Ергеня озера до половины волоку лес есть всякой. А с половины волоку к Ингиде реке степь лесу нет никакова. Лише край Онгиды реки где волок лес есть бор большой суды мошно делать. А больших судов дощеников через волок от Ерьгеня озера на Онгиду реку переволочь не мошно. А малые лотки мошно добыть за волок. А лошадей купить и нанять не у ково потому что блиско Ергеня озера и Онгиды реки г(о)с(у)д(а)р(е)вых ясачных людей тунгусов нет живут все по сторонным рекам к степям для зверовья. А хотя б и были г(о)с(у)д(а)р(е)вы ясачные люди тунгусы поблиску и оне не скотны и у лутчево ч(е)л(о)в(е)ка лошади три или четыре а рогатого скота у них нет. А только у ясачных людей имать куды ни есть лошади в подводы и их тем от г(о)с(у)д(а)рской м(и)л(о)сти отгонить. А вверх по Шилке реке пашенных мест нет. И тунгусы пашни не пашут никакова хлеба не сеют. А от усть Онгиды реки вниз по великой реке Шилке до усть Нерчи реки и вниз по Шилке и по сторонным рекам сказывают служилые люди которые преж сево бывали для г(о)с(у)д(а)р(е)ва ясачново збору и г(о)с(у)д(а)р(е)вы ясачные тунгусы что пашенные места есть. А тунгусы г(о)с(у)д(а)р(е)вы ясачные люди по Шилке и по Нерче реке живут пашни (л. 332об.) не пашут и никакова хлеба не сеют. А покупают де они хлеб у тергечинов крупу овсяную и просяную и гречюшную да и то не дешевою ценою. По русскому пуда три дадут десять соболей уловных в косках. А хлеб у них у тергечинов кроме ржи всякой есть. А к ним тунгусам цельем не привозят семенново хлеба никакова тергечины продавать не привозят. А г(о)с(у)д(а)р(е)вым служивым людям у них у тергечинов хлеба купить много немошно потому што на наши руские товары на сукна на красные и на котлы на зеленую медь и на красную и на олово и на одекуй и на железо походу нет ни на что. Добре у них много своих товаров сукон и кумачей и меди и железа и олова много и серебро есть же не от велика и всем оне тергечины полны всякими товары. А сказывают что де к ним все идет ис Китайсково. И только будет г(о)с(у)д(а)р(е)вым служилым людям впредь будет покупать хлеб на соболи всякой хлеб и им голодною смертью всегда помирать. А яз н(ы)не радеючи г(о)с(у)д(а)рю поставил двух ч(е)л(о)в(е)к в пашенные крестьяне купил им на свои денги а не из г(о)с(у)д(а)р(е)вы казны по ясырю им по жонке и по две лошади дал и всем их сподобил. Оне заводные люди з добрую их пашню будет. А таковы со мною посланы были г(о)с(у)д(а)р(е)вы бенгинины в пашню мошно призвать. А для яровово хлеба на семена государевы послал я на великую реку Шилку с служилыми людьми с Максимком Уразовым с товарищи г(о)с(у)д(а)р(е)вых товаров сукон (л. 333) летчины красные и меди и олова и велел им у тергечинов купить на г(о)с(у)д(а)ря хлеба яровова всякова для семен. И велел им служилым людям приготовить к весне тот яровой хлеб покупошной к севу. Да и то им служилым людям заказывал гораздо чтоб оне г(о)с(у)д(а)рю порадели отнюдь бы яровова семяново хлеба купили. А будет немошно у тергечинов хлеба купить немошно на г(о)с(у)д(а)р(е)вы товары на сукна и на котлы и на олово и я велел тот товар продать

на соболи иным тунгусам и на те соболи велел купить хлеба яровова на семена. А на весну как Б(о)г даст лед вскроетца приплыв на великую реку Шилку приискав крепкое и угожее место где бы к пашенному месту и к рыбной ловле поставя служилыми людми г(о)с(у)д(а)р(е)в большой острог и пашню г(о)с(у)д(а)р(е)ву устроая прося у Б(о)га м(и)л(о)сти и госудрьским счастием хочю ехать сам взяв с собою служилых добрых лутчих людей человек пять или шесть в Китайское г(о)с(у)д(а)рство для проводыванья серебряные руды и для всякого разсмотренья. А по г(о)с(у)д(а)р(е)в ясак яз служилых людей во многие места розослал. А с осени де г(о)с(у)д(а)р(е)в ясак не вскоре збираетца. А збираетца де г(о)с(у)д(а)р(е)в ясак под весну. А как г(о)с(у)д(а)р(е)в ясак на Ирьгене озере в г(о)с(у)д(а)р(е)ве остроге и на великой реке Шилке Б(о)жиною м(и)л(о)стию и г(о)с(у)д(а)рским счастием у меня в зборе будет и десятую г(о)с(у)д(а)р(е)ву с служилых и с промышленных людей в г(о)с(у)д(а)р(е)ву казну возьму и что (л. 333 об.) у меня все г(о)с(у)д(а)р(е)вы казны ясачные и десятинные в зборе будет и яз на весну тотчас как лед вскроетца с служилыми людми сколко ч(е)л(о)в(е)к пригоже пошлю к тебе г(о)с(у)д(а)р(е)ву воеводе в Енисейской острог Килкою рекою через Байкал озеро. А без конных служилых людей в Ыргеньском остроге и на Великой реке Шилке отнюдь на ево г(о)с(у)д(а)р(е)ве службе нельзя быть впредь потому что земли прилегли к Иргенскому острогу и к великой реке Шилке многие розные и многолюдные да и приудалели. Пешею ногою не достать потому что лыжново ходу нет никуда. Снегов мало живет. Везде степи голые. А иноземцы все люди конные. Пешими за ними не уходить. А в острогах г(о)с(у)д(а)р(е)вых на Иргене озере и на великой реке Шилке прикажу быть десятником добрым. А с ними служилым людем посколку ч(е)л(о)в(е)к пригоже. Да и пашню г(о)с(у)д(а)р(е)ву велю строить тако семен яровых служилые люди купят Максимко Уразов с товарыщи.

СПбФ АРАН, ф.21, оп.4, ед. хр. 22, лл. 331–333 об. Копия XVIII в.

3. 1654 г. не ранее января 25. – Отписка Енисейскому воеводе Афанасью Пашикову сына боярского Петра Бекетова из Иргенского острога об отправке в Енисейский острог отписок и чертежа Иргенского острога и великой реки Шилки, причинах задержки с их отправкой, ясачном сборе и планах Ивана Похабова идти в Китайское государство к Китайскому царю.

(л. 333 об.) Г(о)с(у)д(а)ря ц(а)ря и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси воеводе Афонасью Филиповичю Енисейского острогу с(ы)н боярской Петрушка Бекетов челом бьет. В прошлом во 161 году прислана ко мне на Прорву реку из Енисейского острогу по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу (л. 334) от тебя г(о)с(у)д(а)р(е)ва воеводы Афанасья Филиповича наказная память да з г(о)с(у)д(а)р(е)вы грамоты список да шертоприводная память иноземцам. А подал мне з г(о)с(у)д(а)р(е)вы грамоты список и наказную память и иноземцам шертоприводную память Енисейского острогу казачей десятник Якунка Похабов в 161 году марта в 11 де(нь). А в наказной памяти писано велено мне про все отписать подлинно про весь свой дорожной ход и про Селенгу реку и про Килку реку и про иные сторонные реки и озера и про г(о)с(у)д(а)р(е)вы остроги про Ергенской и про

Шилской как у меня г(о)с(у)д(а)р(е)вы остроги поставятца которого году и которого числа и чертежи г(о)с(у)д(а)р(е)вым новым острогам велено присылать и про Волок Ергенской сколь велик и про пашни г(о)с(у)д(а)р(е)вы и про всякие г(о)с(у)д(а)р(е)вы дела против списка г(о)с(у)д(а)р(е)вы грамоты и наказные памяти. И в н(ы)нешнем во 162 году генваря в 25 де(нь) писал я к тебе г(о)с(у)д(а)р(е)ву воеводе Афонасью Филиповичю в Енисейской острог против списка г(о)с(у)д(а)р(е)вы грамоты и наказной памяти про все подлинно обо всяких г(о)с(у)д(а)р(е)вых делах. И с теми отписками со всеми и чертежем новому острогу Ергенскому острогу поставленью и великой реки Шилки послал служилых людей Енисейского острогу Оксенка Варламова Шаидура Тренку Захарова Офонку Жукова Ивашка Белозера Безсонка Матвеева (л. 334 об.) Оску да Якунку Михеевых¹ Ивашка Мутинцова да казачьих наемщиков Микишку Маркова Елизарка Чижева Демку Федорова да охочева ч(е)л(о)в(е)ка Овдокимка Федотова Опару через Баргузинской острог и Верхоленской и на [И]²лимской волок. А за жожами та г(о)с(у)д(а)р(е)ва служба немалое время промышкалась потому что поблиску г(о)с(у)д(а)р(е)вых ясачных людей тунгусов нет Еръгенсково острогу. Живут все по далным речкам для своих промыслов. А хотя б оне ясашные люди и поблиску были и им вести нельзя г(о)с(у)д(а)р(е)вых служилых людей в Баргузинской острог в ту пору зимним путем нельзя.³ Бывает бездорожица потому что камень. Ехать нельзя⁴. Камень велик от Иргенсково острогу к Баргузинскому острогу залег. А на камени снеги болшие живут пядей в пять и болши. А оне тунгусы люди конные на лыжах мало ходят. И ныне похотели г(о)с(у)д(а)рю послужить и службу свою г(о)с(у)д(а)рю объявить г(о)с(у)д(а)р(е)вых служилых людей провесть от Ергенсково острогу в Баргузинской острог лыжным ходом с отписками и с чертежем и со всякими г(о)с(у)д(а)р(е)выми делами служилой человек Ивашко Мутинцов да казачей наемщик Микишка Марков. А токо бы не оне выискались на ту г(о)с(у)д(а)р(е)ву службу вести и отпуск бы той г(о)с(у)д(а)р(е)ве службе гораздо замешкался. А иное тот отпуск за тем замешкался долго отписки не бывали с великие реки Шилки от служилых людей от десятника (л. 335) казачья от Максимки Уразова с товарищи. А чертежу своево поставленья г(о)с(у)д(а)р(е)ву острогу оне служилые люди Максимко Уразов с товарищи ко мне в Ергенской острог с великие реки Шилки с отпискою своею не прислали как у них г(о)с(у)д(а)р(е)в острог поставлен А по скаске служилого ч(е)л(о)в(е)ка Поздейка Яковлева Шанова которой служилой ч(е)л(о)в(е)к прислал⁵ ко мне с отпискою с великие реки Шилки от них служилых людей от Максимки Уразова с товарищи. А розспрося⁶ у служилого ч(е)л(о)в(е)ка и тот г(о)с(у)д(а)р(е)в острог ввел я в чертеж. А которые служилые

¹ Часть слова «аиловых» зачеркнута и над строкою вписано «еевых».

² В слове буква «И» пропущена.

³ Далее знак вставки два кружочка.

⁴ На левом поле вписано: «Бывает бездорожица потому что камень. Ехать нельзя».

⁵ Так в тексте рукописи.

⁶ Первоначально было написано «выспрося», позже «вы» в слове зачеркнута и вписано над строкой «роз».

люди и казацьи наемщики по г(о)с(у)д(а)р(е)ву указу посланы в Енисейской острог с отписки и с чертежем и с тех служилых людей и казачих наемщиков своей мяжкой рухляди соболина г(о)с(у)д(а)р(е)ва десятая пошла в г(о)с(у)д(а)р(е)ву казну в Ыргенском остроге взята вся сполна да и в книги записана. А им служилым людям даны¹ отписи за своею рукою и печатью. А как г(о)с(у)д(а)рским счастьем в Ыргенском остроге г(о)с(у)д(а)р(е)ва казна соболина ясачная и десятинная вся в зборе будет и яз на весну тотчас вышлю в Енисейской острог к тебе г(о)с(у)д(а)р(е)ву воеводе Афонасью Филиповичю с служилыми людьми сколько ч(е)л(о)в(е)к пригоже. Да в прошлом во 161 году оставил пятидесятник казачей Ивашко (л. 335 об.) Максимов на Ергене озере после себя казачьих наемщиков дву ч(е)л(о)в(е)к Стенку Тимофеева да Микишку Маркова для г(о)с(у)д(а)р(е)ва ясачнова недобору у тунгуских людей. И оне казачьи наемщики Стенка Тимофеев Микишка Марков на Иргене озере прокормитца у тунгусов не могли и съехали до меня осеновать в Баргузинской острог к Ывану Похабову. И в н(ы)нешнем во 162 году декабря в 4 день приехали из Баргузинского острогу в Ыргенской острог те казачьи наемщики Стенка Тимофеев, Микишка Марков и мне в съезжей избе сказывали что Иван Похабов наряжаетца быть из Баргузинского острогу в Ыргенской острог ко мне прибрав с собою ссыльных людей плутов. А хочет де итти в Китайское г(о)с(у)д(а)рство китайскому царю взять с собою всю г(о)с(у)д(а)р(е)ву соболиную казну ясачную. Да он же де Иван изпродал руским людям всю г(о)с(у)д(а)р(е)ву казну медь в котлах и олово и всякой товар на соболи неведомо для какой меры и по которому своему умышлению. И как только он Иван поидет в Китайское г(о)с(у)д(а)рство х китайскому царю и он идучи на Ергене озере и на великой реке Шилке в г(о)с(у)д(а)р(е)ве ясачном зборе учинит большую поруху. Да и изгонение ясачным людям от него Ивана в вожах и в подводах немалое будет. А земля новая люди иноземцы дикие тем их иноземцов ясачных людей от г(о)с(у)д(а)рской м(и)л(о)сти отгонить. Да иноземцы тунгусы ездили на Баргузин к своим родникам (л. 336) с Ыргеня озера ясачные люди слышали на Баргузине у своих родников что он Иван купил кони многие а нарежаетца в Китайские г(о)с(у)д(а)рство х китайскому царю подлинно. И про то мне про все иноземцы ясачные люди рассказывали что подлинно де он Иван хочет ехать в Китайское г(о)с(у)д(а)рство х китайскому царю со всею г(о)с(у)д(а)р(е)вою ясачною соболиною казною. И яз н(ы)не к тебе г(о)с(у)д(а)р(е)ву воеводе Афонасью Филиповичю в Енисейской острог для тово писал либо от ево Иванова поезду и к иноземцам изгоня будет и в г(о)с(у)д(а)р(е)ве ясачном зборе недобор учинитца и от ево Ивановы всякие плутни мне от г(о)с(у)д(а)ря в опале не быть. А в любительной ко мне грамотке он Иван писал же ко мне что хочет быть в Ыргенской острог ко мне а неведомо для какова дела И велел мне припасти седел и потников и платья цветново.

СПбФ АРАН, ф.21, оп.4, ед. хр. 22, лл. 333 об.–342 об. Копия XVIII в.

¹ Далее написано и зачеркнуто «книги».

Trukhin V. I., Bagrin E. A. 370 years of Peter Beketov's campaign in Transbaikalia: new details to known events

The article is based on currently known published and unpublished sources of the 17th century. It described the events associated with Peter Beketov's campaign to Transbaikalia in 1652–1654. The authors managed to present the chronology of the campaign in detail, to clarify information regarding the composition of the expedition, the construction of forts and winter huts. The appendix to the study contains a list of names of most of the participants in the campaign. Three letters sent by Beketov from Irgen fort had been fully published for the first time.

Keywords: history, Siberia, Transbaikalia, Dauria, Cossacks, Peter Beketov, river Shilka, lake Irgen, XVII century.

УДК 94(497.1)“1945/1962”

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ СЛУЖЕБНЫХ КАРЬЕР В ЮГОСЛАВСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1945–1962)

Шахин Ю. В.

*Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: y-v-shahin@yandex.ru*

Предпринята попытка применить к Югославии концепцию Б.Андерсона о влиянии служебных карьер на развитие национальных идентичностей. В 1945–1962 гг. пространственная конфигурация служебных карьер в Югославии тяготела к замыканию в республиканских политических границах, что создавало благоприятные условия для формирования республиканских бюрократических кланов. К концу 1940-х гг. эта тенденция охватила и автономии в составе Сербии. Существовал только один канал выхода карьеры за региональные рамки – переход на работу в центральные органы. Реформы начала 50-х гг. XX века в значительной мере его перекрыли благодаря децентрализации и принципу делегирования. Попытки развить горизонтальные контакты республиканских кадров в 50-е гг. не принесли результатов. Эти процессы вызывали нарастающее отчуждение между региональными группировками партийно-государственной бюрократии и размывание их югославской идентичности.

Ключевые слова: Югославия, кадровая политика, партийно-государственная бюрократия, идентичности, республиканизм.

Одно из перспективных направлений исследования дезинтеграционных процессов в федеративной Югославии – изучение этнономенклатурных кланов. Однако механизм формирования клановых структур югославской бюрократии всё еще изучен недостаточно. В данной статье предпринята попытка проанализировать влияние официальных служебных карьер партийных и государственных должностных лиц на их клановую организацию и формируемые на ее основе идентичности.

Для поставленной проблемы большое значение имеют идеи Бенедикта Андерсона о генезисе национализма в странах Латинской Америки. Он объясняет появление креольского национализма в XVIII веке пространственной конфигурацией служебных карьер у местных региональных бюрократий [1, с. 114–122]. Андерсон применил это объяснение для решения трудной исторической проблемы, как возник буржуазный национализм в обществах, где почти не было сложившегося класса буржуазии, между тем, в федеративной Югославии мы сталкиваемся с аналогичной трудностью: в обществе, где буржуазия классического типа была в лучшем случае маргинальным явлением, происходят бурные национальные процессы, протагонистом которых оказывается бюрократия и связанная с ней интеллигенция.

В Латинской Америке Андерсон рисует такую схему. Прежде всего, административно-территориальные единицы испанских колоний были экономически обособлены друг от друга, и это создавало материальную

предпосылку для их восприятия как родины. Однако простой экономической обособленности для этого было мало, требовалось возникновение коллективной общности. Описывая ее рождение, Андерсон использует метафору «секулярное паломничество». Путешествие между временем, статусом и местом создает смыслообразующий опыт, в частности, чувство коллективной идентичности. Чтобы оно развилось у бюрократии, требуются территориальные рамки, задаваемые ограничениями как в вертикальной, так и в горизонтальной мобильности. Так креол, уроженец испанской колонии в Америке, мог сделать чиновничью карьеру чаще всего в рамках своей административно-территориальной единицы, иногда в рамках соседней, но при этом не мог сделать карьеры в метрополии, а в колонии ему были недоступны высшие ступени иерархии. На этой основе и рождалась коллективная идентичность. Однако, как следует из замечаний Андерсона, само по себе такое чувство общности еще не является национальным, оно должно еще и быть определенным образом структурировано. В случае с народами Югославии к 1950-м гг. это второе условие уже существовало: в наиболее развитых югославянских регионах процесс национального строительства насчитывал около ста пятидесяти лет, и готовые клише для структурирования коллективных идентичностей в национальном духе успели укорениться в местной культуре. Поэтому задача по исследованию траекторий служебных карьер сводится лишь к одному вопросу: в какой мере эти служебные пути способствовали укреплению или ослаблению региональных и общегославской национальных идентичностей.

Во время распада Югославии линии разлома, за небольшими исключениями, прошли по политико-административным границам, поэтому особое значение имеет вопрос о пересечении именно республиканских границ в процессе службы. Помимо республиканских заслуживают внимания также границы автономий в составе Сербии. Исходя из концепции Андерсона можно сформулировать такую гипотезу о пространственном движении управленческих кадров в Югославии: если оно преодолевало границы национальных республик, то снижалась угроза развития республиканских национализмов и наоборот. Представленное исследование призвано проверить эту гипотезу на конкретно-историческом материале середины 1940-х – начала 1960-х гг. Исследование завершается 1962 г., поскольку тогда начались принципиальные изменения в кадровой политике, связанные с системой ротации. Упреждая возможные возражения, что этот временной отрезок слишком мал для существенного влияния служебных карьер на выработку идентичностей, важно подчеркнуть, что речь здесь идет не о выработке новых идентичностей с нуля, а об изменении баланса между уже существующей югославской и национальными. Для таких изменений достаточно движения служебных карьер в относительно короткие сроки.

В историографии и доступных нам источниках отсутствуют количественные данные по движению кадров в Югославии. Возможно, в каких-то кадровых службах проводились подобные подсчеты, но о них до сих пор не известно. По этой причине данное исследование опирается не на числа, а на качественные оценки современников, которые зафиксированы в источниках.

Население широко мигрировало между югославскими республиками. В частности, по данным 1971 г. из 20,52 млн. жителей Югославии 1,68 млн. проживали за пределами республик и краев, в которых родились [12, s. 350, 352]. Различные группы населения, не связанные с партийным и государственным аппаратом достаточно свободно перемещались по территории страны. До 1952 г. их миграции могли быть как добровольными, так и принудительными, поскольку существовала практика планового распределения квалифицированных кадров. С 1952 г. остались только добровольные механизмы перемещения, за исключением немногих ведомств и предприятий, у которых кадровая политика была централизована в масштабах всего государства. Исключая административную и политическую сферу, переселенцы могли делать успешную карьеру за пределами своей республики. Например, инженер Д.Чкрбич, будучи уроженцем южной Сербии, в 1954 г. переехал на работу в Тузлу на территории Боснии и Герцеговины. Там он быстро прошел путь до директора фабрики соды в Луковце, но решив перейти на работу в государственные хозяйственные органы, с января 1961 г. вернулся в Сербию, где вскоре досрочно достиг ведущих должностей в правительстве [3, с. 85, 155, 217, 321].

В Югославии действовало негласное правило, по которому управленческую карьеру в республике мог сделать только ее уроженец. Оно нигде не было прописано, но последовательно соблюдалось. Перемещения партийных работников и государственных служащих из республики в республику по общему правилу были невозможны. Исключения составляли военнослужащие, сотрудники органов внутренних дел (включая спецслужбы), пограничники, таможенники [21, s. 44], работники некоторых служб транспорта и связи. Ни у одного югославского политика мы не найдем чего-либо подобного карьерному пути Брежнева, который родился на Украине, но занимал высокие должности в Молдавии и Казахстане. В Югославии и партийный и государственный работник был обречен продолжать карьеру в пределах той республики, где родился.

Кадровая изоляция высших звеньев республиканской номенклатуры друг от друга привела даже к прекращению горизонтальных контактов с середины 1940-х до начала 1960-х гг. Политические руководители республик не ездили друг к другу и не проводили совместных мероприятий, встречаясь только на союзных. П. Стамболич вспоминал, как возглавил в 1948 г. ЦК компартии Сербии и вскоре получил от известного писателя М.Крлежи предложение посетить Хорватию: «Время было такое, что я его едва понял, что я позабыл в Хорватии за пределами наших устоявшихся и ясных иерархических отношений, и больше ощущал себя партийным работником, чем политиком» [15, s. 146–147]. В марте 1962 г. на расширенном заседании Исполкома ЦК СКЮ Р. Дугонич отметил, что республиканские функционеры не могут свободно посещать другие республики, хотя во время войны это было вполне естественно, а теперь вызовет недовольство в месте посещения: чего ему здесь надо? Каждый погружается в свою республику и не смотрит на вещи с общегославской точки зрения, даже руководящие республиканские кадры мало знают о том, что происходит в других республиках

[20, s. 80–81]. В. Влахович согласился с Дугоничем, что партийными руководителями постепенно овладел страх перед поездками в республики. «Мы прекратили практику, когда из центра едут в республики по политическим задачам. Есть в аппарате люди, которые обследуют срезы, однако если бы Петрович-Шане пригласил Влаховича на пленум Социалистического союза [Сербии], Влаховичу было бы неудобно – идти или нет». Д. Петрович-Шане тут же принялся его убеждать, что это было бы хорошо и полезно, а Влахович всё равно колебался, «потому что мы эту практику уже прекратили» [20, s. 132–133].

Был лишь один путь, выводящий политическую или служебную карьеру за республиканские границы, – переход на работу в союзные органы. Особенно широкой эта дорога была в 1945–1950 гг. В это время компартия Югославии копировала советские порядки и выстраивала мощную систему централизованного управления обществом. Союзный аппарат неудержимо разрастался и испытывал хронический кадровый голод. Перспективные партработники и квалифицированные специалисты широким потоком двигались из республик в Белград. Кто-то устремлялся туда добровольно, а кого-то в административном порядке переводили кадровые органы ЦК КПЮ. Среди таких фигур в первую очередь заслуживает упоминания словенец Б. Кидрич, быстро превратившийся в политика общегославского масштаба. А в ответ из республик звучали жалобы, что изъятие кадров приводит к сбоям в работе их аппарата [23, s. 126].

Помимо потребности в кадрах была еще одна причина для перевода тех или иных деятелей на работу в центр. Таким приемом партия традиционно воспитывала перспективные региональные кадры, излишне увлекавшиеся местными интересами в ущерб югославским. Рецепт этого лекарства от местничества впервые предложил Э. Кардель еще в мае 1944 г., когда еще шла партизанская война, и будущие республики только формировались. Именно на середину 1940-х гг. пришлась первая большая волна его применения. Например, осенью 1944 г. из хорватского руководства в центр перевели А. Хебранга. Историк Е. Водушек-Старич утверждает, что этот же прием был применен к хорватским и словенским политикам Чулиновичу, Грегоричу, Вилфану, Сною и другим [22, s. 81, 101]. В широких масштабах он затронул партийные кадры из Воеводины, выступавшие за более высокий статус этой автономии, чем готов был утвердить ЦК КПЮ. В августе 1945 г. в Белград были переведены воеводинские партийные лидеры Ё. Веселинов и С. Дороньский, в 1946–1947 гг. по их пути последовали М. Калафатич и еще не менее десятка человек. В Белграде большинство из них попало в сербские центральные республиканские учреждения, так как Воеводина была автономией в составе Сербии [16, s. 122–123].

Перевод в центр, по-видимому, неплохо помогал изжить республиканизм и местничество. Особенно впечатляет эволюция Ё. Веселинова. Он оказался самым выдающимся воеводинцем в Белграде и на пике карьеры возглавил сербскую парторганизацию (1957–1967 гг.). «Более того, хотя именно он в 1945 г. провозгласил воеводинскую автономию, два десятилетия спустя Веселинов не стеснялся ставить под сомнение целесообразность ее существования» [2, с. 121].

Общие принципы, по которым строились политические карьеры в республиках со второй половины 1940-х гг., сперва не применялись к автономиям, образованным на территории Сербии. Ее руководство свободно перемещало партийные и государственные кадры по всей территории республики, ставя во главе автономий уроженцев других регионов. Косово и Метохию возглавил Дж.Пайкович, а Воеводиной последовательно руководили В.Лекович и Д.Видич [15, s. 36; 16, s. 123]. Исследования региональных историков показывают, что в 1946–1948 гг. в Воеводине происходило общее вытеснение местных кадров с ключевых позиций. Две трети состава краевого управления госбезопасности, включая начальника Д.Ристича, были выходцами из южной Сербии, к концу 1948 г. приезжие кадры возглавляли краевое вече профсоюзов, и примерно десяток секретарей срезных парткомов тоже были неместного происхождения [16, s. 138–139, 161]. Однако кадровая политика в Воеводине изменилась с декабря 1948 г. На восьмой партконференции в руководство крайкома были возвращены Веселинов и Дороньский, как полагают, по инициативе П. Стамболича, нового политсекретаря ЦК компартии Сербии. Вскоре Дороньский стал организационным секретарем, т.е. получил в свои руки контроль над краевой номенклатурой, и развернул кампанию по вытеснению пришлых сербских кадров и замене их воеводинскими. Своих земляков он специально отзывал с работы в Белграде. Так в Воеводину вернулись Г. Тиквицкий, П. Релич, Дж. Ёванович, М. Прибич, Д. Секич, Д. Кекич, М. Тепавац. По-видимому, руководство Сербии ему в этом благоволило. Наконец в мае 1951 г. Дороньский стал политсекретарем крайкома, и возвращение воеводинцев к власти в крае завершилось [16, s. 140–141, 156, 161]. С тех пор партийно-государственные кадры в автономиях Сербии пополнялись по тому же принципу, что и в республиках – за счет местных уроженцев.

С 1950 г. в Югославии начинается строительство самоуправленческого социализма и происходит децентрализация. Ее первый акт пришелся на 1950–1953 гг. В результате движение кадров из республик в союзный центр прекратилось, и пошел прямо противоположный процесс. Опубликованные статистические данные до сих пор не полны, но позволяют оценить масштаб перемен. В конце 1940-х гг. в органах и учреждениях федерации было занято 140 тыс. человек. Только за 1950 – начало 1951 г. число занятых в органах власти и общественно-политических организаций уменьшилось на 100 тыс. человек, а аппарат центральных органов управления в относительном выражении сократился за это же время на 40–60 %. Еще одна характерная пара чисел: в 1948 г. в союзных органах управления работали 47,3 тыс. служащих, а в 1956 г. 10,3 тыс. [12, s. 161, 175–176; 18, s. 234]. Изменения затронули и партаппарат. К сожалению, для начала 1950-х гг. мы располагаем данными только по общей численности профессиональных партийных работников, где республики и союзный центр не разделяются, но и они указывают на общую тенденцию: в 1950 г. их было 11930, а к ноябрю 1952 г. 4599 человек (по другим данным 5156) [13, p. 102; 17, p. 23].

В ходе реформ начала 1950-х гг. в органах федерации зародился новый организационный принцип, который существенно снижал потенциал выхода

служебной карьеры из республиканских рамок на союзный уровень. Это принцип делегирования. В 1950–1952 гг. вместо хозяйственных министерств на союзном уровне действовали шесть советов. Каждый состоял из союзного председателя и председателей соответствующих республиканских советов, которые входили туда по должности, занимаемой в республике [12, s. 176]. Эти советы к 1953 г. были упразднены, но принцип делегирования в политической системе остался. По конституционному закону 1953 г. он применялся в Союзной скупщине для формирования депутатского корпуса, на его основе целиком комплектовалось Вече производителей и небольшая часть Союзного веча. В работе ряда комитетов Союзного исполнительного веча участвовали председатели соответствующих республиканских органов именно в силу занимаемых должностей. Этот же принцип в 1950-е гг. проник в ЦК СКЮ. Ряд комиссий союзного ЦК формировался по схеме: председатель и шесть членов, каждый из которых представляет одну республику.

Во всех этих случаях выполнение каких-либо функций в союзных органах определялось положением человека не в союзной, а в республиканской системе управления. Как сказал бы Б. Андерсон, члены таких органов могли задаться вопросом «Почему мы здесь?». Ответ бы гласил «Потому что каждый из нас – республиканский руководитель». Система делегирования в союзные органы однозначно снижала потенциал для выработки общегославской идентичности, республики постепенно превращались в основные центры притяжения для своих земляков, участвующих в работе союзных органов. Уже в 1956 г. идеологическая комиссия ЦК СКЮ констатировала в своих решениях, что союзный центр сильно ослаб и уступил свою роль республикам: «Нужно укрепить югославский политический центр. Сейчас республики являются центрами во всех сферах общественной жизни» [9, l. 112].

Оценки, которые звучали в ЦК СКЮ на протяжении десяти лет, свидетельствуют, что децентрализация если и не совсем закупорила, то резко сузила канал, выводящий служебную карьеру за республиканские рамки и усилила склонность республик придерживать у себя ценные кадры. В июне 1954 г. В.Влахович на заседании Оргсекретариата ЦК СКЮ жаловался, что «когда речь идет о любом пополнении кадров... всегда считается, что все наши учреждения можно организовать с кадрами из Белграда или из Сербии» [7, l. 61]. В январе 1955 г. В. Зекович на заседании того же органа жаловался, что падает приток республиканских кадров в союзные органы власти и управления, поэтому «мы главным образом должны заимствовать кадр из союзных учреждений, которые на самом деле не имеют много кадров» [8, l. 81]. В апреле 1956 г. на заседании Исполкома ЦК СКЮ С. Вукманович жаловался, что «республиканские руководства не дают кадры, необходимые союзному аппарату, а также что определенные кадры сопротивляются переходу в Белград и союзные учреждения» [4, s. 124]. В марте 1962 г. Н. Минчев на расширенном заседании Исполкома ЦК СКЮ пожаловался, что действующее законодательство ограничивает союзную администрацию в решении ее кадровых вопросов. Также он привел оценки, свидетельствующие, что управленческие кадры не движутся в союзный центр: в союзной администрации не

только руководящие, но и средние кадры в основном старые по возрасту, а ряд республик особенно упорно не отдает кадры в центр [20, s. 110]¹. В июне 1962 г. А. Ранкович критиковал республиканские партийные кадры за уклонение от кадровых решений, ведущих их к переходу на работу за пределы своей республики [6, s. 34]. Таким образом, замедленное движение кадров в союзный центр еще больше тормозилось сопротивлением со стороны республик.

К началу 1960-х гг. часть республиканской интеллигенции уже начала считать карьерные маршруты, выходящие за рамки своей республики, морально неприемлемыми. Так в конце 1961 г. словенский литературный критик Д. Пирьевец осуждал словенцев, делающих карьеру в центральном бюрократическом аппарате, так как они становятся централистами, и словенских культурных деятелей, делающих творческую карьеру за пределами своей республики – в хорватской и сербской культурной среде: хотя они и сохраняли словенские национальные чувства, они публиковались в других республиках [14, s. 161; 19, s. 1122, 1124].

Началось ослабление югославской идентичности в среде партийно-государственной номенклатуры, что не укрылось от внимания современников. В марте 1962 г. об этом прямо заявили Р. Дугонич и С. Стефанович [20, s. 80, 182]. Примечательно, что у обоих политические карьеры не замыкались в республиканских рамках: Дугонич до того как стал членом боснийского ЦК, с 1943 по 1948 г. возглавлял Союз коммунистической молодежи Югославии, потом – горком Белграда и работал дипломатом, а Стефанович с середины 1940-х гг. непрерывно работал в союзном руководстве спецслужб и органов внутренних дел, в частности с 1953 по 1963 гг. возглавлял союзный секретариат внутренних дел. Так что концепция Б. Андерсона легко позволяет понять, почему эрозия югославской идентичности в их окружении именно им двоим бросалась в глаза.

В 1950-е гг. высшие партийные руководители Югославии не только сетовали на замыкание кадров в республиканских границах, но и пытались что-то изменить. До 1962 г. эти усилия отличались поверхностным характером. Еще в 1953 г. во время подготовки к выборам в новую Скупщину они планировали, «чтобы политические люди из одной республики отправлялись в другие республики», но почти ничего сделано не было. Например, в Словению однажды прибыла группа депутатов и всё. Весной 1956 г. широкомасштабную программу взаимных визитов анонсировала идеологическая комиссия ЦК СКЮ. Предполагалось два-три раза в год проводить политические совещания республиканских представителей в Белграде и хотя бы раз в месяц устраивать общесоюзные совещания в республиканских центрах. В программу взаимных поездок и межреспубликанского знакомства помимо политиков предполагалось включить рабочих, студентов, школьников и специалистов [10, l. 51, 78]. Первый итог выполнения этих планов подвел А. Ранкович в феврале 1958 г. на заседании Исполкома ЦК СКЮ: «Мы раньше неоднократно подчеркивали, что было бы очень полезно, если бы наши

¹ В источнике фамилия Минчева отсутствует, она установлена автором путем анализа стенограммы.

руководящие люди, которые работают в одной республике, отправлялись в другую республику ради лучшего знакомства с обстоятельствами в этих республиках, практикой, методами и опытом работы. Однако, мы в этом не имеем даже единичных случаев, не говоря уже о какой-нибудь практике. Из этого нельзя не сделать вывод, что всё больше ощущается замыкание в республиканские рамки» [5, s. 33]. Таким образом, речь во всех случаях шла не о переводе на работу за пределы республики, а лишь о временных командировках, но даже эти поверхностные меры не осуществлялись.

Интересно, что исключением из общих тенденций движения кадров оказалась Черногория. Когда в январе 1955 г. Оргсекретариат ЦК СКЮ обсуждал кадровые вопросы в государственных органах, было предложено создать союзную и республиканские школы для дополнительного обучения кадров, при этом руководство склонялось к мысли, что для маленькой Черногории такая школа не нужна, и черногорские кадры будут ездить на обучение в другие республики. Тем самым расширялся потенциал их межреспубликанской мобильности. Центром обучения черногорских кадров стала Сербия. Эту практику официально закрепило соглашение ЦК двух республик о взаимном сотрудничестве, заключенное в декабре 1963 г. В кадровой сфере они договорились оповещать друг друга о совещаниях и встречах с возможностью взаимного присутствия политических работников каждого ЦК, взаимно участвовать в семинарах политического актива, продолжить практику обучения политработников Черногории в Сербии [11, s. 7, 8–9]. Также стороны договорились об унификации школьных программ и обучении в Сербии черногорских специалистов. Эти тесные связи партийно-государственная бюрократия двух республик не решилась разорвать даже в условиях распада югославской федерации: только Черногория в начале 1990-х гг. согласилась и дальше жить в одном государстве с Сербией.

Итак, пространственная конфигурация служебных карьер тяготела к замыканию в республиканских политических границах с момента образования югославской федерации, что создавало благоприятные условия для формирования республиканских бюрократических кланов. К концу 1940-х гг. эта тенденция охватила и автономии в составе Сербии. Существовал только один канал выхода карьеры за эти рамки – переход на работу в центральные органы. Реформы начала 1950-х гг., дали мощный импульс к замыканию служебных карьер в республиканских границах за счет децентрализации и принципа делегирования. Попытки развить горизонтальные контакты республиканских кадров в 1950-е гг. не принесли результатов. Эти процессы вызывали нарастающее отчуждение между региональными группировками партийно-государственной бюрократии и размывание их югославской идентичности. Представляется, что концепция Б.Андерсона, предложенная на материале Латинской Америки, вполне применима к истории Югославии и позволяет объяснить последующее развитие националистических настроений в 1960–1980-е гг.

Список использованных источников и литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2016. – 416 с.
Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. – Moscow, 2016. – 416 p.
2. Бјелица С. Спорови око аутономије Војводине. – Књ. 1: 1961–1974. – Београд, 2015. – 342 с.
Bjelica S. Sporovi oko autonomije Vojvodine. – Knj. 1: 1961–1974. – Beograd, 2015. – 342 s.
3. Чкребић Д. Поглед искоса: људи, судбине, коментари. – Београд, 2009. – 457 с.
Čkrebić D. Pogled iskosa: ljudi, sudbine, komentari. – Beograd, 2009. – 457 s.
4. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/III: Sednice IK CK SKJ. – P. 66: Zapisnik sa sednice IK CK SKJ održane na Brionima 2 aprila 1956. godine. – S. 113–124.
5. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/III: Sednice IK CK SKJ. – P. 75: Stenografske beleške sa proširene sednice IK CK SKJ održane 6 februara 1958. godine u Beogradu. – 111 s.
6. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/III: Sednice IK CK SKJ. – P. 92: Prilog 1. Predlog referata druga Aleksandra Rankovića za četvrti plenum CK SKJ: «Sprovođenje zaključaka Izvršnog komiteta CK SKJ i dalje zadaci Saveza komunista». Beograd, 17 jula 1962. – 44 s.
7. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/V: Organizaciono-politički sekretarijat CK SKJ. – Kutija VIII. – P. 32: Konferencija Organizacionog sekretarijata CK SKJ održana 10 i 11.VI.1954 g. – 99 l.
8. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/V: Organizaciono-politički sekretarijat CK SKJ. – Kutija IX. – P. 1: Stenografske beleške sa sednice Organizacionog sekretarijata CK SKJ održane 23.I.1955 godine. – 152 l.
9. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/VIII: Ideološka komisija CK SKJ. – Kutija 5. – P. II/2-b-87: Izvod iz zapisnika sa sastanka Ideološke komisije CK SKJ. – L. 109–112.
10. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/VIII: Ideološka komisija CK SKJ. – Kutija 5. – P. II/2-b-87: Stenografske beleške sa sastanka Ideološke komisije CK SKJ 8 i 9.V.1956. – L. 1–108.
11. Arhiv Jugoslavije. – F. 837: Kabinet predsednika republike. – P. II-3-a-2/42: Prilog: Zaključci sa zajedničkog sastanka izvršnih komiteta CK SK Srbije i CK SK Crne Gore, 19. XII.1963. – 9 s.
12. Bilandžić D. Historija Socijalistike federativne republike Jugoslavije: glavni procesi: 1918–1985. – Zagreb, 1985. – 830 s.
13. Cohen L. Regional elites in Socialist Yugoslavia: Changing patterns of recruitment and composition // Leadership selection and patron-client relations in the USSR and Yugoslavia. – London, Boston, Sydney, 1983. – P. 98–135.
14. Ćosić D. Nacija, integracija, socijalizam // Delo. – 1962. – №2. – S. 137–166.
15. Glišić V. Susreti i razgovori: prilozi za biografiju Petra Stambolića. – Beograd, 2010. – 170 s.
16. Končar R., Boarov D. Stevan Doronjski: odbrana autonomije Vojvodine. – Novi Sad, 2011. – 879 s.
17. Lilly C.S. Power and persuasion. Ideology and rethoric in communist Yugoslavia, 1944–1953. – Colorado-Oxford, 2001. – XII, 272 p.
18. Morača P., Bilandžić D., Stojanović S. Istorija Saveza komunista Jugoslavije. Kratak pregled. – Beograd, 1977. – 356 s.
19. Pirjevec D. Slovenstvo, jugoslavljanstvo in socializem // Naša sodobnost. – 1961. – № 12. – S.1116–1129.
20. Početak kraja SFRJ. Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane od 14 do 18 marta 1962. godine / priredio M.Zečević. – Beograd, 1998. – 311 s.
21. Širok K. Iz juga na sever: migracije v Slovenijo v kontekstu izgradnje urbanih okolij na primeru Nove Gorice // Slovenija v Jugoslaviji: povzetki, simpozij. – Ljubljana, 2013. – S. 44–46.
22. Vodušek-Starič J. Prezem oblasti 1944–1946. – Ljubljana, 1992. – 146 s.
23. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945–1954. – Ljubljana, 2000. –126 s.

Y. V. Shakhin. Spatial aspect of service careers in the Yugoslav Federation (1945–1962)

The article attempts to apply to Yugoslavia B. Anderson's concept of the influence of service careers on the development of national identities. In 1945–1962 the spatial configuration of service careers in Yugoslavia tended to close within republican political boundaries, which created favorable conditions for the formation of republican bureaucratic clans. By the end of the 1940's this trend also covered the autonomy districts within

Serbia. There was only one channel for a career to go beyond the regional framework – the transition to position in the central governing bodies. Reforms in the early 1950's blocked it to a large extent thanks to decentralization and the principle of delegation. Attempts to develop horizontal contacts of republican cadres in the 1950's didn't got results. These processes caused a growing alienation between the regional groupings of the party-state bureaucracy and the erosion of their Yugoslav identity.

Keywords: Yugoslavia, personnel policy, party-state bureaucracy, identities, republicanism.

УДК 94(477.75)

**КРЫМСКАЯ ЕПАРХИЯ В 1961–1964 ГГ. И ПРОТИВОСТОЯНИЕ
АНТИЦЕРКОВНОМУ ДАВЛЕНИЮ МИТРОПОЛИТА
СИМФЕРОПОЛЬСКОГО И КРЫМСКОГО ГУРИЯ (ЕГОРОВА)**

Шимон И. М.

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: prot.i.shimon@mail.ru*

Рассмотрены особенности политики советской власти в отношении Русской Православной Церкви в Крыму, прослежены изменения внутреннего состояния Крымской епархии в начале 1960-х гг., а также особенности реализации епископского призвания на примере деятельности главы епархии. В задачи публикации входит анализ состояния Крымской епархии и архипастырской деятельности митрополита Симферопольского и Крымского Гурия (Егорова) в 1961–1964 гг. Данный период, отмеченный очередным усилением гонений на Церковь, ознаменовался объединением нескольких церковных организаций – Днепропетровской, Запорожской и Крымской епархий под эгидой последней, с епархиальным управлением в Симферополе. В начале 60-х гг. XX в. в Крымской епархии продолжали закрываться приходы, что стало следствием ограничительной политики советской власти. Усилился и экономический пресс на Церковь: священников перевели на твердые оклады, все требы регистрировались. В условиях давления на Церковь и в рамках действия нового Устава РПЦ, существенно ограничивающего влияние духовенства на религиозные общины, митрополит Гурий проводил в епархии взвешенную организационную работу, продолжал выступать против закрытия храмов и стремился, по мере своих сил и возможностей, минимизировать последствия нового витка «хрущевских гонений».

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, антицерковная политика, Крымская епархия, митрополит Симферопольский и Крымский Гурий (Егоров).

В плеяде видных деятелей Русской Православной Церкви XX в. заметную роль играл митрополит Гурий (Егоров), занимавший пост правящего архиерея Крымской епархии в 1961–1964 гг. Этот период характеризуется очередным усилением давления на Церковь, в котором новый виток «хрущевских гонений» привел к принятию ряда жестких антицерковных постановлений. В таких непростых условиях пришлось действовать митрополиту Гурию, который постановлением Патриарха Алексия и Священного синода от 14 ноября 1961 г. получил назначение на должность митрополита Симферопольского и Крымского – с поручением ему управления и Днепропетровской епархией [13, с. 906].

Одним из первых к изучению биографии митрополита Гурия (Егорова) обратился епископ, церковный историк Иоанн (Вендланд) [9]. Истории его жизни и деятельности посвящена книга протоиерея Г. Северина [15], где автор кратко описал пребывание владыки на Крымской кафедре. В монографии С. А. Зегжды [8] приведены ценные сведения об участии митрополита Гурия (Егорова) в создании

Александро-Невского братства, раскрыты другие эпизоды его насыщенной биографии.

В монографии Д. В. Павлова на основании большого массива архивных материалов реконструированы этапы жизни и деятельности одного из выдающихся подвижников Русской Православной Церкви [13]. Что касается диссертационного исследования М. В. Литвинко [12], то, несмотря на привлечение широкого археографического материала, автором все же были допущены фактические неточности и ошибки. Значительный объем сведений о деятельности Крымской епархии во время Великой отечественной войны и в послевоенные годы содержится в публикациях А. Ю. Катунина и Е. В. Катуниной [10; 11, с. 74–79]. Тем не менее, деятельности митрополита Гурия во главе Крымской епархии в этих работах не уделено должного внимания.

Таким образом, информация об особенностях архипастырского служения митрополита Гурия (Егорова) на крымской кафедре в период 1961–1964 гг. в условиях давления на Церковь раскрыта в литературе не полностью, что делает актуальным настоящее исследование.

Среди наиболее информативных источников по заявленной теме следует назвать неопубликованные материалы государственных и партийных органов, а также ранее изданные архивные документы. Основными источниками стали документы фонда Р-2647 «Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР по Крымской области» Государственного архива в Республике Крым (ГАРК, г. Симферополь) и фонда 6991 «Совет по делам религий при Совете министров СССР» Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва). Эти материалы стали основой для научной реконструкции биографии одного из архиереев Крымской епархии.

Конец 1950-х – начало 1960-х гг. в СССР проходил под знаком активизации антицерковной борьбы. В 1958 г. появилось постановление ЦК КПСС «О недостатках научно-атеистической пропаганды», в соответствии с которым комсомольские, партийные и общественные организации должны были усилить антирелигиозную пропаганду. В основу «церковной реформы» Н. С. Хрущева легли постановления СМ СССР: «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах» от 13 января 1960 г., а также решение 1961 г. «Об усилении контроля за деятельностью Церкви». В соответствии с этими документами отменялись ранее принятые постановления СНК 1945–1946 гг. Антицерковную по сути реформу планировалось завершить уже к 1970 г. В ставшем резонансным выступлении в СМИ в 1961 г. Н. С. Хрущев обещал в 1975 г. «показать по телевизору последнего попа», что должно было, по замыслу властей, стать одной из мер по построению коммунизма к 1980 г. [14, с. 247, 248].

Еще одной характерной особенностью антирелигиозной кампании стал ее масштаб. В борьбе с религией была задействована не только правоохранительная система, но и партийные и советские органы власти, руководство и коллективы предприятий, профсоюзы, комсомольская организация. Помимо всего прочего, антицерковная кампания носила ярко выраженный антисектантский характер.

В 1961 г. скончался глава Крымской епархии, архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Крымская кафедра до ноября 1961 г. пребывала вдовствующей. Митрополит Гурий (Егоров), ранее занимавший пост главы Ленинградской и Ладжской епархии, обратился с ходатайством к Патриарху Алексию (Симанскому) о назначении на освободившуюся Крымскую кафедру. Причиной этому послужило пошатнувшееся здоровье владыки Гурия, о чем он сообщал письме своей духовной дочери, монахине Ефоросинье (Е. Н. Вендланд): «Сегодня я просил свое начальство перевести меня на юг, на освободившееся место <...>. Почему я прошу перевода? Правда, климат Ленинграда очень вреден мне, вернее воздух, пропитанный фабричным дымом». И тут же добавлял: «Но еще труднее для меня враждебное отношение ко мне моих ближайших сотрудников по канцелярии» (имея ввиду секретаря Ленинградской епархии С. Румянцева, бывшего обновленческого «епископа»). Постановлением Патриарха Алексия и Священного синода от 14 ноября 1961 г. митрополит Ленинградский и Ладжский Гурий был назначен митрополитом Симферопольским и Крымским – с поручением ему управления и Днепропетровской епархией [13, с. 895, 906].

При обсуждении партийным руководством вопроса о создании новой епархии и о назначении туда епископа было принято решение: заменить на посту и уполномоченного Совета по Крымской области А. С. Гуськова. 29 сентября 1961 г. исполком Крымского областного совета постановил: «...освободить с 3 октября 1961 г. А. С. Гуськова от должности уполномоченного по делам РПЦ, как скомпрометировавшего себя» [10, с. 74].

Новым уполномоченным Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Крымской области назначили А.Ф. Глухова. 27 ноября 1961 г., по просьбе самого митрополита Гурия (Егорова), его, вместе с секретарем Крымской епархии Игнатием (Возняком), новый уполномоченный принял в здании Крымского облисполкома. В ходе этой первой встречи от обсуждения конкретных вопросов по отдельным церквам было решено воздержаться до тех пор, пока митрополит лично не ознакомится с положением дел в Крымской епархии. Помимо этого, митрополит Гурий посчитал необходимым оставить на должности секретаря епархии Игнатия (Возняка), при этом А. Ф. Глухов заявил, что возражений на этот счет не имеет [4, л. 44].

Было образовано и новое епархиальное управление в составе семи человек. В обсуждении всех текущих вопросов по Крымской епархии секретарь епархии Игнатий принимал активное участие, и, как сообщал уполномоченный, «умело подсказывал митрополиту решения в духе предложений» партийного чиновника [4, л. 55]. Впоследствии он был заменен на В. Карвовского. Экономом, келейником, личным секретарем и иподиаконом стал дьякон Г. Северин, приехавший с владыкой из Ленинградской епархии.

Практически сразу после вступления в новую должность, митрополит Гурий, по сообщению председателя исполнительного органа Симферопольского собора, проводя 26 ноября 1960 г. службу в соборе, в произнесенной им проповеди призывал верующих любить Родину и укреплять ее могущество своим трудом [5,

л. 43, 44]. Впоследствии владыка Гурий часто посещал не только приходы Крыма, но также приходы Днепропетровска и Запорожья [15, с. 59–61].

Взаимоотношения митрополита Гурия с контролирующими органами с момента вступления его на пост правящего архиерея были далеки от конструктивных. Например, уполномоченный Г. П. Пинчук, противившийся назначению митрополита на Крымскую и Днепропетровскую кафедры, сообщил о нем: «...Гурий строптив, крайне тщеславен. Склонен к личному обогащению. В Крыму на деньги церкви приобрел дачу. Не терпел обращения к нему по имени и отчеству. Так, в беседах он всегда возражал: «Я не Вячеслав Михайлович, а Гурий», – подчеркивал он». Выдержанная и взвешенная позиция владыки по отношению к укреплению позиций РПЦ вызывала неприкрытое раздражение у представителей партийных контролирующих органов, которые дискредитировали служителей церкви. «Даже работая в Минске, – констатировал Г. П. Пинчук, – Гурий пытался вмешиваться в церковные дела на Украине, посылал своих агентов, дабы помешать закрытию женского монастыря в г. Днепропетровске. Гурий утверждал, что так как экзарх Иоанн очень стар, то вскоре его место займет он, Гурий, и тогда он взыщет с Иосафа, быв.[шего] епископа Днепропетровского, за ликвидацию монастыря. Экзарх Иоанн на приеме у нас отрицательно характеризовал Гурия, говоря о последнем, как мстительном и неуживчивом архиерее». Далее следовал не терпящий возражений вывод Г. П. Пинчука: «Считаем, что возвращение Гурия (Егорова В. М.) на Украину крайне нежелательно. Просим Совет воспрепятствовать стремлению патриархии назначить Гурия правящим архиереем Крымской-Днепропетровской-Запорожской епархии» [4, л. 46, 47]. Тем не менее, несмотря на поступавшие на него доносы, митрополит Гурий сохранял свой пост и продолжал управлять Крымской и Днепропетровской епархией.

В 1963 г. уполномоченный А. Ф. Глухов упомянул в отчете, что целесообразнее все же было бы ликвидировать именно Крымскую епархию, поскольку митрополит Гурий не встречал пока ни одну иностранную религиозную или иную делегацию (в 1961 г. в Крым на отдых и для лечения приезжал митрополит Пражский Иоанн, однако, по заверению уполномоченного, он «вел себя лояльно») [5, л. 20]. О Гурии уполномоченный с едкой иронией писал, что митрополит якобы на словах уверяет его и органы власти в дружеском к ним отношении, но на самом деле занимает иную позицию. Это, по мнению А. Ф. Глухова, доказывал и тот факт, что владыка препятствовал закрытию Екатерининского храма в Феодосии и в с. Митрофановка Нижнегорского района. Уполномоченный жаловался на митрополита Гурия, что тот пытается в некоторых храмах поставить вторых священников и регулярно привлекает на службу заштатное духовенство [5, л. 7].

А. Ф. Глухов продолжал оказывать давление на Крымскую епархию, указывая при этом на митрополита Гурия, как на основного, по его убеждению, виновника противодействия властям. Он упомянул в характеристике, составленной на владыку в 1964 г., что тот якобы досконально не знает о положении дел в Крымской, а также

в Днепропетровской епархиях, в работу глубоко не вникает, на местах бывает редко, а решение всех вопросов переложил на секретаря Крымской епархии [10, с. 73].

А. Ф. Глухов утверждал, что митрополит определял себя в отношениях с уполномоченным и местными органами власти, «как сторону, стоящую на противоположном полюсе», и видел целью своей деятельности противодействие мероприятиям органов власти. Именно в этом направлении он влиял па верующих в Алуште и Судаке, где были изъяты церковные здания для нужд клубов, что привело к активизации верующих, направлению ими жалоб в различные правительственные инстанции с просьбами о возврате церковных зданий [4, л. 70]. Например, подобные жалобы поступили на решения облисполкома Алушты об отмене решения об изъятии здания молитвенного дома, как помещения бывшего клуба; о сносе здания церкви в Керчи в связи с планом реконструкции; о возобновлении службы в закрытых церквях и пр. [6, л. 11].

Наметилось и стремление уполномоченного расколоть руководство Крымской епархии изнутри. В отношении секретаря Крымского епархиального управления игумена Игнатия (Возняка) А. Ф. Глухов сообщал, что тот – образованный священник, окончил духовную академию, «настроен прогрессивно, охотно принимает к исполнению все указания уполномоченного». Однако при этом Игнатий, по словам уполномоченного, не был удовлетворен своим положением и считал, что его «незаслуженно обошли, не сделав епископом». К митрополиту Гурию Игнатий относился, по словам чиновника, с пренебрежением, иногда дерзил. Отмечал А. Ф. Глухов и пристрастие игумена к спиртному [5, л. 8].

Вскоре после формирования штата управления епархии у игумена Игнатия возник серьезный конфликт с экономом епархии, дьяконом Г. Северином, являвшимся доверенным лицом митрополита Гурия. В итоге Игнатий в 1961 г. был освобожден от должности епархиального секретаря, и переведен настоятелем Николаевского собора Евпатории, с оставлением за ним обязанностей благочинного крымских приходов [5, л. 8]. По отзыву уполномоченного, Игнатий «никакого влияния на приходскую жизнь по существу не оказывает, в церкви выезжает только при их закрытии для изъятия «святыни». К мероприятиям Советской власти относится лояльно. [Митрополита] Гурия ненавидит. Вынашивает надежду, что что скоро станет епископом в Крыму. Пьет запоями. По сообщению Виталия [Карвовского], [митрополит] Гурий дважды в личной переписке информировал Патриарха о неблагоприятном поведении Игнатия» [7, л. 10].

Новым епархиальным секретарем был назначен митрофорный протоиерей В. Карвовский, хорошо осведомленный о ситуации в епархии и ранее имевший внушительный опыт работы на этой должности. Назначение В. Карвовского произошло после того, когда в 1961 г. в Симферополе была закрыта Благовещенская церковь, настоятелем которой он являлся. Отец Виталий стал надежным и деятельным помощником митрополита Гурия. Что касается келейника митрополита – дьякона Г. Северина, зачисленного на должность завхоза-эконома, тот, несмотря на свою молодость (на то момент ему исполнился 21 год) и скромную должность, имел большое влияние на митрополита [5, л. 8]. Другие служащие Крымского епархиального

управления, по мнению уполномоченного, влияния на руководство приходами не оказывали [7, л. 10].

Вместе с тем важно подчеркнуть, что А. Ф. Глухов продолжил политику своего предшественника А. С. Гуськова [1, л. 2]. В отчете за 1963 г. в Совет по делам РПЦ А. Ф. Глухов писал: «В отношении к местным партийным и советским органам [я] руководствовался Вашими указаниями, что уполномоченный Совета не только и не столько контролер за выполнением законодательства о культах, а прежде всего активный боец в проведении партийной линии в отношении религий и церкви» [2, л. 24].

В 1961 г., как усилиями бывшего уполномоченного А. С. Гуськова, так и при участии А. Ф. Глухова в Крымской области закрылось несколько православных храмов. В соответствии с выводом, которым сделал А. Ф. Глухов, принимавшиеся им меры по закрытию церквей приносили свои результаты, особенно в сельских районах [5, л. 18]. Для ограничения активности священников в Крыму новым уполномоченным для них внедрялась система твердых окладов, были введены квитанции по оплате за проводимые обряды. Внедрение окладной системы оплаты для духовенства преследовало скрытую цель – сокращение числа храмов в епархиях. Отдаленные сельские и экономически слабые приходы неспособны были содержать священнослужителей. Общины, оставшиеся без постоянного священника и не проводившие церковных служб, подлежали снятию с регистрации, а храмы – закрытию. При этом уполномоченный настаивал на целесообразности снятия отдельных священников с сельских приходов для укомплектования церквей в Ялте, Евпатории, Джанкое, назначив туда по второму священнослужителю, а в Симферопольский кафедральный собор – третьего. Это, по задумке уполномоченного, привело бы к закрытию сельских приходов и церкви там прекратили бы существование [5, л. 18]. При этом митрополит Гурий, по словам А. Ф. Глухова, прекрасно понимал, к чему приводит такая деятельность, «однако в противовес этому ничего выставить не мог, заявив лишь о своем переживании за каждый приход» [5, л. 19].

А. Ф. Глухов лично разработал инструкцию о переводе священников на твердый оклад. В соответствии с этим документом, договор со священником составлялся в пяти экземплярах: первый хранился в общине, второй – у священника, третий – в гор- или райисполкоме, четвертый – у уполномоченного, а пятый – в Крымском епархиальном управлении. В каждом храме для получения доходов можно было устанавливать пять кружек на различные виды треб: на деньги, поступающих от проскомидии, от общих молебнов, от общих панихид, от елеосвящения и исповеди. Окончательно деятельность уполномоченного по введению окладной системы завершилась в 1962 г. [3, л. 22].

Продолжились гонения властей и на самих священнослужителей РПЦ и верующих. Так, в 1961 г. в отношении Покровского собора Севастополя и его религиозной общины в региональной прессе началась активная кампания по дискредитации. Газета «Слава Севастополя» опубликовала разгромный материал по поводу проведения молебна в связи началом учебного года. Однако митрополит

Гурий в разговоре с уполномоченным высказал уверенность, что это является личным делом родителей учащихся. На что А. Ф. Глухов возразил, что воспитанием детей должна заниматься школа, поскольку дети будут жить в коммунистическом обществе, и предложил дать указание настоятелям храмов не допускать привлечения детей к отправлению религиозных обрядов. А в отношении крещений уполномоченный предложил руководствоваться положением, что для крещения детей необходимо письменное согласие обоих родителей [4, л. 53].

В ряде случаев митрополиту Гурию приходилось идти на некоторые уступки советской власти, чтобы нормализовать работу Крымской епархии. Например, относительно предложения уполномоченного о переводе священников «за штат» с последующим отказом в восстановлении их в должности (так как «они в той или иной мере скомпрометировали себя перед советской властью и верующими»), митрополит Гурий вынужден был согласиться. То же касалось объединения общин Введенской и Афанасьевской церквей в Керчи в связи с реконструкцией городского квартала, в котором находилось здание церкви, а также относительно других, схожих случаев [4, л. 54].

В 1963 г. были внесены коррективы в процедуру перехода священников на твердые оклады, и к началу 1964 г. все священники и общины заполнили пакет новых документов. Теперь для перевода священника на оклад исполнительный орган церкви заключал договор о принятии его на работу на условиях твердого оклада. Сумма оклада оговаривалась отдельным пунктом. Согласно договору, община должна была предоставить священнику квартиру, одномесячный оплачиваемый отпуск и выплачивала одноразовое лечебное пособие. По договору священник обязан был совершать в положенные дни богослужение и отправлять по просьбе верующих в храме разного рода «требы и молитвословия и погребения на кладбище по предъявлении квитанции». Все требы оформлялись через кассу храма, через учетчика денег, который избирался из числа прихожан. На каждую потребу выдавалась отдельная квитанция, и выполнялась она только лишь после ее оплаты в кассе и выдачи квитанции [10, с. 74, 75].

Уполномоченный, фактически парализовавший нормальную работу митрополита Гурия в Крымской епархии, по-прежнему пытался дискредитировать архиерея в глазах партийного начальства. Например, он заявил, что глава Крымской епархии труслив и нерешителен: «Со священниками груб и невнимателен. Многие священники обижаются, что к митрополиту на прием попасть труднее, чем к любому представителю государственных органов. Недоброжелательно относится к прогрессивно-настроенным священникам; берет под защиту священников, допускающих нарушения советского законодательства о культах. В отношении газетных статей, обличающих неблагоприятную деятельность духовенства заявляет, что он им не верит, так как при проверке факты якобы не подтверждаются» [4, л. 71].

Уполномоченный с досадой отмечал, что митрополит Гурий недоверчив к людям: «Всю входящую почту вскрывает сам. Лично ведет деловую переписку, которую скрывает от секретаря. Двуличен. При личных встречах заверяет в откровенности, искренности, соглашается с предложениями уполномоченного, а на

деле пытается проводить другую линию» [4, л. 71]. Очевидно, что в таких случаях митрополит Гурий использовал тактику уклонения от прямых конфликтов с уполномоченным, но при этом продолжал отстаивать позиции Церкви, подвергавшейся гонениям и преследованию со стороны властей.

А. Ф. Глухов, которые формально не имел причины обвинить митрополита Гурия в прямом противодействии властям, докладывал «наверх», что архиерей считал политику советского государства по отношению к Церкви изменившейся в благоприятную для нее сторону. Митрополит Гурий использовал это внешнее признание своей лояльности к властям, чтобы просить уполномоченного о разрешении приглашать священников в Крым из других епархий, хотя необходимости в пополнении кадров духовенства, как уверял уполномоченный, в Крымской епархии не было (хотя совершенно очевидно, что их, напротив, не хватало) [4, л. 71].

При этом митрополит Гурий, как подчеркивал А. Ф. Глухов, с большой радостью принимал молодежь, отдельных представителей которой он вдохновил и направил к пострижению в монашество и к поступлению в духовные семинарии. «Обращает на себя внимание еще одна черта, характеризующая отношение Гурия к нашей действительности, – констатировал уполномоченный. – Известно, что в храмах на «великом входе» принято поминать «богохранимую страну нашу», власть и воинство ее, патриарха, экзарха Украины и правящего архиерея. Гурий дал указание в Троицком соборе г. Днепропетровска поминать только духовных лиц» [4, л. 72]. Еще большее раздражение уполномоченного вызывало то, что в своих проповедях владыка Гурий призывал верующих быть стойкими и мужественными в своей православной вере, и до смерти стоять за веру Христову, распространять по всему миру Слово Божье.

При этом, по словам А. Ф. Глухова, собственное здоровье митрополита уже тогда вызывало серьезные опасения: он часто болел, и значительную часть времени проводил на Южном берегу Крыма [4, л. 72]. Последние дни жизни уже смертельно больной архиерей провел в снимаемом им домике на восточном берегу Крыма. Скончался он 12 июля 1965 г.

Таким образом, в рассмотренный период явно прослеживается линия советских партийных властей на ликвидацию самой Крымской епархии. На основании выявленных архивных документов можно сделать вывод о том, что в Крыму осуществлялась установка на ликвидацию самостоятельной епархии и на ее слияние с другими епархиями. Выполняя распоряжения московского начальства, уполномоченный Совета по делам РПЦ при СМ СССР всячески стремился сократить число приходов и церквей, используя для этого любые средства, от идеологических до административных.

И все же упразднить Крымское епархиальное управление властям не удалось. В этом несомненно заключается и заслуга пришедшего на смену почившему архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому) митрополита Гурия (Егорова), который своим взвешенным и дипломатичным подходом в отношениях с контролирующими органами способствовал тому, чтобы Крымская епархия продолжала свое

существование. Как справедливо заметил его ученик и духовный сын, митрополит Иоанн (Вендланд), «владыка Гурий на примере своей жизни показал нам, как, живя на земле, можно стать человеком, касающимся Божественного Света. Он на себе доказал то, о чем писал Патриарх Сергей, а потом излагал и сам Владыка Гурий, а именно: спасение заключается в «духовном союзе с Богом», что «вечная жизнь начинается уже на земле и, начавшись здесь, продолжается за гробом»» [9, с. 149]. Годы архипастырского служения митрополита Гурия (Егорова) пришлось на сложное время, когда Церковь была гонима властями, подвергалась унижению и преследованиям. Но, благодаря таким подвижникам, как владыка, она не была сломлена и продолжала свое существование. Митрополит Гурий (Егоров) был настоящим мучеником за веру, ярким исповедником, он являл собой пример стойкости в вере, которую не смогли поколебать никакие гонения.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-2647, оп. 5, д. 155.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. R-2647, op. 5, d. 155.
2. ГАРК, ф. Р-2647, оп. 6, д. 1.
GARK, f. R-2647, op. 6, d. 1.
3. ГАРК, ф. Р-2647, оп. 5, д. 182.
GARK, f. R-2647, op. 5, d. 182.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6991, оп. 7, д. 145.
Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF), f. 6991, op. 7, d. 145.
5. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 1997.
GARF, f. 6991, op. 1, d. 1997.
6. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 2067.
GARF, f. 6991, op. 1, d. 2067.
7. ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 2096.
GARF, f. 6991, op. 1, d. 2096.
8. Зегжда С. А. Александро-Невское братство: добрым примером, житием и словом. – [Набережные Челны]: Новости мира, 2009. – 485, [1] с.
Zegzhda S. A. Aleksandro-Nevscoe bratstvo: dobrym primerom, zhitiem i slovom. – [Naberezhnye Chelny]: Novosti mira, 2009. – 485, [1] s.
9. Иоанн, митроп. (Вендланд К.Н.) Князь Федор (Черный); Митрополит Гурий (Егоров): Истории, очерки. – Ярославль: ДИА-пресс, 1999. – 180 с.
Ioann, mitrop. (Vendland K.N.) Knjaz' Fedor (Chernyj); Mitropolit Gurij (Egorov): Istorii, ocherki. – Jaroslavl': DIA-press, 1999. – 180 s.
10. Катунин Ю. А. Симферопольская и Крымская епархия в 1950–1964 гг. – Симферополь: Культура народов Причерноморья, 2004. – 87 с.
Katunin Ju. A. Simferopol'skaja i Krymskaja eparhija v 1950–1964 gg. – Simferopol': Kul'tura narodov Prichernomor'ja, 2004. – 87 s.
11. Катунина Е. В. Налоговая политика государства в отношении религиозных культов в 40–60-е годы XX века (на материалах Крыма) // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 65. – С. 74–79.
Katunina E. V. Nalogovaja politika gosudarstva v otnoshenii religioznyh kul'tov v 40–60-e gody 20 veka (na materialah Kryma) // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2005. – No. 65. – S. 74–79.
12. Литвинко М.В. Государственная власть и Русская Православная Церковь в СССР в зеркале персональной истории (на примере общественной и церковной деятельности митрополита Гурия (Егорова). Дисс... канд. ист. наук: 07.00.02. – Краснодар, 2018. – 175 с.

Litvinko M. V. Gosudarstvennaja vlast' i Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v SSSR v zerkale personal'noj istorii (na primere obshhestvennoj i cerkovnoj dejatel'nosti mitropolita Gupija (Egorova). Diss... kand. ist. nauk: 07.00.02. – Krasnodar, 2018. – 175 s.

13. Павлов Д. В. «До смерти я буду призывать вас к молитве». Жизнь и служение митрополита Гурия (Егорова). – Москва: изд-во ПСТГУ, 2021. – 1248 с. (Материалы по Новейшей истории Русской Православной Церкви; редкол.: прот. В. Воробьев (гл. ред.) и др.).

Pavlov D. V. «Do smerti ja budu prizuivat' vas k molitve». Zhizn' i sluzhenie mitropolita Gurija (Egorova). – Moskva: izd-vo PSTGU, 2021. – 1248 s. (Materialy po Novejshej istorii Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: redkoll. prot. V. Vorob'ev (gl. red.) i dr.).

14. Прокопьев А. А. Хрущевская антирелигиозная кампания: причины, проведение, итоги // Материалы X Международной студенческой научно-богословской конференции 25–26 апреля 2018 г.: сборник докладов / Санкт-Петербургская духовная академия. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбПДА, 2018. – С. 247–250.

Prokop'ev A. A. Hrushhevskaja antireligioznaja kampanija: prichiny, provedenie, itogi // Materialy X Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-bogoslovskoj konferencii 25–26 aprelja 2018 g.: sbornik dokladov / Sankt-Peterburgskaja duhovnaja akademija. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbPDA, 2018. – S. 247–250.

15. Северин Г., прот. Жизнеописание Митрополита Гурия (Егорова). – Симферополь, 2005. – 60 с.

Severin G., prot. Zhizneopisanie Mitropolita Gurija (Egorova). – Simferopol', 2005. – 60 s.

Shimon I. M. Crimean diocese in 1961–1964 and opposition to antichurch pressure by metropolitan of Simferopol and Crimean Guriy (Egorov)

The article discusses the features of the policy of the Soviet government in relation to the Russian Orthodox Church in Crimea, traces the changes in the internal state of the Crimean diocese in the early 1960s, analyzes the features of the implementation of the episcopal vocation on the example of the activity of the head of the diocese. The objectives of the article include an analysis of the state of the Crimean diocese and the archbishop's activities of Metropolitan Guriy (Egorov) of Simferopol and Crimea in 1961–1964. This period, marked by another intensification of persecution of the Church, marked by the unification of several church organizations – the Dnepropetrovsk, Zaporozh'e and Crimean dioceses under the auspices of the latter, with the diocesan administration in Simferopol. In the early 60s of the 20th century parishes continued to close in the Crimean diocese. The economic pressure on the Church also intensified: priests transferred to fixed salaries, all requirements were registered. In the face of pressure on the Church and within the framework of the new Charter of the Russian Orthodox Church, which significantly limits the influence of the clergy on religious communities, Metropolitan Guriy carried out balanced organizational work in the diocese, continued to oppose the closure of churches and sought, to the best of his ability and ability, to minimize the consequences of a new round «Khrushchev's persecution».

Keywords: Russian Orthodox Church, anti-church policy, Crimean diocese, Metropolitan Guriy (Egorov) of Simferopol and Crimea.

УДК 940.5

ПЕРВАЯ ИНТИФАДА В ПАЛЕСТИНЕ (1987–1993 ГОДЫ)

Щевелев С. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: shevelevss57@gmail.com*

Арабо-еврейский конфликт является самым длительным и сложным по своей конфигурации международным конфликтом в новейшей истории. В центре этого конфликта находится палестинская проблема, имеющая глубокие исторические корни. В своём развитии она прошла ряд этапов, один из которых – это две интифады арабского населения Палестины.

Исследуются события первой интифады (1987–1993 годы). Автор обозначает причины, рассматривает ход и итоги первой интифады. В статье исследуется деятельность различных арабских организаций во время первой интифады в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан. Анализируются программные установки Организации освобождения Палестины (ООП), Фатх и других организаций Палестинского движения сопротивления (ПДС). Обозначенный период является ключевым и в истории исламских организаций, участвовавших в интифаде (ХАМАС, Исламский джихад). Автор исследует их программные документы и практическое участие в восстании. Акцентируется внимание на всплеске террора с их стороны и ответных жестоких репрессиях израильской армии против арабского населения сектора Газа и Западного берега реки Иордан. Подчёркивается, что первая интифада сыграла значительную роль в начавшихся секретных палестино-израильских переговорах 1991 году и подписании Соглашения о предоставлении палестинцам ограниченной автономии в секторе Газа и городе Иерихон.

Ключевые слова: Палестина, Израиль, сектор Газа, Западный берег реки Иордан, интифада, палестинцы, Организации освобождения Палестины, ХАМАС.

В первой половине 80-х годов XX века ситуация в Палестинском движении сопротивления, в секторе Газа, на Западном берегу реки Иордан обостряется до предела. В это время в мире проживало 4,5 млн. палестинцев, из них 2 млн человек в границах «исторической Палестины», из них 700 тысяч были жителями Израиля, 800 тысяч – Западного берега реки Иордан, 500 тысяч проживало в секторе Газа, 1 млн – в Иордании. 40% населения Западного берега реки Иордан и 70% жителей сектора Газа (где плотность населения составляла 4 тысячи человек, немногим менее чем в Гонконге – С. Щ.) были беженцами [1, с. 213; 2, с. 2–3].

На Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа действовало Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) со штаб-квартирой в Вене. Оно занималось средним образованием в области профессионально-технической подготовки. Средние школы находились в ведении израильских властей. В 1988 году в сфере деятельности БАПОР находились беженцы из 61 палестинского лагеря в Газе, самыми крупными лагерями были: Джабалия (51 тысяча человек), Рафах (49 тысяч человек). На Западном берегу самые крупные лагеря располагались близ Наблуса – Блата (11

тысяч человек) и Аскар (8 тысяч человек). В 1989 году БАПОР финансировала деятельность 608 центров профессиональной подготовки. В это время начальную школу посещали 95% палестинских детей, 2% палестинцев получили высшее образование. Это в пять раз превышает средние показатели по арабскому миру [3, с. 10].

Ещё 27 января 1983 года на закрытой сессии Революционного совета Фатх (самой крупной партизанской организации в Организации освобождения Палестины – С. Щ.) один из её лидеров Абу Муса подверг резкой критике политику Я. Арафата. Летом 1983 года в Фатхе произошёл раскол – группа Абу Мусы вышла из организации [4, с. 143].

21 декабря 1983 года пять греческих судов вывезли более четырёх тысяч членов Фатх из Триполи в Алжир, Тунис, Северный Йемен, Ирак, Судан. Фатх Я. Арафата со штаб-квартирой в Тунисе насчитывал в это время 6 тысяч человек, группа Абу Мусы, базировавшаяся в Дамаске – 2,5 тысяч человек [5, с. 111; 6, с. 257]. Незадолго до этого, в апреле 1983 года в Португалии во время работы Социалистического конгресса членом группировки Абу Нидаля был убит Иссам Сартауи, один из членов руководства ООП, призывавший к переговорам с Израилем. В свою очередь, в августе 1986 года Кнессет принимает закон, запрещающий израильским гражданам и общественно-политическим организациям иметь какие-либо связи с ООП. Нарушителям этого закона грозило тюремное заключение сроком до 3-х лет, а также крупный денежный штраф. На основании этого закона, отменённого только в январе 1993 года, накануне приезда израильской делегации в Норвегию для проведения тогда ещё секретных переговоров с представителями ООП, были осуждены несколько граждан Израиля [7, с. 42].

Накануне интифады «коллективный Запад» начал кампанию по обвинению Я. Арафата и ООП в разжигании кровавого конфликта между палестинцами и израильянами. В работах западных востоковедов, журналистов, политических деятелей ООП называлась «синдикатом убийц», «международной террористической организацией», связанной с «красными бригадами», «серыми волками», курдами, баскскими террористами. На Западе утверждали, что после августа 1982 года «ООП Арафата существует только в его воображении и на страницах западных газет, в высказываниях министров иностранных дел...» [8, с. 12; 9, с. 189]. Руководители ООП характеризовались как «...беспринципные, безответственные люди, политические фанатики, возглавляющие банды убийц, которым органически присуща склонность к насилию...» [10, с. 2–4].

По мере роста жертв во время интифады как со стороны израильян и, тем более, палестинцев, на Западе стали появляться научные работы, в которых ставилось под сомнение проявление террора со стороны Израиля в отношении палестинских арабов: «Израиль объявляется государством, приверженным высшим моральным ценностям, а палестинцы – олицетворением экстремизма, терроризма и варварства... Даже мысль, что следовало бы подходить с равными мерками как к правам, так и террористической деятельности обеих сторон, расценивается в качестве едва прикрытого проявления антисемитизма» [11, с. 28].

22–28 ноября 1984 года в Аммане проходила XVII сессия Национального совета Палестины. На ней король Иордании Хусейн предложил «иордано-палестинский подход к ближневосточному урегулированию», в том числе: перевод в Амман НСП, переход вооруженных формирований Фатх в бригаду Палестинской освободительной армии «Бадр», находившуюся под контролем иорданской армии. Это привело к апогею противоречий как в Фатхе, так и в ООП в целом. Более того, 11 февраля 1985 года в Аммане Хусейн и Я. Арафат подписали иордано-палестинское соглашение «о рамках совместных действий», состоявшее из 5 пунктов. Один из них провозглашал право палестинского народа на самоопределение «в контексте конфедерации арабских государств – Иордании и Палестины». Оно было подвергнуто резкой критике, подавляющим большинством организаций ПДС. Генеральный секретарь Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП) Н. Хаватма заявил, что соглашение противоречит решениям XVII сессии НСП, а «демократический блок», в составе ДФОП, Народного фронта освобождения Палестины (НФОП), Палестинской коммунистической партии (ПКП) и Палестинского фронта освобождения (ПФО) принял решение бойкотировать это соглашение [12, с. 179–180; 13, с. 4]. Это фактически было расколом ПДС, получившим своё продолжение в ходе интифады.

6 декабря 1987 года в Газе был убит еврейский бизнесмен Шломо Такаль. Израильское правительство обвинило в убийстве организацию Исламский джихад. Через два дня, 8 декабря 1987 года, на контрольно-пропускном пункте в Газе около лагеря беженцев Джебалия израильский броневик врезался в толпу палестинцев, ожидавших разрешения на работу в Израиле. На месте погибло 4 человека, 7 человек получили тяжёлые травмы. В Джебалии начались массовые беспорядки в которых был убит 1 и ранено 16 палестинцев. В течение последующих дней погромы и демонстрации распространились по всему сектору Газа, перекинулись на Западный берег, охватили Рамаллу, лагерь беженцев Каландия к северу от Иерусалима, лагерь беженцев Блата возле Наблуса, сам Наблус и другие города и лагеря беженцев Западного берега [14, с. 323].

Палестинцы были уверены, что это катастрофа была спланирована как месть за убийство Ш. Такаля. Начинаются демонстрации и погромы, которые принимают характер восстания и сразу же получившие название «интифада». В ответ Израиль отключает электричество и водоснабжение палестинских лагерей беженцев, начинает использовать газовые атаки от которых только в лагере Бурадж за первый год интифады погибло 16 человек [15, с. 51].

В конце декабря 1987 года Организация освобождения Палестины от своего имени объявила о формировании Объединённого национального руководства (ОНР) восстанием на оккупированных территориях. В него вошли представители местных членов Фатх, ДФОП, НФОП, ПКП, исламисты. На самом деле ООП не была основателем ОНР. Фактически оно существовало до начала интифады [16, с. 1–4].

Первая листовка ОНР «Коммюнике Объединённого национального руководства восстанием №1» была датирована 8 января 1988 года. Оно призывало

всех палестинцев к всеобщей забастовке с вечера 13 января. Более конкретные требования были сформулированы в Коммюнике №6 от 2 февраля: забастовка, бойкот израильских товаров, бойкот муниципальных и местных комитетов в лагерях, которые немедленно не выйдут из подчинения израильским оккупационным властям, бойкот уплаты налогов, борьба за освобождение заключённых из израильских тюрем, «...нужно продолжить войну посредством коктейля Молотова и камней» [15, с. 335–337].

Задачи были ещё более расширены в Коммюнике №8 от 18 февраля 1988 года, наряду с предыдущими задачами были включены и другие: организация ежедневных демонстраций, столкновений с «сионистами», организация народных комитетов во всех административных районах и их деятельность до окончания восстания. В листовке расписывались по дням все предстоящие действия – забастовки, демонстрации, время работы магазинов, посещение членами семей заключённых в израильских тюрьмах и т.п. [15, с. 333–346].

В обращениях со стороны ОНР к арабским странам всегда подчёркивалось, что ООП – «наш единственный законный представитель, а ОНР борется за установление независимого национального государства под руководством ООП, отвергает любой план, выступающий против наших прав – включая план автономии Кэмп-Дэвида...» [15, с. 364–365]. В Коммюнике № 26 от 26 сентября 1988 года были указаны условия окончания интифады: уход Израиля со всех палестинских и арабских территорий, оккупированных в 1967 году, включая Иерусалим, ликвидация всех еврейских поселений на оккупированных территориях, передача палестинских территорий под контроль ООН на период не менее нескольких месяцев «в течение которого палестинский народ свободно реализует своё право на самоопределение» [15, с. 2].

Израильские военные сразу же приступили к массовым арестам. К концу декабря 1987 года было арестовано более 1200 палестинцев, в столкновениях с израильскими солдатами было убито 22 и ранено 170 палестинских демонстрантов. Кроме того, Израиль ввёл практику военных судов и депортации задержанных за пределы Израиля. Первая депортация была осуществлена 13 января 1988 года [14, с. 324–325]. За время репрессий на оккупированных территориях к октябрю 1988 года было взорвано около 100 палестинских домов. Это не было чем-то новым – при правительстве Ликуда (1977–1984 годы) ежегодно разрушались около 20 домов. За первый год интифады во время разгона демонстраций было ранено около 30 тысяч палестинцев [16, с. 15–16]. Приказ №378 израильской армии давал право любому полицейскому или солдату производить обыск без ордера, на 18 дней до суда любой задержанный мог быть арестован, а суд мог продлить этот срок на 6 месяцев. Военное командование могло объявить любой район закрытым, войти и выйти из которого можно было только при наличии особого пропуска.

В начале 1988 года был принят закон, по которому в случае применения против израильских военнослужащих камней и бутылок с зажигательной смесью им было разрешено открывать огонь боевыми патронами. Аналогичное право в марте 1988 года получили еврейские поселенцы на оккупированных территориях если их жизни

угрожала опасность. В марте 1988 года в военных училищах и военных центрах были организованы специальные курсы по обучению военнослужащих методам и способам, применяемым при разгоне демонстраций. В апреле 1988 года было принято постановление о судебной ответственности глав семейств, дети которых, достигшие 12-летнего возраста участвовали в забрасывании камнями израильских солдат. В январе 1988 года школы на палестинских территориях были закрыты израильскими военными, была прекращена выплата жалования учителям на палестинских территориях под предлогом того, что они не работали более трёх месяцев. В ответ на демонстрации и забастовки, время от времени израильские власти запрещали десяткам тысяч палестинцев въезжать в Израиль на работу [17, с. 42].

Израиль запрещал жителям Западного берега и сектора Газа участвовать в выборах и заседаниях Национального совета Палестины. Противоречия в Палестинском движении сопротивления, существовавшие до первой интифады, получили своё продолжение и в ходе её. В декабре 1988 года палестинские группировки, враждебно настроенные к Я. Арафату, провели в Дамаске первое заседание «Подготовительного комитета» с целью начала процедуры избрания нового руководства ООП. В комитет вошли представители Фатх – Революционное командование (Абу Муса), НФОП – Главное Командование (Ахмед Джibriль), Палестинской коммунистической партии – Революционной (ПКПР) и Народного движения арабского освобождения (Наджи Аллуш). В этот комитет вошли и некоторые члены НСП, представители некоторых группировок на оккупированных территориях, в частности представители ХАМАС.

4 января 1988 года листовки, появившиеся на Западном берегу, сообщили о сформировавшейся повстанческой коалиции в рамках ОНР. В коалицию входили: НФОП, ДФОП, НФОП-ГК, Исламский джихад и местные коммунисты. Представители перечисленных организаций входили и в народные комитеты, в которых существовал принцип коллегиальности [14, с. 239–330].

Распространение информации среди населения ОНР и другие палестинские организации осуществляли посредством расклеивания листовок. Они анонсировали дни забастовок и демонстраций, дни солидарности с арестованными или их семьями, а также дни выступлений против израильских военных и полиции. Там же содержались директивы для различных социальных групп: торговцев и владельцев магазинов, студентов, крестьян, рабочих и ремесленников, и в целом для населения. Звучали призывы к земельным собственникам уменьшить арендную плату, к медицинским работникам и другим специалистам с просьбой уменьшить плату за свои услуги. В листовках ОНР от 10 и 14 января содержались требования к Израилю: прекратить полицейский террор, отменить депортации, вывести армию из палестинских районов Западного берега и сектора Газа, распустить созданные Израилем муниципальные советы, провести демократические выборы, освободить политических заключенных и прекратить экспроприацию земли и арабских поселений. Во время интифады жители отдалённых пунктов перекрывали дороги и объявляли свои деревни «автономной палестинской зоной». Так, например,

поступили жители деревни Дейр аль-Гусун в окрестностях Тулькарма. 12 февраля 1988 года её оккупировали израильские войска [17, с. 28].

31 января 1988 года на Западном берегу прошёл первый митинг в поддержку ОНР, на котором жители Бейт-Сахура стали инициаторами кампании по отказу от уплаты налогов [16, с. 45]. В листовке от 6 января 1988 года Объединённое национальное руководство вновь призвало палестинцев отказаться от сотрудничества с израильскими властями и местной администрацией [15, с. 37]. В ответ на интифаду израильские власти начали вводить комендантский час на территориях проживания палестинцев. Эти районы объявлялись «закрытыми военными зонами». 18 апреля весь Западный берег был объявлен такой зоной. В качестве мер наказания израильские власти использовали выкорчёвывание фруктовых и оливковых деревьев, а также разрушение домов в арабских деревнях, оказывавших сопротивление. К концу первого года восстания на Западном берегу реки Иордан было уничтожено или замуровано 145 домов. В первые годы интифады в составе израильских войск на оккупированных территориях действовали специальные группы, в задачу которых входила ликвидация лидеров ОНР и различных палестинских организаций и группировок. Члены этих групп в большинстве своём знали арабский язык и были одеты в гражданскую одежду [18, с. 54]. За первый год интифады погибло 340 палестинцев [15, с. 173].

Интифада грозила перейти границу Иордании и охватить палестинские массы Хашимитского королевства. Король Хусейн сразу же предложил возобновить диалог с ООП и сформировать совместную иордано-палестинскую делегацию для участия в мирных переговорах. Это предложение осталось без ответа. После этого Хусейн приступил к политике дистанцирования от Западного берега. Ещё в марте 1986 года Хусейн объявил о принятии 5-летнего плана экономического развития Западного берега реки Иордан. План предусматривал модернизацию сельского хозяйства, промышленности, образования и здравоохранения, предусматривал денежные вложения в этот план в сумме 1 млрд 25 млн долларов. В июле 1988 года план был отменён [15, с. 304].

В 1977 году израильским властям стало известно, что в секторе Газа появилась палестинская Мусульманская ассоциация (Аль-Муджамма аль-Исламийя). Она занималась реализацией социальных проектов и пропагандировала построение в Палестине подлинного исламского общества. С началом первой интифады, в декабре 1987 года на её базе сформировалось Движение исламского сопротивления (Харакат аль-Мукавамма аль-Исламийя – ХАМАС – С.Щ.). Духовным лидером этой организации стал шейх Ахмед Ясин, возглавлявший Исламский центр в Газе, и считавшийся «духовным лидером» исламского движения на оккупированных территориях. Ахмед Ясин был ликвидирован Израилем в ходе военной операции в 2004 году. Ближайшими соратниками Ахмеда Ясина были: Абдель Азиз ар-Рантиси, ставший секретарём организации, Махмуд аз-Захар, лечащий врач Ясина, ставший министром иностранных дел Палестинской национальной автономии (ПНА) в 2006 году и Исмаил Абу-Шанаб, организатор террористических актов на территории Израиля [20, с. 190].

В первых программных документах ХАМАС заявлял о том, что является исламским патриотическим палестинским движением, а Организация освобождения Палестины – самое близкое к ХАМАС движение [21, с. 140]. Было объявлено, что «перед борьбой все различия между ХАМАС и ООП отходят на второй план», а целью ХАМАС является ликвидация Израиля и создание на территории Палестины независимого исламского государства, которое объединит всех мусульман мира [18, с. 41].

В мечетях и программных документах ХАМАС объяснялось почему именно Палестина станет центром всемирного исламского государства: во-первых, Аллах выбрал мечеть Аль-Акса в Иерусалиме как место вознесения пророка Мухаммеда на небеса; во-вторых, во всех документах ХАМАС Палестина обозначается вакфом. Это положение было введено в историю вторым халифом Умаром ибн аль-Хатабом после завоевания Палестины в 638 году. Богословы утверждали, что халиф Умар ибн аль-Хатаб решил не разделять покорённую страну среди своих воинов, а объявил её вакфом. Положение о Палестине как о вакфе, который должен защищать каждый мусульманин появилось в коммюнике ХАМАС №30 [15, с. 172, 174; 20, с. 193].

В самом начале интифады израильские власти рассчитывали сравнить Фатх и ХАМАС. Это получилось – в меньшей степени в 80-е годы, в большей – на рубеже XX и XXI веков, свидетелями чего мы и являемся.

В августе 1988 года появилась программа ХАМАС. По мнению российских востоковедов К. И. Полякова и А. Ж. Хасянова: «В концентрированном виде содержание программы документа Движения было выражено в лозунге ХАМАС – «Аллах – это цель, Пророк – это модель, Коран – это конституция, джихад – это путь, а смерть во имя Аллаха – это высшее из устремлений»» [18, с. 172]. Программа призывала к организации всеобщих забастовок, не сотрудничеству с Израилем и к его бойкоту, отрицала любую конференцию по будущему Палестины [22, с. 174].

Принятие подобной программы, конечно же не способствовало объединению ООП и других организаций палестинцев во время интифады. Более того, не редко между ними наблюдалась враждебность, а то и открытое вооруженное противостояние. ХАМАС всегда оспаривал право лидера ООП и Фатх Ясира Арафата быть единственным представителем воли народа. В документах ХАМАС подчеркивается, что единственным способом решения палестинской проблемы является джихад.

В секторе Газа и на Западном берегу в это время было 6 палестинских университетов и несколько колледжей с 12 тысячами студентов. Пропагандисты ХАМАС активно вовлекали их в свои ряды. Студенчество было благодатной почвой для

ХАМАС. Еще в 1982 году у палестинцев действовало 4 студенческих союза, контролируемые ПКП, НФОП, ДФОП, Фатх, и в целом поддерживавшие ООП. Все они были настроены против Исламского блока студентов университетов и колледжей. Этот блок назывался ими реакционным, деструктивным оружием в

руках Братьев-мусульман, связанным с «... Западом и реакционными арабскими режимами» [4, с. 126].

В 1978 году на выборах в студенческие советы в Бир-Зейтском университете Исламский блок получил 3% голосов, через год, после победы Хомейни, – 43%. В 1987 году Исламский блок собрал 25% голосов в Бир-Зейте, 85% – в Хебронском университете, 40% – в университете Наджах [16, с. 108; 23, с. 261].

Особое внимание ХАМАС уделял пропаганде в мечетях, в которых проходила агитация и вербовка новых членов. Число мечетей в Газе в 1967–1987 годах выросло с 75 до 150 [16, с. 108].

В 1988 году на Западном берегу и в Газе действовало 200 женских комитетов, члены которых занимались оказанием медицинской помощи, школьными занятиями, работой в яслях, лечением пострадавших при разгонах демонстраций, оказанием помощи семьям заключенных, вязанием им тёплой одежды и т.п. Эти комитеты были объединены в Ассоциацию комитетов трудящихся женщин. Время от времени

ХАМАС и ООП заявляли о «своём руководстве этими комитетами» [17, с. 29].

В ХАМАС была организована структура по сбору информации о палестинцах, сотрудничавших с Израилем и занимавшаяся их ликвидацией. Это подразделение «Маджд» занималось ведением джихада. В рядах ХАМАС действовали отряды «шахидов», состоявшие из молодых людей [17, с. 28]. К концу 1989 года ими было убито 163 человека. Подобное совершали и палестинские партизанские организации. Так, в октябре 1989 года Абу Нидаль (Фатх – Революционный совет) сообщил о казни «15 ливанских и палестинских шпионов». Бывший помощник Абу Нидалья Атеф Абу Бакр называл его «патологическим убийцей, убивающим людей ради денег, замешанным в торговле оружием и наркотиками» [21, с. 42].

ХАМАС сразу же вступил в острую борьбу со своим конкурентом – Исламским джихадом, лидеры которого не скрывали свои симпатии к шиитскому руководству Ирана. К августу 1988 года ХАМАС поставил на службу «стихию улицы». Движение исламского сопротивления стало не только доминирующей силой среди исламских движений и организаций на оккупированных территориях, но и выступило в роли главного конкурента ООП, а также ОНР в борьбе за народную поддержку.

В 1988 году власти Израиля приняли закон об обмене идентификационных карт арабского населения. При этом жители Газы и Западного берега должны были уплатить все налоговые сборы, таможенные пошлины, полицейские штрафы и муниципальные счета [14, с. 339]. Это вызвало новый всплеск возмущения на палестинских территориях.

Народные комитеты во время интифады возникли не на пустом месте. В 1983 году в Газе и на Западном берегу насчитывалось 276 крестьянских обществ, объединявших 15 процентов крестьян, 41 тысяча человек входила в различные палестинские рабочие организации. Рабочие комитеты осуществляли контроль над проведением бойкота израильских товаров и государственных учреждений. Они давали разрешение 10% рабочих на работу в Израиле. Комитеты торговцев

контролировали цены на товары, бойкотировали уплату налогов и т.п. [17, с. 29]. 19 августа 1988 года народные комитеты были запрещены из-за их «незаконных действий». Сотни членов комитетов были арестованы.

Во время интифады, ослабленное репрессиями движение Исламский джихад, пользовалось большой поддержкой населения на оккупированных территориях. Оно продолжало борьбу, распространяя листовки, организовывая демонстрации и забастовки. Движение не отказывалось и от вооруженного сопротивления. Во время интифады Исламский джихад проводил самостоятельную политику, дистанцируясь от ОНР, ООП и ХАМАС. Особенно активно руководство выступало против лидеров ООП, в первую очередь Ясира Арафата. Активисты ОНР в свою очередь считали, что лидеры ООП стали выразителями интересов среднего класса палестинского общества, а многие из них вели роскошный образ жизни и были далеки от реальности [1, с. 121].

ХАМАС и Исламский джихад в 80-е годы усилили террористическую деятельность не только на Западном берегу и секторе Газа, но и на территории Израиля и других стран. Шейх Ахмед Ясин был арестован и приговорён к пожизненному заключению.

Во время интифады лидеры ООП и ОНР стремились избежать повторения лозунгов исламской оппозиции (в первую очередь лозунгов ХАМАС и Исламского джихада – С. Щ.). На вооружение был взят лозунг «мы все палестинцы» [24, с. 267]. К середине 1988 года ООП удалось восстановить контроль над ситуацией в Палестине, уменьшить роль ОНР и исламской оппозиции в интифаде. В значительной мере этому способствовали жесточайшие репрессии Израиля против реальных участников восстания на Западном берегу реки Иордан и сектора Газы.

15 ноября 1988 года на своей XIX сессии Национальный совет Палестины (НСП) принял Декларацию независимости государства Палестина и Политическую декларацию, в которых признавал резолюции №242 и №338 Совета Безопасности ООН в качестве основы для переговоров на международной конференции по Ближневосточному урегулированию.

Вскоре Израиль выдвинул так называемый «план Шамира», предлагавший проведение выборов в оккупированных районах под контролем израильского правительства с целью избрания представителей для ведения переговоров от имени палестинского народа. Подавляющее большинство палестинцев отвергли «план Шамира». ООП заявила, что только она, как единственный законный представитель палестинского народа, имеет право сформировать палестинскую делегацию не только из представителей оккупированных территорий, но и из представителей палестинской диаспоры [25, с. 150].

Два документа, принятые на XIX сессии НСП Декларация независимости государства Палестина и Политическая декларация [26], вызвали серьёзные разногласия в палестинском обществе. Организация ХАМАС сразу же заявила, что ООП отходит от основополагающих принципов Палестинской Национальной Хартии и пытается направить интифаду в бесперспективное русло политических дебатов. Одновременно проходило сближение ХАМАС с левыми радикальными

палестинскими группами, осудившими «предательство Арафата». Среди этих организаций выделялись НФОП-ГК и ДФОП. В январе 1988 года на оккупированных территориях было распространено заявление от имени НФОП и ХАМАС, призывавшее создать новое альтернативное движение, способное вытеснить с политической арены ООП. В этом же месяце представители НФОП несколько раз заявляли о своём союзе с ХАМАС. Лидер НФОП Жорж Хабаш заявлял, что две организации имеют общую стратегию и он желает видеть ХАМАС в качестве доминирующего движения в национальной борьбе. Кроме того, он подверг критике решения XIX сессии НСП, подчеркнув, что для него приемлемо палестинское государство только на территории от Средиземного моря до реки Иордан [21, с. 140].

20 июня 1990 года президент США Джордж Буш объявил о приостановке всех контактов с ООП. Более того, повсюду в арабском мире был объявлен бойкот ООП и Арафату за их поддержку С. Хусейна во время войны в Персидском заливе. Накануне и во время женевских переговоров интифада не прекращалась. 8 октября 1990 года палестинцы забросали камнями евреев у Стены Плача, что повлекло за собой столкновения с израильской полицией, в которых погибло более 20 и было ранено около 150 арабов. Террористическая активность ХАМАС резко усилилась после создания в 1991 году Валидом Аякелем военного подразделения ХАМАС, названного в честь шейха Изз ад-Дина аль-Кассама, воевавшего в период мандата с англичанами и евреями.

Создание этого военного крыла ХАМАС привело к вспышке террора не только против Израиля, но и как всегда против коллаборационистов. 28 июля 1991 года в Тель-Авиве взрывом был убит канадский турист еврейского происхождения М. Киммельман; 11 октября 1991 года член ХАМАС направил грузовик в группу израильских солдат – двое из их погибли; в декабре был убит житель еврейского поселения Кфар-Даром в секторе Газа; 17 мая 1992 года был убит Давид Коэн; 24 мая была зарезана 15-летняя девушка; 27 мая в секторе Газа был убит раввин Шимон Бيران; 22 июня там же были убиты двое еврейских поселенцев. 18 сентября был убит израильский солдат, севший в попутную машину; 22 сентября в Иерусалиме был убит израильский пограничник. 7 декабря были убиты трое израильских солдат. 13 декабря 1992 года в городе Лод был похищен израильский пограничник, за возвращение которого руководитель Изз ад-Дин аль-Кассама потребовал освободить из тюрьмы шейха Ахмеда Ясина. Сделка не состоялась, и заложник был убит. Ответственность за все эти убийства брал на себя ХАМАС [27, с. 36–37].

Репрессии на Западном берегу реки Иордан и секторе Газа получили новый виток в 1991 году после назначения на пост начальника генерального штаба армии Израиля Эхуда Барака. Незадолго до этого он спланировал и руководил убийством в Тунисе одного из лидеров ООП Абу Джихада. Он был активным сторонником депортации палестинцев, в первую очередь их лидеров.

С 9 декабря 1987 года по 17 октября 1991 года по израильским данным было убито 25 израильтян и ранено 4850, убито арабов израильтянами 701 человек, убито

арабов арабами за коллаборационизм 501 человек. По палестинским данным с 9 декабря 1987 года по 31 мая 1991 года убито 956 арабов [28].

Летом 1992 года израильское правительство возглавил Ицхак Рабин. Начались длительные тайные переговоры между израильскими властями и ООП. Эти переговоры привели к признанию ООП права Израиля на мирное и безопасное существование, а также к признанию резолюций Совета Безопасности ООН №242 и №338. Ясир Арафат дал гарантии того, что статьи Палестинской национальной Хартии, отрицающие право Израиля на существование, будут отменены. В ответ Израиль признал ООП легитимным представителем палестинцев на переговорах [29, с. 128 – 129].

После 11-го раунда арабо-израильских переговоров, впервые было объявлено о включении ООП в переговорный процесс. Это было результатом прорыва в отношениях между ООП и Израилем. Обе стороны в результате тайных переговоров, проводившимися одновременно с официальными, в Осло (Норвегия) при посредничестве министра иностранных дел Норвегии Холста, 10 сентября признали друг друга, и в тот же день США возобновили диалог с ООП. 13 сентября 1993 года в Вашингтоне было подписано Соглашение о предоставлении палестинцам ограниченной автономии в секторе Газа и городе Иерихон. Соглашение в качестве свидетелей также подписали министры иностранных дел США и России, являвшихся сопредседателями мирной конференции по Ближнему Востоку [30, с. 21].

Несомненно, первая интифада сыграла свою роль в «процессе Осло». Даже израильские исследователи признают тот факт, что, несмотря на многочисленные оперативные тактические успехи на протяжении 6 лет палестинского восстания, израильская армия не смогла сломить сопротивление ООП, ХАМАС, Исламского джихада, НФОП, ДФОП и «других террористических организаций» [29, с. 186]. Директор «Моссад» во время интифады Н. Адмони подтверждал: «Интифада нанесла нам намного больше политического ущерба и сильнее ударила по нашему имиджу, чем всё, что удалось сделать ООП за всё время её существования» [31, с. 317–318].

Список использованных источников и литературы

1. Merari A., Kurz A. International Terrorism in 1987. — Jerusalem.: Jerusalem Post, 1988. — 140 p.
2. The International Relation of the Palestinian Liberation Organization. Ed. By A. R. Norton and M. H. Greenberg. — Carboudale, 1989. — 457 p.
3. Общественные, экономические и политические учреждения на Западном берегу и в секторе Газа. — Нью-Йорк: ООН, 1982. — 322 с.
Obshchestvennie, ekonomicheskie i politicheskie uchrezhdeniya na Zapadnom beregu i v sektore Gaza. — Nju-York: OON, 1982. — 322 s.
4. Sahliyah E. F. The PLO After Lebanon War. — Boulder and London: Westview press, 1986. — 268 p.
5. Эпштейн А. Д. Войны и дипломатия. Арабо-израильский конфликт в XX веке. — Киев: Дух і літера, 2003. — 216 с.
Epshtein A. D. Voini i diplomatiya. Arabo-izraillskij konflikt v XX veke. — K.: Duh i litera, 2003. — 216 s.

6. Близняков Р. А., Малышев Д. А. Палестинская проблема в международных отношениях (1947 – 1993). – М.: Издательство МЦСПИ, 2007. – 352 с.
- Bliznyakov R. A., Malishev D. A. Palestinskaya problema v mezhdunarodnih otnosheniyah (1947 – 1993). – М.: Izdatelstvo MTZSPI, 2007. – 352 s.
7. Corbin J. Gaza First. The Secret Norway Channel to Peace Between Israel and the PLO. – London: Bloomsbury, 1994. – 38 p.
8. Hart A. Arafat Terrorist or Peacemaker? – L.: Sidgwick and Jackson, 1984. – 480 p.
9. Dobson Ch., Payne K. The never-Ending War: Terrorism in the 80's. – N.-Y.: Facts on File, 1987. – 356 p.
10. Becker J. The PLO. The Rise and Fall on the Palestine Liberation Organization. – N.-Y.: Martin Press, 1984. – 303p.
11. Segaller S. Invisible Armies Terrorism in to the 1990 s. – L.: Joseph, 1986. – 311 p.
12. Щевелев С. С. Борьба организации ФАТХ в составе ПДС за решение палестинской проблемы (1964 – середина 80-х годов). Диссертация кандидата исторических наук. – М.: Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова, 1987. – 216 с.
- Shchevelev S. S. Borba organizatzii FATH v sostave PDS za reshenie palestinskoi problemi (1964 – seredina 80-h godov). Dissertatziya kandidata istoricheskikh nauk. – М.: Institut stran Azii i Afriki pri MGU im. M. V. Lomonosova, 1987. – 216 s.
13. К иордано-палестинскому соглашению // Правда, 21 февраля, 1985. – С. 5
- K iordano-palestinskomu soglasiyu // Pravda, 21 fevralya, 1985. – S. 5
14. Aronson G. Israel, Palestinians and the Intifada. Creating Facts on the West Bank. – L.: Kegan Paul International, in Association with the Institute of Palestinian Studies (Wash.), 1990. – 376 p.
15. Intifada. The Palestinian Uprising Against Israeli Occupation. Ed. By Z. Lockman and J. Beinin. – Boston: South End Press, 1989. – 424 p.
16. Mc. Dowall D. Palestine and Israel: The Uprising and Beyond. – Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press. – 1989. – 322 p.
17. Intifada Diary. – Damascus: [s. n.], [s. a.]. – 57 p.
18. Поляков К. И., Хасянов А. Ж. Палестинское движение сопротивления и формирование палестинской государственности (80–90-е гг.). – М.: Институт востоковедения, 2001. – 301 с.
- Polyakov K. I., Hasyanov A. Zh. Palestinskoe dvizhenie soprotivleniya i formirovanie palestinskoi gosudarstvennosti (80–90-e gg.). – М.: Institut vostokovedeniya, 2001. – 301 s.
19. Ten Years after Camp David Ed. W. B. Quandt. – Wash.: The Brookings Institution. – 1988. – 517p.
20. Демченко А. В. Исламский фактор в израильско-палестинском конфликте // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). – М.: Институт востоковедения РАН, 2015. – С. 192–216.
- Demchenko A. V. Islamskij faktor v israilsko-palestinskom konflikte // Konflikty i voiny XXI veka (Blizhnij Vostok i Severnaya Afrika). – М.: Institut vostokovedeniya RAN, 2015. – S. 192–216.
21. Раджабов М. З. ХАМАС и Палестинская национальная автономия в 90-х гг. Конфликт или диалог // Ближний Восток и современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – Вып. 4. – С. 138–148.
- Radzhabov M. Z. HAMAS i Palestinskaya natzionalnaya avtonomiya v 90-h gg. Konflikt ili dialog // Blizhnij Vostok i sovremennost. – М.: Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, 2004. – Vip. 4. – S. 138–148.
22. The International Relations of the Palestine Liberation Organization. – Carbondale: Southern Illinois University Press, 1989. – 233 p.
23. Lesch A. M., Tessler M. Israel, Egypt and Palestinians. From Camp David to Intifada. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1989. – 298 p.
24. Поляков К. И., Хасянов А. Ж. Деятельность исламских организаций после раздела Палестины и в начальный период интифады // Ближний Восток и современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. – Вып. 10. – С. 255–268.

Polyakov K. I., Nasyanov A. Zh. Deyatel'nost' islamskikh organizatsij posle razdela Palestini i v nachal'noj period intifadi // *Blizhnij Vostok i sovremennost'*. – M.: Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, 2001. – Vip. 10. – S. 255–268.

25. Щевелев С. С. Палестинский аспект Ближневосточного конфликта (1947–2005 гг.). – Симферополь – Москва: МЦСПИ, 2005. – 184 с.

Shchevelev S. S. Palestinskij aspekt Blizhnevostochnogo konflikta (1947–2005 gg.). – Simferopol – Moskva: MTZSPI, 2005. – 184 s.

26. Итоговые документы 19-й чрезвычайной сессии Национального совета Палестины в Алжире. 1. – Декларация независимости. 2. Политическая декларация. Ноябрь 1988 г. – М.: Представительство ООП в СССР, 1988. – 22 с.

Itogovye dokumenty 19-j chrezvichajnoj sessii Natsionalnogo soveta Palestini v Alzhire. 1. – Deklaratsiya nezavisimosti. 2. Politicheskaya deklaratsiya. Noyabr 1988 g. – M.: Predstavitelstvo OOP v SSSR, 1988. – 22 s.

27. Эпштейн А. Д. ХАМАС в региональной политике. Израиль, Иордания и Палестинская национальная администрация перед вызовами исламского национализма. – М.: Институт Ближнего Востока, 2007. – 192 с.

Epshtein A. D. HAMAS v regionalnoj politike. Izrail, Iordaniya i Palestinskaya natsionalnaya administratsiya pered vizovom islamskogo natsionalizma. – M.: Institut Blizhnego Vostoka, 2007. – 192 s.

28. Бовин А. Израиль: ни войны, ни мира // *Известия*, № 257, 29 октября. 1991. – С. 7.

Bovin A. Izrail: ni vojni, ni mira // *Izvestiya*, № 257, 29 oktyabrya. 1991. – S. 7.

29. Эпштейн А. Д. Бесконечное противостояние. Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. – 203 с.

Epshtein A. D. Beskonechnoe protivostoyanie. Izrail i arabskij mir: vojni i diplomatiya, istoriya i sovremennost'. – M.: Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, 2003. – 203 s.

30. Даюб Шафик. Ближний Восток. Новый этап мирного урегулирования конфликта // *Азия и Африка сегодня*. – № 12. – 1993. – С. 15 – 23.

Dayub Shafik. Blizhnij Vostok. Novij etap mirnogo uregulirovaniya konflikta // *Aziya i Afrika segodnya*. – № 12. – 1993. – S. 15 – 23.

31. Бергман Р. Восстань и убей первым: Тайная история израильских точечных ликвидаций. – М.: Ко Libri, Азбука – Атиккус, 2020. – 736 с.

Bergman R. Vosstan i ubej pervim: Tajnaya istoriya izrail'skikh tochechnih likvidatsij. – M.: Ko Libri, Azbuka – Attikus, 2020. – 736 s.

Shchevelev S. S. The First Intifada in Palestine (1987–1993 years).

The Arab-Jewish conflict is the longest and most complex international conflict in recent history. At the center of this conflict is the Palestinian problem, which has deep historical roots. In its development, it has gone through a number of stages, one of which is the two intifadas of the Arab population of Palestine. The article examines the events of the first intifada (1987–1993). The author indicates the reasons, considers the course and results of the first intifada. The article examines the activities of various Arab organizations during the first intifada in the Gaza Strip and the West Bank. The program settings of the Palestine Liberation Organization (PLO), Fatah and other organizations of the Palestinian Resistance Movement (PRM) are analyzed. The designated period is also key in the history of Islamic organizations participating in the intifada (Hamas, Islamic Jihad). The author examines their program documents and practical participation in the uprising. Attention is focused on the surge of terror on their part and the reciprocal brutal repressions of the Israeli army against the Arab population of the Gaza Strip and the West Bank of the Jordan River. It is emphasized that the first intifada played a significant role in the beginning of the secret Palestinian-Israeli negotiations in 1991 and the signing of the Agreement on the Granting of Limited Autonomy to the Palestinians in the Gaza Strip and the City of Jericho.

Keywords: Palestine, Israel, Gaza Strip, West Bank, intifada, Palestinians, Palestine Liberation Organization, Hamas.

MEMORIA

УДК 929

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧИГРИН: ПУТЬ В ЖИЗНИ И В НАУКЕ

Чигрина Н. В.

*Крымский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: sociochigrin@mail.ru*

Жупник О. Н.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: sociolesya@mail.ru*

Статья посвящена памяти известного крымского социолога – доктора социологических наук, профессора Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского В. А. Чигрина (1949–2022). Отмечается его вклад в развитие социологической отрасли, прежде всего в социологию села, социологию молодежи, электоральную социологию и региональную социологию в Крыму. Главный урок Виктора Александровича – это его преданность своему призванию социолога, научным и общественным идеалам. Уйдя из жизни, он навсегда оставил о себе добрую память среди коллег и студентов – это был настоящий человек и настоящий ученый!

Ключевые слова: социология в Крыму, Чигрин Виктор Александрович, социология села, социология молодежи, электоральная социология.

Речь пойдет о человеке, являвшем собой счастливое сочетание выраженной способности к новаторству и почтения к научным и университетским традициям, научной устремленности и человеческой доброжелательности, принципиальности и коллегиальной корректности. Виктор Александрович Чигрин родился 14.01.1949 в г. Дзержинск Донецкой области в семье деятелей искусства. Его отец – Александр Иванович Чигрин был основателем и художественным руководителем народного эстрадного оркестра при Мелитопольском институте механизации сельского хозяйства [1]. В 1970 году В.А. Чигрин закончил отделение истории историко-филологического факультета Крымского государственного педагогического института имени М. В. Фрунзе, получив диплом с отличием. В 1970–1971 годы работал учителем средней школы в с. Ароматное Белогорского района.

С 1971 года работал старшим лаборантом, заведующим лаборатории ТСО, а позже – преподавателем Мелитопольского института механизации сельского хозяйства (МИМСХ). В 1982 году окончил аспирантуру при Украинской

сельскохозяйственной академии (Киев), защитив кандидатскую диссертацию, посвященную студенческой молодежи. С 1984 по 1988 год преподавал в Украинской сельскохозяйственной академии, в 1986 году получил ученое звание доцента. В 1986 году Виктор Александрович заключает брак с Натальей Викторовной Чигриной, которая становится верной спутницей до конца его жизни. В 1988–1991 годы по Постановлению Совета Министров СССР работал в Наманганском филиале Ташкентского политехнического института (Узбекистан). В годы распада СССР возвратился на Украину, в г. Мелитополь, и работал в Мелитопольском институте механизации сельского хозяйства. С 1994

по 2010 год заведовал кафедрой философии и социологии в этом институте, который позднее был переименован в Таврический государственный агротехнологический университет [2].

После защиты кандидатской диссертации Виктор Александрович не останавливается на достигнутом и готовится поступить в докторантуру при Институте социологии УАН. Его научные интересы по-прежнему были связаны с проблемами и перспективами сельской молодежи. При поступлении в докторантуру он представляет результаты своего комплексного социологического исследования сельской молодежи, проведенного с 1978 по 1988 годы в восьми областях Украины. Данное исследование отличалось большой репрезентативностью, как в плане охвата регионов и групп сельской молодежи, так и в плане временного периода. За весь период (10 лет) было опрошено порядка 18000 респондентов. В 2006 году на основании данного исследования была издана монография «Сельская молодежь: опыт комплексного социологического анализа» [3]. В 2008 году В. А. Чигрин защитил докторскую диссертацию на тему: «Социология сельской молодежи: теоретико-методологические и методические основы» [4].

В 2010 году семья Чигриных принимает решение переехать в Крым, в г. Керчь. В 2011 году В.А. Чигрин возглавил кафедру социологических наук и социальной работы Керченского государственного морского технологического университета (КГМТУ). С 2013 года по приглашению декана философского факультета Ю. А. Катунина стал преподавать на кафедре социологии и социальной философии в Таврическом национальном университете имени В.И.Вернадского, а Н. В. Чигрина становится директором Научной библиотеки вуза. В 2014 В. А. Чигрин возглавил кафедру социологии и социальной философии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

На протяжении всей работы вузовским преподавателем Виктор Александрович читал курсы по таким дисциплинам, как «Социология», «Методы и методология социологического исследования», «Политическая социология», «Социология молодежи», «Социология села»; совместно с Чигриной Н. В. был разработан курс по дисциплине «Социология чтения». В 2017 году часть курсов по этим дисциплинам вошли в учебник «Социология: история, теория, методология, практика», который был издан под научной редакцией проф. Чигрина В. А. и проф. Кального И. И. [5]. Данный учебник многократно переиздавался, стал победителем VI Международного конкурса учебно-методической, учебной и научной литературы, изданной в 2016/2017 гг. «Золотой корифей» [6]. Был автором ряда статей энциклопедического словаря по социологии политики.

Характеризуя деятельность В. А. Чигрина как преподавателя, важно отметить его по-отцовски напутственное, строгое и одновременно дружеское отношение к студентам. И они с такой же теплотой относились к своему любимому преподавателю. В. А. Чигрин никогда не был «кабинетным ученым», оправдано называя себя «социологом – полевиком». На его лекциях студенты всегда с особым интересом слушали настоящие примеры из «полевой жизни» социолога, что стимулировало намерение заниматься социологией в дальнейшем. А в рамках социологической практики студенты философского факультета выезжали под руководством В. А. Чигрина в «поле».

Как ученого В. А. Чигрина всегда отличала широта научных интересов, способность видеть новые перспективные направления. Нельзя не заметить, что исследовательское внимание Чигрина В. А. было особо сосредоточено на социологии молодежи. Так, на протяжении всей его научной деятельности осуществлялось глубокое, системное изучение ценностных установок, социально-профессиональной направленности и общественно-политической активности молодежи. В 1998–1999 гг. под его руководством был проведен анализ морально-нравственных ориентаций сельской молодежи областей Юго-Востока Украины. В 2011–2013 гг. были исследованы социально-профессиональные ориентации студентов Керченского государственного морского технологического университета (ГМТУ), а в период с 2014 г. По 2022 г. лет были исследованы ценностные ориентации студентов Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Важно отметить, что наряду с составлением социального портрета основных категорий молодого поколения, в его исследованиях всегда присутствовал точный социальный прогноз развития данной социальной группы. В частности, учитывая глобальные тенденции, связанные с падением ценности семьи как важнейшего социального института общества, В. А. Чигрин выступил с инициативой введения курса по дисциплине «Семьеведение» на гуманитарных факультетах Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

На протяжении последних десятилетий В. А. Чигрин подготовил и осуществил свыше 165 социологических проектов по проблемам социального развития села, сельской и студенческой молодежи, производственной и политической социологии. Возглавлял научно-практический центр «Социо». Был бессменным научным

руководителем и вдохновителем многих научных проектов, широко известных как в России, так и в мире.

В последнее десятилетие он прилагал все усилия для развития социологии в Крыму. В. А. Чигрин подчеркивал, что именно регионально ориентированная социология, учитывая возможность мониторинга ситуации на местах, обладает механизмами выработки конкретных управленческих решений, способствующих стабилизации социальных процессов в нашем обществе [7]. С 2018 года В. А. Чигрин стал работать в качестве научного руководителя Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, где вместе с директором Центра В. В. Узуновым было проведено ряд исследований в регионе [8]. Виктор Александрович был организатором проведения двух Крымских социологических форумов, которые стали достойным вкладом в развитии региональной социологии. В своем выступлении на I Крымском социологическом форуме В. А. Чигрин призвал социологов к гражданской ответственности: «Объект исследования социологии – область повседневного бытия людей, а предмет исследования – модусы социальной реальности, имеющие проблемный характер. Методы социологии – это совокупность принципов, приемов и процедур исследования проблемного объекта. Выбор путей и методов исследования конкретной повседневности определяется предметом исследования и профессиональной подготовкой социолога, его гражданской позицией и гражданской ответственностью» [9]. Именно «гражданское мужество», «нравственная твердость и прочность личного мировоззрения», «проявление научной честности и принципиальности»¹ являются предпосылками честной и настоящей социологии, которая в свою очередь приведет не только к настоящему выявлению «общественных недугов», но и к их лечению. В одном из интервью В. А. Чигрин сказал: «Социология – как медицина, только врач ставит диагноз одному человеку, а социологи – обществу. Если относиться к состоянию здоровья конструктивно, вовремя выявить «болезнь», выписать рецепт и начать лечить – недуги, поразившие как отдельного индивидуума, так и социальную группу, отступают» [10].

Как ученый и социолог В. А. Чигрин пользовался широкой известностью. Он был главным редактором журнала «Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского» (сер. Социология, Педагогика, Психология), членом коллегии рецензентов польского научного социологического журнала «Doctrina. Studia społeczno-polityczne», а также других зарубежных и российских журналов. С 2016 года был заместителем Председателя Диссертационного совета КФУ имени В. И. Вернадского по философским наукам, а с 2018 года – членом Диссертационного совета по политическим наукам. Чигрин В. А. всегда поддерживал научную деятельность студентов и, являясь наставником молодых специалистов, подготовил 7 кандидатов наук. Одной из последних в 2018 году под его руководством О. Н. Жупник была защищена диссертация по социальной

¹ Там же.

философии «Тренды ценностных ориентаций современной студенческой молодежи» [11].

За свои исследования в области социологии села в 1999 году был награжден Почетной грамотой Кабинета Министров Украины, в 2009 году был отмечен Знаком Почета Министерства аграрной политики Украины, в 2017 получил Бронзовую медаль Российского общества социологов, в 2017 году – Благодарность Главы Республики Крым. В ноябре 2018 года Чигрину Виктору Александровичу было присвоено Почетное звание «Заслуженный работник образования Республики Крым». Тогда же награжден медалью М. М. Ковалевского Российского общества социологов «За вклад в социологию». В 2019 году КФУ имени В. И. Вернадского отметил В. А. Чигрина почётной грамотой. В 2020 году имя крымского социолога В. А. Чигрина было включено в социологическую энциклопедию «Социология России в лицах: история и современность» [2]. Занимая активную общественную позицию, как социолог был частым гостем в крымских СМИ.

Был автором свыше 170 научных публикаций.

В.А. Чигрин запомнился своим друзьям и коллегам как человек творческий – писал стихи и музыку. В одном из своих стихотворений, Виктор Александрович обратился к своим коллегам, студентам и друзьям следующими словами:

«Профессорам, студентам, вам, друзья.
От кафедры желаю я успехов
Социология любимая моя
Пусть никогда не будет вам помехой»

Несмотря на все жизненные испытания, до конца дней своих (Виктор Александрович скончался 20.09.2022 г.), учёный верно служил своему призванию. Выступая на I Крымском социологическом форуме, он озвучил, что повседневную деятельность социолога и его отношение к коллегам должны характеризовать «взаимная поддержка в борьбе за истину, высокая культура чувств, тактичность, общительность и умение вести себя, не роняя достоинства ученого-обществоведа» [9]. Этого он придерживался и в своей жизни, всегда с достоинством относясь к коллегам.

Прощаясь, коллектив кафедры философии написал: «Нам, его коллегам и друзьям, а также всему научному сообществу, будет остро не хватать его огромного энтузиазма, верности своему делу и дружелюбности. Чигрин Виктор Александрович всегда служил общей пользе и уйдя из жизни, навсегда оставил о себе добрую память: это был настоящий человек и настоящий ученый!» [12].

И закончить эту статью бы хотелось стихотворением «Памяти Друга», которое написал однокурсник В. А. Чигрина Василий Матвеев.

«Невозможно поверить, дать какой-то совет.
Ты в душе мне оставил дорогой сердцу след.

Как же жить, сознавая, что тебя уже нет?
Я не знаю, не знаю, я не знаю ответ!
Ни семь струн не сыграют, не споёт баритон,
Анекдот не узнаем, тот, что знал только он.

Ты достойно и честно прожил жизнь на земле,
Клевете не подвластен, недоступен хуле.
До свиданья, товарищ, до свиданья, мой друг! –
Тишина гробовая, скорбь и слёзы вокруг.

Буду жить, доживая мне отпущенный век,
Со слезой вспоминая, что ушёл Человек!»

Список использованных источников и литературы

1. Жизнь положил на музыку. – Текст : непосредственный // Главная газета Мелитополя. – 2015. – 22–28 апреля. – С. 9–14.
2. Социология России в лицах: история и современность : энциклопедическое издание. – Москва : Весь Мир.– 2019.– 862 с.– Текст : непосредственный.
3. Чигрин В. О. Сільська молодь: досвід комплексного соціологічного аналізу / В. О. Чигрин. – Мелітополь : ЗІДМУ-ГДАТА, 2006. – 384 с. – Текст : непосредственный.
4. Чигрин В. О. Соціологія сільської молоді: теоретико-методологічні та методичні основи : дис. ... д-ра соціол. наук : 22.00.04 / Чигрин Віктор Олександрович. – Київ, 2008. – Текст : электронный. – URL: <http://www.disslib.org/sotsiologia-silskoyi-molodi-teoretyko-metodolohichni-ta-metodychni-osnovy.html>.
5. Социология: история, теория, методология, практика : учебник / под науч. ред. проф. В. А. Чигрина, проф. И. И. Кального. – Москва : Вузовский учебник : ИНФРА-М, 2020. – 348 с. – Текст : непосредственный.
6. Итоги VI международного конкурса учебно-методической, учебной и научной литературы, изданной в 2016/2017 гг. «Золотой корифей» (23 июля – 23 ноября 2017 года). – Текст : электронный. – URL: http://www.sci-cooperation.ru/activity/contests/itogi_golden_luminary6.
7. Чигрин В. А. Системные изменения в жизни общества и миссия социологии / В. А. Чигрин. – Текст : непосредственный // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Том 11 (55), № 3. – С. 30–42.
8. Чигрин Виктор Александрович // Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. – Текст : электронный. – URL: https://www.fnisc.ru/pers_about.html?id=1527.
9. Чигрин В. А. Научная миссия и гражданская ответственность социологов Крыма / В. А. Чигрин. – Текст : непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского : спецвыпуск. Серия: Социология. Педагогика. Психология. – 2018. – Т. 4 (70), Ч. 1.
10. Чигрин В. А. Врач ставит диагноз человеку, социология – обществу / В. А. Чигрин. – Текст : электронный. – URL: <https://new.crimiz.ru/rubriki/154-obrazovanie-i-nauka/12587-vrach-stavit-diagnoz-cheloveku-sotsiologiya-obshchestvu>.
11. Жупник О. Н. Тренды ценностных ориентаций современной студенческой молодежи : дис. ...канд. филос. наук : 09.00.11 / Жупник Олеся Николаевна; Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. – Симферополь, 2018. – 178 с. – Текст : непосредственный.
12. Памяти профессора Виктора Александровича Чигрина (14.01.1949 – 20.09.2022). – Текст : электронный. – URL: <https://cfuv.ru/news/pamyati-professora-viktora-aleksandrovicha-chigrina-14-01-1949-20-09-2022>.

Chigrina N. V., Zhupnik O. N. Viktor Aleksandrovich Chigrin: the way in life and in science

The article is dedicated to the memory of the famous Crimean sociologist – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University V. A. Chigrin (1949–2022). His contribution to the development of the sociological industry is noted, primarily in rural sociology, youth sociology, electoral sociology and regional sociology in the Crimea. The main lesson of Viktor Alexandrovich is his dedication to his vocation as a sociologist, scientific and social ideals. After passing away, he forever left a good memory of himself among colleagues and students – he was a real person and a real scientist!

Keywords: sociology in the Crimea, Viktor Alexandrovich Chigrin, rural sociology, youth sociology, electoral sociology.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Багрин
Егор
Андреевич** кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы Президентской библиотеки (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Васильев
Валерий
Викторович** кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Васильева
Оксана
Александровна** кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3 Института филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Дорофеев
Денис
Владимирович** кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Жупник
Олеся
Николаевна** кандидат философских наук, доцент кафедры философии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Козлов
Михаил
Николаевич** доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история и международная культура» Севастопольского государственного университета (г. Севастополь, Российская Федерация).
- Королев
Сергей
Владимирович** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, Российская федерация).
- Лосев
Константин
Викторович** доктор экономических наук, профессор кафедры рекламы и современных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

- Лугачева
Анжелика
Леонидовна** кандидат исторических наук, доцент кафедры «Финансовое и банковское право», Юридического института, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» (г. Севастополь, Российская Федерация).
- Маньков
Сергей
Александрович** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного художественно-архитектурного дворцово-паркового музея-заповедника «Царское Село» (г. Пушкин, Российская Федерация).
- Михайлов
Вадим
Викторович** доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Спивак
Игорь
Александрович** кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Тарасенко
Евгений
Николаевич** независимый исследователь, регионовед (г. Ступино, Московской области, Российская Федерация).
- Трухин
Владимир
Ильич** сотрудник Фонда поддержки социально-ориентированных проектов и программ «Петропавловск» (г. Москва, Российская Федерация).
- Чигрина
Наталья
Викторовна** кандидат социологических наук, научный сотрудник Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Шахин
Юрий
Владимирович** кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Севастопольского государственного университета (г. Севастополь, Российская Федерация).
- Шимон
Иоанн
Михайлович** протоиерей, настоятель храма Свт. Вениамина, благочинный Второго Симферопольского благочиния, г. Симферополь; аспирант Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).

**Щевелев
Сергей
Стефанович**

доктор исторических наук, профессор кафедры
археологии и всеобщей истории Крымского федерального
университета им. В. И. Вернадского
(г. Симферополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Васильев В. В., Васильева О. А.

Из истории международной образовательной деятельности
в Симферопольском государственном университете им. М. В. Фрунзе 3

Дорофеев Д. В.

Генезис внешней политики США: советская историография
1930-х – начала 1940-х годов 12

Козлов М. Н.

Был ли предателем Добрыня-посадник 29

Королев С. В.

Судьба виноградников во время антиалкогольной кампании
1985–1988 гг. в СССР (на примерах Крыма)..... 38

Лосев К. В., Михайлов В. В.

Молодые годы Хосе Антонио Паэса и начало борьбы
за независимость Венесуэлы 52

Лугачева А. Л.

Земские статистики Константин и Ипполит Вернеры:
одна судьба на двоих 64

Маньков С. А., Михайлов В. В.

Реакция властей на помещичье насилие в 1840-е годы
на примере дела подпоручика А. Ф. Мишагина..... 76

Спивак И. А.

Ши'итская политика Умайядов. 87

Тарасенко Е. Н.

Г. В. Ф. Юнкер – поэт, историограф, страновед
и надзиратель соляных заводов Бахмута и Тора 106

Трухин В. И., Багрин Е. А.

Походу Петра Бекетова в Забайкалье 370 лет:
новые штрихи к известным событиям..... 118

Шахин Ю. В.

Пространственный аспект служебных карьер
в Югославской Федерации (1945–1962)..... 152

Шимон И. М.

Крымская епархия в 1961–1964 гг. и противостояние
антицерковному давлению митрополита Симферопольского
и Крымского Гурия (Егорова) 162

Щевелев С. С.

Первая интифада в Палестине (1987–1993 годы)..... 172

MEMORIA

Чигрина Н. В., Жупник О. Н.

Виктор Александрович Чигрин: путь в жизни и в науке..... 185

Сведения об авторах 192